

Валерий АНАНЬИН

ПРИ СВЕТЕ – НЕ УСНУТЬ

ВЕНОК ВЕНКОВ СОНЕТОВ

Оглавление

ОТ АВТОРА	3
ЦВЕТЫ БЕССМЕРТНИКА СУХИЕ 1-й венок сонетов	5
В ПРИЦЕЛЕ ГЛАЗ И ЛЕЗВИЙ 2-й венок сонетов.....	10
ДОВЛЕЕТ СОН 3-й венок сонетов	16
КОГДА-НИБУДЬ 4-й венок сонетов	21
СКВОРЕЦ ИЗ ВОСКА 5-й венок сонетов	27
ПАРОМЩИК СНОВ 6-й венок сонетов	33
И В УХО – ШЕПОТОК... 7-й венок сонетов.....	39
В ПОРЯДКЕ БРЕДА 8-й венок сонетов	45
ТОТ ПРИВКУС КРОВИ НА ТВОИХ ГУБАХ 9-й венок сонетов	50
КОЛЕЧКО В НАСЕЧКАХ или НЕНОВЫЙ ДОН ЖУАН 10-й венок сонетов	56
ИЗ КОНЦА К НАЧАЛАМ Насечка Публикатора.....	56
ПО КОЛЬЦУ Насечки Дона Жуана.....	57
ИЗ НАЧАЛ К КОНЦУ Замкнуто Публикатором	62
ВСЕГО-ТО – ВСТРЕЧА... 11-й венок сонетов.....	63
А БЫЛО ЛИ? 12-й венок сонетов	69
ТОТ ЖРЕБИЙ 13-й венок сонетов	75
И НАДО ПЛЫТЬ... 14-й венок сонетов	80
И ТОТ ЖЕ СОН... 15-й венок сонетов (венки-магистрал)	86
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	92
К ВЕНКУ-2 ЧЬИ, ВООБЩЕ, ЭТО РЕЧИ? (Из писем, найденных на чердаке).....	92
К ВЕНКУ-4 НЕ ТО, ЧТО ЛЮБИМЫЕ ЖДУТ... (Из писем, унесенных вороном).....	97
К ВЕНКУ-5 МНОГОУЧЕННЫЕ КОММЕНТАРИИ в трех частях	99
К ВЕНКУ-7 ТЕНИ ВЕНКА в 15 главках (Рукопись, найденная на чердаке)	106
К ВЕНКУ-8 В СТРАНЕ НЕПУГАННЫХ СОНЕТОФИЛОВ(Из писем, унесенных вороном).....	116
К ВЕНКУ-9 (Из писем, унесенных вороном).....	122
К ВЕНКУ-14 ЕЕ ЛИЦО – НАЧАЛО ВСЕХ КОНЦОВ (Из писем, найденных на чердаке).....	126
К ВЕНКУ-15 ПОСЛЕДНИЙ ВАЛЬС (Из письма, найденного на чердаке).....	132

ОТ АВТОРА

Это – часть книги «Комнаты эха» (пока в рукописи), ее, скажем так, сквозной «прошив». «Венок венков» – форма (по крайней мере, в теории) отнюдь не новая, хотя и намного моложе, чем и «венки», и сам сонет, родившийся в XIII веке. Это макроцикл из 225 сонетов: 14 венков, их 15-е сонеты-«ключи» составляют 15-й венок-магистрал. Такое у нас когда-то пытался сделать, по молодости, Илья Сельвинский, но бросил затею; ныне русских суперкорон уже десятки, пишут и профессионалы, и любители, и даже графоманы...

Жанр всей книги не назовет и автор, это «кентавр», чем-то сродни и «Zoo» молодого Шкловского, и нечто вроде «элогиума» (был такой жанр во времена Данте): смесь стихов, песен (и даже поэм) и прозы: «писем», «эссе», «трактатов»... О чем бишь нечто? О разном, от отражений авторского мироощущения до сугубо личных «отношений» с самим собой и другими «адресатами», с какими-то из книг и писательских имён в том числе... Всё это – без четкого умысла и «внутреннего редактора»; и где там «автор», где он сквозь «маски», а где мистификация и «литература», – и самому уже не различить.

Такие книги могут быть не менее бесконечны, чем известный «Тупик» Галковского, и эта, наверное, будет дописываться и дописываться, пока смогу... Она и «книга-здание», пусть и фантастически-невозможной архитектуры. Нелепый дом-лего, этот, по видимости, хаос, где «порядок» и связи, очевидно, вняты разве что самому автору...

Словом, сам «венки» – в объеме книги – почти «растворится». Потому автор и счел не лишним выделить пока его как самостоятельную вещь. Это ведь – еще и запоздалый, но тоскующе-любящий венок памяти любимому «серебряному веку»...

Моя "корона корон" не схожа ни с одной из уже имеющихся в нашей стихопрактике: там, как правило, выдерживается единой одна из сонетных моделей, здесь же и отдельные сонеты, и целые венки – намеренно разные (что-то вроде "малой структурной антологии"): по «итальянским» схемам (их не одна, см. хотя бы словарь А. Квятковского), «французской», «английской», «вольные» (как венок-4), «смешанные» (что русскому сонету привычно давно, с пушкинских сонетов, ставших классикой), «экспериментальные». Есть даже венок сонетов-«аномалий» – как давно «узаконенных», так и созданных самим автором. Нетрадиционен и "ключ ключей", 15-й сонет 15-го венка: форма "модернизирована", усложнена, да еще и «раздвоилась». Шире и свободнее, чем предписывал канон восьмисотлетней давности, и приемы рифмовки: тут «на равных» живут рифмы точные (и «побогаче», и «победнее») с современными «рифмоидами» (ассонансами); реабилитированы и рифмы глагольные, которых, вопреки общепринятому мнению, отнюдь не чурались мэтры нашей поэзии, как не

чураются стихотворцы и поныне... А «малые догмы»: число сонетных слогов (154 – таково и число сонетов у Шекспира, случайно ли?), «разверстка» их по катренам и терцетам, число и соотношение в строфах «женских» и «мужских» рифм и т. п. – они и до меня испокон редко соблюдались, как в мировой истории сонета, так и практически никогда – в русском сонетном ямбе. Короче, автор не видит греха, что попытался что-то сказать языком сонета не в XIII веке и не по сонето-«домострою» Буало (что автору было бы, ей-богу, проще и легче), а на мутной заре третьего миллениума... Впрочем, в конечном счете это именно «венки венков».

В рукописи каждый из венков сопровождается своего рода «приложением», на самые разные темы. Здесь даю лишь некоторые из них: те, что непосредственно комментируют какие-то из венков или представляют собой добавочные эксперименты (и в шутку, и всерьёз) с сонетной формой. Слогу этих приложений – зачастую «эпистолярному» – удивляться не надо: вся книга – как бы «сборник писем» к неким адресатам (или – адресату?)...

Кстати, сонетов – заметно больше указанного «нормативного» числа (225): как увидит читатель, почти десяток «лишних» скрыт и в самой «сверхкороне», есть сонеты-опыты в приложениях, а в будущей книге возможны и отдельные сонетные циклы... Вот такая, чисто «технологическая», справка. Остается сказать, что росло это не один и даже не два-три года.

А «про что», «зачем» и «почему именно такое» оно всё – это совсем другой вопрос...

ЦВЕТЫ БЕССМЕРТНИКА СУХИЕ

1-й венок сонетов

*Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что кто-то нас забыл...*
Н. Гумилев

-1-

Когда уходит что-то из души,
В ней плакавшее, тихое, живое,
Ты вслед ему бессильно помаши,
Отчаянья не выдав пёсьим воем.

Присядь к столу, в ладони головою,
И памяти оплывшей потуши
Свечу. И болевое, ножевое
Бессмысленное слово напиши:

"Прости". И всё. И камнем ляжет тишь
Полупокоя и полу-удушья.
И ты тщету прощаний ощутишь.

Утерян смысл прекрасной давней чуши.
Кому, чему "прости" ты прохрипишь?
Без имени оно – чем живы души.

-2-

Без имени оно... Чем живы души?
Надеждой выйти из теней на свет?
Иллюзией, что ты зачем-то нужен
Нежнейшей (и грознейшей) из планет?

Ну, не земле, не миру – глянем уже, –
Хотя б стране (где твой неведом след)?
Ну, не стране – хоть женщине (чьим мужем
Ты был на миг – или на прорву лет)?

Ну, хоть не женам – детям бы?.. Кому же?
(Не той, кому ты был, быть может, сужен,
Зыбучий тот песок не вороши.)

Ночь. Для кого дышать? Чему молиться?
Фантомам, безымянным и безлицым?
Сожмись в комок. Зажмурься. Не дыши.

-3-

Сожмись в комок. Зажмурься. Не дыши.
Он вкрадчивей чумы и радиации –
Привычный смрад лихой цивилизации.
Гневил ты Бога – Чёрта посмеши.

Свой трагифарс доигрывай. Пляши,
Венец природы. Но не жди овации

За пляс на трупе супердекорации –
Земли в струпье ожоговых плешин.

И под финал безумнейшей из пьес
Дохнет прореха вспоротых небес
Тобой же сотворенной смертной стужей.

Ты глянешь дико. Запоздал вопрос:
Кто "мене, такел, фарес" произнес?
Перетерпи миг ужаса – и слушай...

-4-

Перетерпи. Миг ужаса – и... Слушай,
А все-таки, а вдруг: Там – что-то есть?
За гранью той? Не рай, но все же – лучший
Бесслезный мир? Там бед и болей – несть.

Там нет понятий "прежде" или "днесь",
А есть – "веки". Там наш дух послушен
Иным законам, – их не знаем здесь,
Где идолам и чувствам слепо служим...

Вот только не послать из бездны весть
Жестокому, холодному, родному,
За пропастью оставленному дому.

И встречный зов не перейдет межи:
К земному глух, кто слух успел вознестъ.
Что ты услышишь – в мертвенной тиши?

-5-

Что ты услышишь в мертвенной тиши,
Когда в своей камерке неухоженной,
Молчанием и страхом огороженный,
Грошовых грёз ты чистишь медяши?

За стенкой ворохнулись малыши,
Твои смешные принцы на горошине.
Не дай им Бог судьбу – ходить по крошеву
Спасительной и бесполезной лжи.

Короткий стон за дверью оглушил.
Там женщину терзает сон непрошенный:
Цветы, что ей к ногам тобой не брошены,
Проклятия, что ты не заслужил.

...Бьет обруч пульса – злее, уже, туже,
Беззвучным громом разрывая уши.

-6-

Беззвучным громом разрывая уши,
Приходит мысль. Она нага, проста,
Но чем она иных скрижалей хуже?
"Немилосердно – снятие с креста".

Нет милости, Господь, в добре натужном:
От слепоты излечивать – крота.
Не тронь костыль для гордости недужной –
Крест жалкий самодельного христа.

Оставь мне самозванный знак юдоли:
От призрачных гвоздей в пустых ладонях –
Незримые кровавые тяжи.

Дай время мне. Не торопи спасенье.
Чтоб изнутри тоска по воскресенью
Толкнулась в сердце. Выжди. Не спеши.

-7-

Толкнулось сердце. Выжди. Не спеши.
Неужто вняли, как Земля молилась:
"Эй, Кто-нибудь, яви Господню милость
И гарь пустынь – росой освежи!"?

Ах, было уж... Иль былью это мнилось?
...Бог землю жег. И кто-то – сокрушил
Жестокого. И – тьма божков явилась:
Дотлить, что мертвый бог не довершил.

Неужто в мире что-то изменилось?
И хочется поверить в мираж ,
И сон – былой, не сбывшийся, – он жив,
Сон о росе, что в яд – не обратилась?

Твердь содрогнулась. Поверху. А – глубже?
Еще толчок. Еще. Но – глуше, глуше...

-8-

Еще толчок. Еще. Но глуше, глуше
Звон крови в побелевших кулаках.
Не стронешь дверь, не рвись. Тебе – снаружи,
Ей – быть внутри. И створы – на замках.

И ключ – потерян, или ржой порушен,
А может – и не отлит за века.
А там – хрустальный пыльный гроб. И кружев
Ошметки. И прозрачная рука

Скребет стекло. Она проснулась, боги!
Зовет! А ты – на запертом пороге.
Ей душно! Гроб разбить ты не успел...

Ах, этот сон! Он, право, глуп и скушен.
Царевна – задохнулась в скорлупе.
Ты – выжил, став бескровнее и суше.

-9-

Ты выжил. Стал бескровнее и суше
Твой тусклый потаенный мир утех.
Стихи? Шекспира разобрал бы смех,
Когда он не уснул бы, их дослушав.

Любовь? Пигмалион, забудь свой грех.
Лечить оживший мрамор от бездушья,
Дав дар дыханья – в мире безвоздушья,
Где даже мертвой нет воды – на всех?

Да и какой там лекарь – из больного...
Так что тебе осталось из иного,
Когда похмельный множится урон?

Лишь книги. И привычка к суесловью.
Пушай согрет чужой, бумажной кровью
Остывший пульс, – зато как ровен он...

-10-

Остыл твой пульс. Зато как ровен он!
Тупые токи – мерны, как на марше.
...В окне – майдан ворон, котов омон,
И выгул дога маклером монаршим.

Прерви на час застольный марафон.
Дай продохнуть от строчечного фарша,
Где смысл кудряворечьем заменен.
Пришла усмешка. Значит, стал ты – старше.

На миг? На жизнь? Не знаешь ты пока.
Глянь в зеркало, скорбец, на дурака.
Хорош пророк! Побрился бы, покушал...

Миг миновал. И снова повело
К столу. Покуда доскребет стило, –
Иссохнет море, пылью станет суша...

-11-

Иссохнет море. Пылью станет суша.
Остынет пекло солнечных пламён.
А дряхлый Бог всё будет бить баклуши,
Навек трудом творенья утомлен.

Сумей придать вид океана – луже,
Заплатам подновленным – роль знамен,
Заклятьям – темп мажорнейшего туша,
И спи, своим уменьем умилен.

А ты, скиталец, жди обманной манны
И прозревай эдем обетованный,
Ты в перетрясах мира закален.

Блаженны будьте, бедные невежды,
Доколе не осыплются надежды
Золою звезд без судеб и имен.

-12-

Золою звезд без судеб и имен
Останется мерцающая крупка
Любви, больной, ребяческой и хрупкой,
Чьим светлым льдом твой горб обременен.

Всю жизнь ты не умел играть по крупной.
По мелкой, кстати, тоже. Был умен,
Но, впрочем, в меру. Где-то, запылен,
Ржавеет меч, не побывавший в рубках.

Где, – не сыскать... И по руке ли то
Оружье тем, кто маемой иссушен?
Умом – не понимал любви никто.

А – верить? Сколько вер в тебе разрушил
Твой черный визави! Ему-то – что!
А ты живи – не уберегший душу...

-13-

А ты – живи! Не уберегший душу,
И завещать бы я ее не мог
Тебе, мой горький друг. Наступит срок
С таких, как мы, взимать оброк подушный,

Особый, нам назначенный оброк:
Чтоб захотели вырваться из душных
Щелей своих, меж бредом и подушкой,
И – не смогли б. Зря щелкал бы курок,

Пенька текла бы, и ножи крошились...
И снова из последних сил бы бились
Лбы о бетон. И рвался бы бетон...

Живи, мой друг! Да будет он продлен,
Твой срок. Тогда б грехи тому простились,
К тоске бессмертья кто приговорен.

-14-

К тоске бессмертья ты приговорен.
Что ж, согласишься, что это справедливо.
Ты был и сиротливым – и счастливым.
Знал жизнь аскета – и житье сластен.

Стихом лечился, если уязвлен.
Без зависти – пил мед чужих разливов.
Умел гордыню нянчить терпеливо.
Казнился, что смиреньем обделен.

Но грешен ты грехом незамолимым:
Себя не отдавал своим любимым.
Рыдал – но наблюдал, как сам душил

Неверья щебнем – теплую стихию...
...Скрипят цветы бессмертника сухие,
Когда уходит что-то из души.

-15-

Когда уходит что-то из души,
Без имени, но то, чем живы души, –
Сожмись в комок, зажмурься, не дыши,
Перетерпи миг ужаса – и слушай.

И ты услышишь: в мертвенной тиши,
Беззвучным громом разрывая уши,
Толкнулось сердце. Выжди, не спеши.
Еще толчок. Еще. Но – глуше, глуше...

Ты – выжил. Стал бескровнее и суше
Остывший пульс. Зато – как ровен он...
Иссохнет море, пылью станет суша,

Золою – звёзды судеб и имен.
А ты – живи. Не уберегший душу,
К тоске бессмертья ты приговорен.

В ПРИЦЕЛЕ ГЛАЗ И ЛЕЗВИЙ

2-й венок сонетов

Шекспир еще тобою не дочитан...
М. Кузмин

-1-

К тоске бессмертья ты приговорен.
Зеленый Рыцарь, Проклятый Апостол,
Бродячий Жид, Летучий Шкипер... В пестрой
Теперь ты стае – длящих вечный гон.

Из нас любой – свой крест несет. Мой Донн,
Мой страстный Джон, мой колокол с погоста,
Ошибся ты: всяк из бродяг – суть остров,
И от собрата – бездной отделен.

Плавучий камень в океанах смрадных,
Не витязь авалонского спецхрана,
А вечно-дряхлый свифтовский струльбруг...

Не старится – лишь тот, со взглядом странным.
Кого ты ищешь меж виллис-подруг,
Мой бледный принц, убивец невозбранный?

-2-

Мой бледный принц, убивец невозбранный!
Утешьтесь: без Офелий наш балет.
Идут "на ны" канканным па таранным
Одилий роты в имиджах Одетт.

Миранда делит рэкет с Калибаном.
Вдова Отелло – мэ. С ней спит сосед –
Сенатор Яго. В звездах поп-экрана
Виола с братцем – "Трансвестит-дуэт".

Джюльетта "Банк Монтекки" по судам
Мотает за растление юных дам –
И обанкротит поздно или рано.

В римейке "Киллер Датский" нужен шут
По кличке "Череп". Вас на пробы ждут:
Как датский дог, Вы смотрите шарманно.

-3-

Как датский дог, ты смотришься шарманно:
Крахмальный ворот, черное трико...
Вот так бы вышел просто и легко
Печальный клоун, йорик иностранный.

Тебе он был чужак страны буранной,
А мне он братом был и земляком.
Он с зонтиком играл, как со щенком,
И солнышко носил он в кейсе драном.

Он умер молодым. Шута забыли.
Почтим коллегу, принц. На одеон
Как вышел бы в Эсхиле он! Отбили

Ладони б ложи. Шел в райке бы стон.
И гамлетов родил бы в изобилье
Партер, игрой и гримом покорен.

-4-

Партер игрой и гримом покорен:
Какой он душка! Он зрачками в души
Нам повернул глаза! Как умудрен!
Он наши души потрясет – как груши,

И отрясет: плоды злонравья – с жен,
С мужей – оковы тяжкие. Петушьей
Отвагой озарен и окрылен,
Взорлит наш дух во хламе плотской туши.

И захотим мы наши всем рекордам
Дать имена. И зазвучим мы гордо,
Ты, я ли, Магомет, Наполеон...

И выйдут в город зрительские орды.
И обсосет дождя рябая морда
Театр: фольгу клинков, картон корон...

-5-

Театр! Фольга клинков, картон корон.
И там, в тени блистающего сора,
Сквозь вязь нас возвышающего вздора, –
Он, в столб челом – лбом в грязный поролон.

Нелепейшим сюжетом изнурен,
Все страсти и мордасти Эльсинора
Собрал он, как магнит. И будет споро
С ума сведен, убит и погребен.

...Растаскан текст на общие места.
В кулисах – сплетни. В зале – маета.
И что Гекуба – зрителю-гурману!

А у того, на сцене, – рана рта
Дрожит. И каплет корчащейся раной
Изящный треск трагедии карманной.

-6-

Изящный треск трагедии карманной
Внезапно смолк. И вот накрыла зал,
Смыв походя белила и румяна,
Великая и грубая слеза.

Всю скорбь и желчь, все дразги и романы,
Измены и обеты он связал,
Миг тишины. И вдруг – хрипуче-пьяный
Шарманки вздох ударит по глазам.

Не месяц ли звенит нам из тумана?
Как нож он вынул нежно-воровски...
Мой принц! Напоминать нам негуманно,

Что жить-то нам до гробовой доски –
Не там, где рифмой гладят языки,
Где всё – и яд, и кровь, и смерть – обманно.

-7-

Где всё – и яд, и кровь, и смерть – обманно,
И где сукно не просто так черно,
А как бы знак, что черен мир давно,
Там бродят люди снов – театроманы.

У них глаза – провидцев и шаманов.
Как дегустатор пробует вино,
Так им цедить по капельке дано
Жест Лира, вопль Медеи, взгляд Жуана.

Они – свои на празднике Игры.
Но ночевать – брести к себе в шатры,

Издоранные прозой, им придется.

...Усни, тьмой низких истин окружен.
И свет высокой лжи во сне вернется:
И верность жен, и бред любви, и трон...

-8-

И верность жен, и бред любви, и трон –
Все суета, мой принц. Ты прав: не стоит
Булавки это вервие простое,
Удавка-жизнь, когда и смерть – лишь сон.

Но есть одна препона из препон:
Себе-то в ухо, скептик мой, мой стоик,
Мы не вольем убойного настоя.
Вот истина, хоть нам и друг Платон.

А допекут, – уж им не отвертеться!
Возлюбленная будь, ее отец ли, –
Всем по серьгам. Ни мести в нас, ни злости:

Кулак и меч – орудия добра.
Мы, дети мысли, не играем в кости:
"Умри – воскресни" – детская игра.

-9-

"Умри – воскресни", детская игра.
Офеличка бежит купаться в омут.
Ребячий визг, ночных дворов нора –
Там Хотспера кончает тетка Монмут.

Мавр и нимфетка катят в номера,
На случай прихватив из детских комнат
Гарроту с бритвой. Дозу перебрав,
Бомжата Лир с Тимоном в луже мокнут.

Повсюду – жизнь! Резвится детвора.
О, папа Вильям, с каждым веком проще нам
Вставать ногами вверх эт цэтера.

...Четыре копа вынесут с жилплощади.
Вставайте, бард! Рассвет уже полощется.
Марш отфюнебрен. Воскресать пора.

-10-

Марш отфюнебрен. Воскресать пора.
Сам Фортинбрас с его штурмовиками
В примерной ждут с лавровыми венками.
А там – банкет, и тосты до утра.

Легко ли изгаляться у ковра
В прицеле глаз и лезвий... Шпарь часами,
Бронежилет в поту, и сам власами –
Что дикобраз. И так – все вечера.

...Банкет у них при фраках и свечах.

Кихана, друг, расслабимся на час.
Мигни Альдонсе, – отвлечет ораву.

А к нам брат Жан с Панургом невзначай
Причалят. И потринкаем на славу.
Что за судьба! Опять – избыть отраву...

-11-

Что за судьба! Опять избыть отраву
Предательства. И кровь профильтровать.
Забыть, что сам толкал в речные травы
И не давал любимым выплывать.

Не помня зла, греха, дурного нрава,
Улыбку их прощальную призвать
На свой закат. И, как алмаз в оправу,
Вправлять ее в прокрустову кровать.

И за свое Несбывшееся драться,
Как русский негр с тем полу-нидерландцем,
Полу-французом, – насмерть... С похорон

За брачный стол любимые садятся.
А ты – сумей, под свист иль плеск оваций,
Встать, пряча рану, выйти на поклон.

-12-

Встать, пряча рану. Выйти на поклон
К обрыву рампы. Дальше – тишина.
Безмолвствует народ. Он сыт сполна.
Он зрелищем по темя напоён.

Зуд утолен. Да зуб не удален:
Зол Бардольф: честь воров ущемлена,
А Джеку Кеду бредится спьяна,
Что в принцах-то природных – он рожден.

Народные трибуны, волчья сыть!
Кориолан и Марк Антоний правы:
Лишь мертвых вы умеете любить,

Еще – ярмо с гремушкой, да халяву,
Да сладость права – бить или не бить.
...Какой за сценой век? Не вспомнить, право.

-13-

Какой за сценой век? Не вспомнить, право.
...Горбатый Дик, по дантовым кругам
Сходя, как был любовью, мой кровавый,
Ты обделен, несчастный уркаган!

Ты, анадиомена и шалава,
Моя Крессида! Как война долга!
А Троя все горит, Ахиллы бравы,
Гной кипятит макбетова карга.

Есть многое на свете, мой Гораций,
Где нас мудрей – Полоний с Розенкранцем,
Эстета Фета – раб его Семен.

Мозолит совесть. Замыслам-гигантам
Как дохромать, сквозь кровь и пыль, до Ганга?
Вне времени – как внять глагол времен?

-14-

Вне времени – как внять глагол времен
Во времена разруба и распада?
Успеть бы, как Фальстаф перед расплатой,
Понять, обнять лугов зеленый лен.

Там чудеса. Там шутит Оберон.
Целует Лира дочь в седые патлы.
И крепче смерти любят клеопатры.
И ослик-ткач – Титанией пленен.

...Свободы черной музыкой прельщен,
За изгнанного Просперо отмщен
Мир тварный, Сикораксы злое семя.

Лишь ты хранишь безумный рой племен,
Мой Арахорн, угрюмый страж Средземья.
К тоске бессмертья ты приговорен.

-15-

К тоске бессмертья ты приговорен,
Мой бледный принц, убивец невозбранный.
Как датский дог, ты смотришься шарманно.
Партер игрой и гримом покорен.

Театр! Фольга клинков, картон корон,
Изящный треск трагедии карманной,
Где всё - и яд, и кровь, и смерть – обманно,
И верность жен, и бред любви, и трон...

"Умри – воскресни", детская игра!
Марш отфюнебрен. Воскресать пора.
Что за судьба! Опять – избыть отраву,

Встать, пряча рану, выйти на поклон...
Какой за сценой век? Не вспомнить, право.
Вне времени – как внять глагол времен?

ДОВЛЕЕТ СОН

3-й венок сонетов

*И я много плакал о том, что никого не нашлось
достойного раскрыть и читать сию книгу, ни
посмотреть в нее.*

Откровение Иоанна

*Но мы, научившись от Спасителя Христа моли-
ться, чтобы нам не подвергаться искушению (Мф.
VI.13), сознавая свою немощь, будем просить Его не-
престанно и усердно, чтобы избежать этого иску-
шения, не видеть ни пришествия антихриста,.. ни
бед смертоносных...*

Андрей Кесарийский (V век н. э.).
Толкования на Апокалипсис

-1-

Вне времени – как внять глагол времен,
Когда и сам глагол уже не внятен
В твоих столпокрушениях, Вавилон,
Какими вновь за дурь гордыни платим?

Плюют туристы в Дьяволов Каньон,
В нем не признав одну из вечных вмятин,
Где Падшего злой след запечатлен
Во дни, когда не знало солнце пятен.

Все повторится. Пришлецом ведом,
Оставит новый Лот родной Содом,
Любви отпавшей соляную грудку,
Чтоб ген Моава влить в Давидов дом...

Но Спящий в нас – расслышит ли потом
Курантов гул, будильников погудку?

-2-

Курантов гул, будильников погудка,
Ниже труба Последнего Суда –
Ничто нас не подымет. Навсегда
Уснул наш детский разум. Спи, малютка!

Не для души – хотя бы для желудка,
Не пища духа, но, увы, еда
Днесь нам потребна. Голоден егда –
Как следствие, довлеет сон рассудка.

Не так ли мы и любим? Испокон
Родня Христа, князь песен Соломон
Лозу любви дал в пугало Гамлétу:
Крепка, как смерть. Как сон... А в яви он –
Лозу сдавал, за звонкую монету....

Как спящим – распознать металла звон?

-3-

Как спящим распознать: металла звон
Сквозь беспробудность дрёмы – что вещает?
Пророчит ли венчальное «динь-дон»?
Кандальное «брень-дрень» ли обещает?

Ах, вам бы – пиитический бон-тон:
Батальное «клинц-кланг»? Шутить с вещами
Брутальными не стоит. Миль пардон,
«Бомм» погребальное – вас не смущает?

...А, трель брегета! День сует встает.
Царь, Суламифь, подъем! На бутерброд,
Кефир, бритье и макияж – минутку...

Решать – была минута и прошла:
Архангел на великие дела
Из вас двоих – кому сыграл побудку?

-4-

Из вас двоих – кому сыграл побудку
Ваш Гефсиманский петел? До зари
И поцелуй, и отречения (три!)
Уже свершились. И проснуться – жутко.

Еще пуста Граалева посудка,
Но до Голгофы – кайся иль умри! –
Тому, любовь к Кому вас изнутри
Обоих жгла, – остались только сутки...

Петром проснешься ты? Искаротом?
Вторым – крест Искупления сотворен.
Оправдан в первом – кто предаст кого-то
Из трусости. И каждый – награжден:
Осины сук – и райские ворота.

Как угадать: на что – ты осужден?

-5-

Как угадать, на что ты осужден?
Быть Валтасаром? Так доходы – нищи.
Смешно бояться огненных письмён
В бесцветных снах унылого жилища.

Стать Иродом? Пророка, что казнен
Достоин быть, конечно, всякий сыщет.
Да дур, что отстриптизят вальс-бостон
Не за валюту вам, – сыщи из тыщи...

Мельчает грех. Вы, нынешние, ну-тка!
Сбыл десять вето по дешевке век.
Где до Эдема голоснуть попутку –
Сдать вохровцу с мечом для Бога чек?

Не оправдал расходов человек
На страсть, на лживый рай, на злую шутку.

На страсть, на лживый рай, на злую шутку –
На что мы тратим явь свою и сны!
Тельцы златые нам разрешены, –
Вкруг них и пляшем под чужую дудку.

Мы нынче из Магдалы проститутку
Чтить не за нимб – за беса в ней вольны.
Споет поэт про цвет голубизны, –
Представим мы отнюдь не незабудку.

Когда-то нам, среди угрюмых бдений,
Тупых радений, – сон святых видений
Был дан: о счастье толп, а не колонн...

Оно пришло. Но тлеет ночью-денно
Вопрос, надеждой тягостной клеймен:
Пришло на вечность – или на семь дён?

Пришло на вечность или на семь дён
К тебе злосчастье с черным нездоровьем,
Богопослушный Иов? Малой кровью
Пытатель твой не удовлетворен.

Жечь пажити и гнать стада в полон?
На очаги и семьи рушить кровлю,
Чтоб доказать, что мы Ему – не ровня?
А лептой сыт – так лепрой одарён?

Бог аксиом, чудны твои даянья!
Грехи – опережает наказание.
Чем многотерпней раб – тем казнь лютей.
Сон катастроф, кошмарная накрутка.

...А между двух очередных страстей –
Зияющее чувство промежутка.

Зияющее чувство промежутка:
От забытья – до полубытия.
Тень одежки, хламная обутка,
В них – полуплоть, твоя ль, незнамо чья,
В ней – полумысль, убогая запрудка
Потопу тьмы. Подобье жития –
Кружить от тупика до перепутка,
И вспять. И снова – на круги своя...

Брат поднятым с полдневной спячки совам,
Влеком в тебе звучащим страшным зовом,
И не мертвец, и не избывший смерть, –
Камо грядеши, Лазарь, Божий зомби?

Умел бы – не стерпел безумный сон бы...
Но как, мой Бог, когда – сумеь, посмеь?

Но как, мой Бог, когда – суметь, посметь
Поверить снам, где сроки возвестили
Четыре монстра Иезекииля:
Нам – озвереть, провидцам – онеметь...

Мы – волки? И Ловец раскинул сеть,
Чтоб завтра до изгарной сажной пыли
Нас истребили, как свинец в горниле,
Треть – язвой, треть – мечом, и ветром – треть?

Стене из грязи – ей ли уцелеть
Под плетью ливня? Трубно грянет медь, –
И смолкнет жернов, и мужи согнутся,
И стерегушим дóмы должно впредь
Ходить дорогой ужасов... Проснуться!
Раздвинуть гири-веки – и прозреть!

Раздвинуть гири-веки – и прозреть
Немое небо в день седьмой печати.
Шесть ярых нот готовы возгреметь,
Но той, седьмой, – не скоро прозвучать ей.

Не свистнет серп, не потрясется твердь,
Доколе чаши гнева не почáты.
В Армагеддоне лечь, в огне гореть
Не чают Зверь и рать его исчадий.

Но в белоризных избранных Того,
Кто станет Светом Мира своего
И нам отрет слезу рукой благою, –
Ни в ком ты не узришь свои черты,
Как в вещий морок ни старайся ты
Вглядеться с темною тоскою.

Вглядеться с темною тоскою
В бесследный промельк: по́ небу – орла,
Змеи – по камню, по воде – весла,
И твой – по сердцу той, кто – не с тобою...

Взойти на угли голою стопою –
И не уснуть, не вздув хоть искру зла
От головни, что пазуху прожгла, –
По древней притче вам дано судьбою.

Не воду ли завяжешь ты в одежды?
Не ветер ли горстями соберешь?
Беда, как вихрь, придет, раздернет вежды, –
И ты мудрей не станешь ни на грош,
Гляди хоть век с бессмысленной надеждой
В ее глаза, где дымом ты плывешь...

-12-

В ее глазах, где дымом ты плывешь,
Сквозят все души жен, чей пламень в гордом теле
Не свет и правду нес – костер и ложь,
Мог влечь миры – с орбит, и царства – к черной цели.

Войди под мглу ресниц – и ты поймешь
И Евы жадный пыл, и жар Иезавели.
Им древний плен постыл. Им невтерпеж
На волю вырваться – и воплотиться в деле.

Кто головы косил, что в поле рожь, –
Иродиады дочь, иль дочь Аминодава?
Не разбуди теней. Не растревожь
Ни зло Гофолии, ни Иаили славу:

У ведьм и праведниц равно зрачки кровавы,
Не дай Господь, – т а к о е в них прочтешь!...

-13-

Не дай Господь, – т а к о е в них прочтешь,
В стихах, что за тебя давно чертила
Рука чертенка... Выщвели чернила,
Но цел комедий завтрашних чертеж.

Что ж, зарифмуй собой чужой платеж
По счету. От тебя вечор Далила
Легко и равнодушно уходила,
В дверях съязвив: «Не силой ли вернешь?
Самсон, где кудри, честь главы твоей?
Всему пора. Им – без моих затей
Седеть, редеть. Тебе – храпеть в покое».

Кричи ей вслед: «Ужо тебе! Ей-ей,
Без вас ТАКОЕ вздымем – вдвое, втрое! –
Когда-нибудь!»... А что – «такое»?

-14-

Когда-нибудь: – А что такое
Есть истина? – второй Пилат
Тому, Кто будет вновь распят,
Речет. А Тот – качнет главою
И промолчит опять. Водюю
Труп сухостоя не поят.
А те, кто знают, что́ творят,
Навряд не сотворят худое...

...Гроб снова пуст, как ясли во хлеву.
Три плакальщицы грезят наяву,
Но сон апостолов бессильны
Прервать. Всему предел сочтен:
Предтечам с вещей лирой – и мессиям.

Вне времени – как внять глагол времен?

Вне времени – как внять глагол времен,
Курантов гул, будильников погудку?
Как, спящим, вам узнать: металла звон
Из вас двоих – кому сыграл побудку?

Как угадать, на что ты осужден?
На страсть? На лживый рай? На злую шутку?
Пришло на вечность или на семь дён
Зияющее чувство промежутка?

И как, мой Бог, когда – сумеь, посмеь
Раздвинуть гири-веки – и прозреть,
Вглядеться с темною тоскою
В ее глаза, где дымом ты плывешь...
Не дай Господь: т а к о е в них прочтешь
Когда-нибудь... А что – «такое»?

КОГДА-НИБУДЬ

4-й венок сонетов

*Запертый сад, заключенный колодезь,
запечатанный источник...*

Песнь Песней

-1-

Когда-нибудь... А что такое
«Когда-нибудь»? Оно –
Зов? Сон? Томление глухое?
Нет, просто – взгляд в окно.

А за окном – достать рукою! –
Кадр детского кино:
Скелетик-деревце сухое
К заре пригвождено.

Заря предзимняя – бескровна.
Молчанье в мире – безусловно.
И нет времен, – забудь...

Когда-нибудь, потом, быть может:
Вдруг – почка под иссохшей кожей...
Потом... Когда-нибудь.

-2-

Потом, когда-нибудь –
Стекло в потёках ливней...
И ветром смоем муть.
И лист к окну прилипнет.

И страхом тронет грудь.
И эхом смутно-слитным
Откликнется: «Ты – будь...»
И сложится молитва.

«Прости мою печаль
И грех, что нам назначен.
Благослови мой путь:
Он – пуст, но он – прозрачен.
И с уст – сними печать:
Свечу хочу воздуть...»

-3-

Свечу хочу воздуть.
Но вперехлест повысквожено
Гнездо, где свищет жуть,
Где столько бреда выбрежено.

Свечу хочу воздуть.
Но хлещет в раме высаженной
Дождей косая ртуть.
Да и огниво – выброшено...

Свечу хочу воздуть.
Как темен окоем!
Но одному – невмочь. И ночь в окно нагое
Сквозит... Когда-нибудь,
Потом, даст Бог, вдвоем, –
В золе – найдем огонь, во зле – пойдем благое...

-4-

В золе – найти огонь. Во зле – понять благое.
Прах – склеить в монолит. И светом сделать – мрак.
Как искре – стать костром? Как струйке – стать рекою?
Тут – спросить легко. А воплотить-то – как?

Как развязать язык, когда язык – твой враг?
И слово – чем сказать, негибкое, тугое?
И вывихнутый звук – чем вправить бы, да так,
Чтоб не шептать одно, когда кричит – другое?

Нечаянный мой друг, летучий след комет,
Незримый, дальний мой! Как детства прост урок!
Всё доброе – Добро, и Лихо – всё плохое.
Тьма темная – темна, и светел светлый Свет...
Как простоту тех лет вернуть в конце дорог?
Кто осветлит мне сны? Не Оле ли Лукойе?

-5-

Кто осветлит мне сны? Не Оле ли Лукойе?
Зонт черный в головах.

Цветного, твоего,
Не заслужил. Но все ж: без добрых снов – легко ли?
Ты пожалей меня.

Слов ласковых всего
Две горсточки, иль три... Даянье – дорогое
Для нищего.

Тебе – не стоит ничего:
Слова – слова, слова, и только. А какое
Вдруг отзовется в нас, –
не угадать сего.

Я, словно Тютчев, стар. Мне хватит одного:
Чтоб сквознячком в окно

тек слов чуть слышный шелест,
И чтоб казалось мне, что в них – и свет, и суть...
Сквозь годы, сны, стихи –

я ждал, я звал... Кого?
Шли – тени... Но ведь свет родит их? Неужели
При свете – не уснуть?

-6-

При свете – не уснуть.
Но свет – не тень ли тени?
...И Розенкранц не прав. И принц бы мог блеснуть
Остротой помудрей на скользкой этой теме.

Не честолюбье – суть снов наших, а тоска по свету. Но плеснуть
Лучом – и сны спугнуть? В безумье по системе,
Что явью мы зовем, в жар пульсов у виска свой бедный ум вернуть?
И вновь – просить о снах, чья тень остудит темя,

Сожженное твоим
Сиянием, любовь?
Молить огонь задуть?
...Стоит бессонниц дым.
Снотворное готовь.
Убавить свет – чуть-чуть...

-7-

Убавить свет – чуть-чуть,
чтоб скрыл уютный сумрак
разор берлоги. И глотнуть
дымок данхилла. Vale, умник!

...Подушка – вся в лоскуть-
ях мыслей. Цвета сурик-
а – одеяло. Не согнуть
колени – судорога. Уник-
ум – Полевого перевод,
издатель Иогансон, Ки-

ев, тыща девятьсот
рубежный год. Весь кайф изгоя.

Спать. Не кормите снов с руки, –
не разбудить бы монстров Гойи...

-8-

Не разбудить бы монстров Гойи –
Пободрствуй, разума дыра!

Твою бы ощутить ладонь на лбу... Лихое
Столетье на дворе закончилось. Вчера.

Пора, мой друг, пора просить себе покоя.
А свет – он не для нас. Игра же в мастера –
Без маргарит, увы, – ползет к финалу. Воя
Собакой на луну, я выйду со двора.

Луне – ей наплевать на дурака, который
Сон бредом подменял, дороги лунной для.
Не млечною тропой – больничным коридором
Уйдет бумажный пес, цитатою скуля.

...О, как мы, дурачки, в студентах пели хором:
– Не пухом будет мне земля!..

-9-

Не пухом будет мне земля,
Не камнем, – книжными листами.
Дух – канет в сон, плоть – солью станет.
Слух обо мне – ни издаля,
Ни близ – отчизну не заставит
Рыдать, посмертный лавр стеля
Под кости... Начинал с нуля, –
Ноль и в конце судьба оставит.

Но книг зыбучие пески
Мой труп всемилостиво примут.
Засыплют гроб – не роз и примул –
Стихов любимых лепестки.

Вот так умру я. Весь. Вернусь в черновики
Катулловых страстей по Лесбии и Риму...

-10-

С катулловых страстей по Лесбии и Риму
До наших странных дней, на кастинги гораздых,
Их сонмы – щедрых, злых, безликих, несравнимых,
Прекрасных ангелиц и чудищ безобразных,
Целительниц-подруг, врагинь неумолимых,
Властительниц и львиц, блудниц, лукавиц праздных, –
Мелькают со страниц творцов неисчислимых,
Хороших и – как нам сказали как-то, – разных.

И – о тебе писать? Тянуться неумело
Поведать, чем была ты мне на свете белом?
Натужной и пустой попыткой не греши.

А если б и сумел, – зачем? Чтоб в пыльной гнили
Тебя – как тех, других – сглотив, похоронили
Курганы книг, гдемышь веков шуршит?

-11-

Курганы книг, гдемышь веков шуршит,
Перелопатить, верно, не успею.
Все меньше срок. И жерновом на шее –
Недовостребованный груз души.

А в ней блуждать – что в топи без фашин.
И, светлую, тебя мрачить не смею:
Хоть сёстры чем-то – ты с душой моею,
Свою – моим туманом не глуши.

А впрочем, ты и так чутьем сторожким
Не дашь перекреститься двум дорожкам,
Мою – ведя, но мягко не веля
Твоей коснуться. Книгу мы листаем
Одну. А два дыханья – писем стая
Вберет, листьями шевеля.

-12-

Вберут, листьями шевеля,
деревья влажную прохладу.
Наговоримся до упаду
под пенье дождика-шмеля
за мокрой рамою. Поля
черновиков, где нет ни ладу,
ни складу нет, – любезней взгляду:
там – профиль твой. Перебеля
свое письмо, конверт заклею.
Что ночь прошла – не пожалею.
Душа с душою говорит
внятнее – так. А речи – мнимы.

Бумага – медиум. По буковке творит
мой призрак бездна строк – и вдруг да явит зримо?

-13-

Мой призрак – в бездне строк. И вдруг да явит зримо
Та бездна зыби тень мою
Такой, что отшатнет тебя она – без грима?
А тень качнется на краю,
Печальней и страшней уродливого мима,
И руку серую свою
Протянет немо вслед, кривясь неудержимо
И тая, тая... Узнаю
Сюжет, до одури, до злой туги – постылый.
Надежду подари. На целый миг – помилуй.

А все ж, а вдруг... «Хороший мой, пиши!
Но знаю: ты добрей, чем мир твоих сонетов.
И ты – сильней его!» – мне скажет... кто-то... где-то...
Когда-нибудь? И в горле запершит...

-14-

Когда-нибудь? И в горле запершит:
Когда – жалеть? Когда – любить и плакать?
Когда дарить, платить, взимать ли плату?
Когда-нибудь... Тут ум – не тот аршин:
Отмерит – сердце. Медные гроши
Надежды – искупают будней плаху.

Душа, босая, в странническом платье,
Глядит во мрак, что звездами прошит.

В каких созвездьях – твой пречистый лучик?
Когда блеснет? Я помолюсь получше,
Чтоб он блеснул-таки в пустом дому...

Не упрекай. Надеяться – не ново.
Клад – подадут и нищему в суму
Когда-нибудь... А что такого!

-15-

Когда-нибудь... А что такое –
«потом», «когда-нибудь»?
Свечу хочу воздуть,
в золе – найти огонь, во зле – понять благое.
Кто осветлит мне сны? Не Оле ли Лукойе?
При свете – не уснуть.
Убавить свет. Чуть-чуть:
не разбудить бы монстров Гойи.

Не пухом будет мне земля:
с катуловых страстей по Лесбии и Риму
курганы книг, где мышь веков шуршит,
вберут, листьями шевеля,
мой призрак в бездну строк и вдруг да явят зримо
когда-нибудь?... И в горле запершит...

СКВОРЕЦ ИЗ ВОСКА

5-й венок сонетов

*Когда опомнится повеса и глупец,
Когда исправится шутник неисправимый,
И тот, кто видел сон, проснется наконец,
Нелюбящий и нелюбимый,
От нас останется оставшимся тогда
Вот этих тесных букв рассчитанная повесть,
Обряд без таинства, уменье без стыда
И слов сговорчивая совесть.*

В. Вейдле

-1-

(«хвостатый»)

Когда-нибудь да в горле запершит,
И ты поймешь: хоть лопни от надсады,
Не выдавить загаданной рулады,
Что где-то между связок мельтешит.

Тогда опять свой мозг перепашаи.
Плуг-опыт книгочея-умокрада,
Приклёпанный к быкам триумвирата –
Уменью, знанью, воле, – всё решит.

И что не соизволит выпеваться,
Тому придется склеиться, сковаться,
Свинтиться на монтажных верстаках,

Поддаться – не за совесть, так за страх –
Инструментарно версификаций.
...Но той, заветной – нет в твоих строках.

И ты, мудрец, остался в дураках.
Озвучь – и убедись: до неприличья
Заклинил нёбо кляп косноязычья.

-2-

(с «кодой»)

Заклинит нёбо кляп косноязычья –
Не угадать, на день или навек.
Не отмечай бесстрастных стрелок бег
С нервозностью накрытого с поличным.

Не плачь. Не злись. Не пишется? Отлично.
Заполни быт – заботами, ночлег –
Обставь уютом. Чуду час истек,
Простимся с ним, жуя обед, лирично...

И вскоре ты привычкою пришит
К работе до шести, к теле-зевоте,
К субботе банной, к мытой женской плоти.

И ощутишь ты, как оно здорово
Для тел и душ, когда словес полова
С пустоголовым белый вальс вершит.

И мозг – безмыслия перхоть порошит.

-3-

(«двойной» с кодой)

Безмыслия перхоть мозг запорошит, –
Главу чеши:
Зачем ты выдувал пузырь сонета?
Ни едкой меты –
Предмета быта низкого – в нем нету,
На голом дне-то,
Ни жемчуга мыслительных вершин.
Пустой кувшин...

Не первый ты, кто трудится на Лету.
...Скользил по свету,
Дурной мастеровитостью грешил,
Стих потрошил,
Из теста – пули выпекать спешил,
Вил из лапши
И тетиву, и стрелы – к арбалету,
Ствол – к пистолету...

Зато ходули ты свинтил совсем недурно:
Культурный лак, фактурный вид, каблук фигурный.
Примерь котурны.
Освоил поступь? Ей в пандан усвой обличье.
Эрзац величья.

Над чем зоил язвил? Не жжет, мол, твой глагол?
А те подпорки – лишний срам тому, кто гол?
Лишь мебель, мол?
Что Гулливеру ждать от мелких! Желчной дичи.
Кич, мол, халтурный?..

...Вошло бельмом
Под веки безразличье.

-4-

(«безголовый»)

Войдет бельмом под веки безразличье,
И скажешь ты спокойно, без притворства:
Гори оно огнем, сонетотворство,
Всё, ни строки – покуда ум в наличье.

И первый раз без дрожи и напряжения
Посмотришь на стерильную бумагу,
Где сор слогов и букв не кишит.

Заснешь. И вскочишь: кто-то на рассвете
Звал, скребся. Умер. Плакал перед этим.
И запоздалый ужас оглушит.

-5-

(«половинный»)

И запоздалый ужас оглушит:
Теперь, когда утрачен навык речи,
Как жить немому – в мире человеческом,
Где ты твердил, что сам – не лыком шит?

Личина, лик ли, – скроет их отличие
Умелый грим. Но немота – не щит!
Как скрыть сумею речи паралич я?

-6-

(«укороченный»)

Как скрыть сумею речи паралич я?
Трудом. Блох заводных заморский шик?
Пойдет!.. Пружинки... Ладно, не постичь их.
Пушинки ног... Остричь! Дать – крепыши:

Тут не паркет – булыга, дробь кирпичья...
Скиф – смог! Нам внятно всё – как Блок внушил!
Я – сам с усам. На сцену мы не кличем
Богов из виршесборочных машин.

Вверчу, вобью подковки! С кровью-потом!
И наведу любую позолоту.
Сам! С идиотским мастерством Левши...

-7-

(«опрокинутый»)

И с идиотским мастерством Левши
В своем ЧП «Поэзоиндпошив»
Таксидермистом сделаюсь умелым.

Мне кайф познания озарит лицо.
И – как сказал бы Юрий Кузнецов, –
Под лупой вскрою тело филомелы.

Чем соловей отличен от совы?
Размером? Барды, хватит горних спичей:
Певун – от гордой крохотной главы
До хвостика – нутром вполне обычен.

...Прочь требуху. Набьем сухой травы.
С терпением крота, с упрямством бычьим
Стежком комарьим заштрихуем швы,
Дав трупiku строфы – обличье птичье.

**(«перекрещенный»-А,
он же – «терцинный»)**

Дам трупику строфы обличье птичье,
А сам – вздремну. Не верят глаз и слух
Ни в храм, ни в чох, ни в сон про Беатриче.

К соблазнам глух, трудился я за двух.
Вон, на столе – восторг мой и страданье.
Не праздным играм отдан ум и дух.
Он – как живой, мой стих, мое создание...

Типичный стёб: ваш бред, мол, – яркий хлам,
У дам и мсье, в былом, он – Фебу данник...
Девичий трёп! Слог – мог блистать и там,

В пух разодет. Но – Феб? Свежо преданье...
Нот разных – семь. Расчет. Расклад. Подгон.
Сух формул остов. Должное воздай им,
Алмазно оперив со всех сторон.

**(«перекрещенный»-В,
он же – «хромой»
и «одо-апологический»)**

Алмазно оперю со всех сторон
Свой скорбный труд, подъятый из сиротства
До царских врат. Да будет облачен
Он в пурпур принцепса – по праву первородства!

Читатель любознательный! Прими
Шкатулку ветхих перлов. И вонми,
Как хламный клад сверкает обновлённо.

Стих дряхл, но молодится он, когда
Старателем, как старая руда,
Раскопан по подвалам пропылённым.

...Народцу певчих птах природой дар вручен.
Нейметса нам: чем петь летунье удаётся?
Анатом! Тварной ты механике учён!..
...В анатомичке – птичке не споется.

**(«перекрещенный»-С,
он же – «хокку-сицилиана»)**

В анатомичке	)	
Птичке не споется, – жаль	)	
Окрылённую.	)	В анатомичке – птичке не споется.
	)	Жаль окрылённую. Крыло под солнцем
Крыло под солнцем	)	Блестит, раскрашенное...Перья. Воск. Нейлон.
Блестит, раскрашенное...	)	
Перья. Воск. Нейлон.	)	

Любуюсь сделанным. Красив, ей-богу,
 Очерчен по лекалам мастеров,
 Обточен и изысканно, и строго
 Игрушка-стих, изящен и суров.
 И он – не неженка, не недотрога,
 Он выдержит и груз корявых слов,
 Не уронив наследной чести слога,
 И вещный облик даст фантомам снов.

...Скворец из воска.	)	
В настоящих перышках.	)	
Гимн безобразью.	)	...Скворец из воска. В настоящих перышках.
	)	Гимн безобразью. Кукла-скворушка.
Кукла-скворушка.	)	Но как муляж непевчий дивно оперен!
Но как муляж непевчий	)	
Дивно оперен!	)	

-11-

(«перекрещенный»-D,
он же – «секстино/ронсарово/рондовый»)
 О, как муляж непевчий дивно оперен!
 Какие перышки! Какой носок! Сдаётся:
 Раскроет ангельский свой клюв – и трель прольется,
 И огласит и дольний мир, и небосклон.

В раю такое оперенье выдают.
 Да экспонаты райских кукол – не поют.
 Но можно вставить в мертвый гипс – магнитофон.

И страх уйдет. И в пальцах дрожь уймется.
 Антик твой – пугало? Дыханья он лишен?
 Но можно вставить в мертвый гипс магнитофон,
 И – ожил слепок. Плачет и смеется.

Ваял ты – музыку. Слепил – немотство.
 Но – можно вставить в мертвый гипс магнитофон.
 И страх уйдет, и в пальцах дрожь уймется.

-12-

(тройной, «брюсовский»,
он же – «сплошной»)

/-----/	/-----/
А)	В)
Вот – страх уйдет.	Вот – в пальцах дрожь уймется.
К перу – рука!	Готовы рифмы к плясу!
К строке – строка!	Стихи мои, уродцы!
Трубить поход!	Вперед, помет Пегаса!
Зовет полет!..	И – топот раздается:
Высь – далека,	без крыл волы Парнаса.
В лоб – резь песка.	Петь? Выть нам достается.
В рот – пыль и пот.	Глаголем невегласы.
Мечта – сладка...	А что же остается?
Забвень-река?	Всё – Вечностью пожрется:

Она сглотнет	и лязги рифм, и лясы,
Не на века	и плоть, наш сгусток мяса,
И кровь, и мёд,	всё – паром разойдется...
Звук – лед пробьет!	Но эхом – не вернется...

(-----)

С)

-13-

(четверной)

А)	В)	С)
Звук – лед пробьет.	Но эхо –	Не вернется
На миг хотя б,	Не отразит	Начальное.
Навзрыд прожжет	Всхлип смеха	Дно колодца –
Лежалый ямб	Шлюх-аонид...	Отчаянье.
И рифмы гнет.	Потехой	Обернется
Мир – стар и дрябл:	Юдоль сквозит –	Случайным ли?
Твердь – не оплот,	Прорехой	Ухмыльнется,
Не лоно – хлябь,	Не ТО родит,	Что чаем мы?
Но Слово-Бог –	Невемо,	Невестимо:
Где прах эпох,	Где тлен идей,	За дымом –
Начал зерно.	Где ворох снов –	Кордон....
...Звук! Первый мык	Големов.	...Словно свёрла
Строф-горемык –	Жаб-лебедей –	Из горла
На стук в окно.	Не воронов.	Ворон.

(~~~~~)

D)

-14-

(триолетно-октавный,
«сологубовский»)

На стук в окно – не воронов, ворон –
 Спрячь холодок. Судьба покуда шутит.
 Еще не грянул срок ребячьей жути
 На стук в окно не воронов – ворон.

Коль в водокруте строк – избыток мути,
 Рискни усмешкой склеить скрип и стон.
 На стук в окно – не воронов, ворон –
 Спрячь холодок. Судьба покуда шутит.

Твой слог убог. С младых эклог, с пелён
 Ты заблудился на кривом маршруте.
 Твой адрес не найдет и почтальон
 С письмом Суок стареющему Тутти.

Ищи свой орт, свой порт. Иначе – пшик:
 Когда-нибудь да в горле запершит.

(«ушаковский», псевдо-верлибр)

Когда-нибудь да в горле запершит, заклинит нёбо кляп косноязычья,
безмысля перхоть мозг запорошит, войдет бельмом под веки безразличье.

И запоздалый ужас оглушит: как скрыть сумею речи паралич я? И с
идиотским мастерством Левши дам трупiku строфы – обличье птичье.

Алмазно оперю со всех сторон: в анатомичке – птичке не споется, но
как муляж непевчий дивно оперен!

И страх уйдет. И в пальцах дрожь уймется. Звук – лед пробьет!.. Но
эхом – не вернется на стук в окно. Не воронов – ворон.

ПАРОМЩИК СНОВ

6-й венок сонетов

*Сила Господняя с нами,
Снами измучен я, снами...
И. Анненский*

-1-

На стук в окно – не воронов – ворон
Не трожьте штор, гасите свет, вам говорят!
Сгинь, неволшебных изменений грозный ряд,
В каком уж копится стаж ваших сандрильон.

Изгиб тех шей, раскрой ноздрей еще точён,
Но кожи траченный атлас пригас, одряб.
И выем талий – ах, потёк уже, набряк,
И пообвисли грозди персей, чаши лон.

Ток струнных ног еще способен восхищать,
Но бедра чувственные начали тощать
Уже сверх меры. И помшели грота створы...

Но как во тьме она прекрасна и юна!
Как страстна, дьявольски умела и сильна!
...Свеч – не затепливать, плотнее – шторы!

-2-

Свеч не затепливать, плотнее шторы!
Он караулит там, химерный визитер,
Из-за которого мозоль стилем натер,
Толмача карканья бредовые повторы.

Я перевел тогда Эдгаров черный вздор,
Сверлящий мозг тупым рефреном приговора
Нелепой твари из оконного притвора,
С какой поэт завел зачем-то разговор.

А мне-то – как тот дикий труд сумел примститься?
Тварь каждый год в мое окно теперь стучится.
Добро, хоть женщины-подруги глухи к ней.

Ужо ей! Нет, пока на раме есть запоры,
Нам – не беседовать! И даже из щелей –
Не грянут никакие невермору!

-3-

Не грянут никакие невермору
В году две тысячи двенадцатом. Не жди
Зверей, коней из бездн, побоищ или мора,
Не прозревай потопные дожди.

День Судный – был уже! Все козни адской своры
Оставила наука позади,
Безумней грешников Содомы и Гоморры
Всех вер творцы и ратей всех вожди.

Что ждать того, что с нами – денно-неотвязно
И в новостях смогло навязнуть нам до спазма!
Что вопль кассандр – для нас, лихих гулён!

Давно обыден апокалипсис ползучий.
Вран вещей – птица лишь. Тешь плоть – и дух не мучай:
Гость не войдет, клюваст и воронён.

-4-

Гость не войдет, клюваст и воронен.
Для темной мистики нет места в нашей буче
Родной-кипучей. Срок нам отведён
В семь дён для Вечности – за два шага до кручи.

А потому – мужи, любите жен,
Адамов род еще в раю тому обучен.
«Жена» и «муж» – так древле наречён
Смысл наших гендеров, и Библией – озвучен.

Вот – лето. Парень с девкой, лад и лада.
Плоть с плотью. Сена стог. Им большего – не надо,
Рек Мопассан Гюи. И верный дал брульон.

Вот так смоги. Не лги. Не вечным люди живы.
Жизнь не красна, на час – хмельна, тем и красива.
Зря запасал ты пафос, горний тон...

-5-

Зря запасал ты пафос. Горний тон –
Не по уму, не в масть, не к экстерьеру
Птенцам рекламы, пользы и карьеры.
Пиарщик им – Лебядкин, не Назон.

Грин, демиург блистающей химеры,
Страны, где пьют не воздух, но озон,
Где верящий в мечту – усыновлен
Волной морей и ветром стратосферы!

Ты зря трубил в хрустальную трубу.
Как вертится тебе в твоём гробу
Из вечной зурбаганской сикоморы?

Слог чудо-книг твой – не по букварю
Инферно-порно-кримо-читарю,
На рынках – не на нём торги и споры.

-6-

На рынках – не о нём торги и споры,
Певце игры в убойные шары –
Любовь и Революцию, которым
Был, им обеим, мил он – до поры.

Допёк их: ту – напором, эту – ором
С эстрад и «ЛЕФов», скинут был с горы,
Изъят с витрин, смят стадом, взят измором.
Снят пулей. Венчан в супермаляры.

Провозглашен с амвона как пророк.
Постыл – как обязательный урок.
Потом презрен – за лозунги и вздоры.

...Великий бард сердечных ран – забыт.
Над кровью строк – в бои за опт и сбыт
Не вяжутся ни дилеры, ни воры.

-7-

Не вяжутся ни дилеры, ни воры
В приватизационную возню
За тень в шкафу: во всех дворцах и норах
Спит «наше все» – и сохнет на корню.

Клянемся им. Гордимся. Славим хором
В час датный. Клеим ФИО к авеню.
Читать? Но младость интернет-заборы
Сама испишет, стёб их в Бога ню!

...Ты царь – живи один. А в сне моем
Опять вдвоем с Булатом мы вздохнем
Об ужине с тобой, поэт, у «Яра».

И чокнемся – ведь тост произнесён! –
С твоими Анной, Чарским и гусаром
За гордый сор, что веком уценен.

-8-

За гордый сор, что веком уценен,
Мы чокнулись с подругой «Монте чоко».
Он нам не по карману. Принесен
Коньяк – в подарок. Сыном. Издалёка –

Из жизни с той. Мечтой. Женой. Морокой.
Любви и женам – срок определен
Не нами. Небом? Змеем? Плотью? Роком?
Но в детях – ты продлен. И в них – прощен.

Дан сын и нам, подруга. Пьем – за это.
Бесценен мусор стертых букв поэта:
Л-Ю-Б-О-В-Ь. В нем – миг, но навеки воплощен.

Люби. Усни... Сон. Волны. Чья-то песня.
Плот на двоих. Куда же плыть нам, если,
Паромщик снов, не шлягер – твой шансон?

-9-

Паромщик снов, не шлягер – твой шансон.
Он груб. Он облит горечью обиды:
Не выбрать, как пальто-демисезон,
По нраву век. В нем – жить. Быком корриды.

Отравлен стих? Глотнул его флюиды, –
Не СПИДом, так уж гриппом заражен?
Ах, если бы! Но злостью – только с виду
И защищен он, и вооружен.

Его писавший – злобиться не чаял,
И стих-то – беззащитен и отчаян,
В нем плачет сон. А спящий – пробужден.

Но как озвучить после злой побудки
Сон о любви и нежности – на дудке
Тому, кто въявь – не лирой наделен?

-10-

Тому, кто въявь не лирой наделен
И не свирелью Пана – лишь дудкою,
Чей пыл не соком лоз бывал вспоён –
Отваром из полыни с лебедою,

Тому – хоть раз – дозволит Аполлон
Ступить – хоть шаг – небесной бороздою,
Родить хоть звук – кифаре в унисон, –
Подсказанный бедою иль звездою,

Хоть на́ день – воплотить высокий миф,
Свою набредить вживе Суламифь,
На миг – стать эхом музыки великой...

...И мне был час: дуде – не флейтой спеть ли?
Но – кто галерник под эсхато-плетью
И пригвожден к веслу... Смешно. И дико.

-11-

Кто пригвожден к веслу, – смешно и дико
Им курс галер мнить волей вёсел их.
Но будь на шипе ты хоть в рулевых,
Будь целью – грёза *casta et pudica*

(Рим величал так девственниц своих,
А ныне – с фонарем сыщи поди-ка), –
Знай: чьей-то волей, темной и безликой,
Уныл твой анабазис или лих.

Что ж, верь: за маемой и скукой всюю
Страдательнейше-книжной одиссеи –
Тобой покой-эдемчик обретен.

Но завтра чья-то тень в окошке встанет –
И за собою в Тартар вдруг заставит
Плыть с накладной, что подмахнул Плутон...

-12-

Плыть с накладной, что подмахнул Плутон,
За той, полвека ждавшей возвращенья,
Преодолеть и Стикс, и Флегетон,
Мелькнуть во льду Коцита отраженьем,

Меж тысяч, пожелавших выйти вон,
В толпе теней – найти ее виденье,
Сдать Церберу на выходе талон
На вход и пропуск на сопровождение,

Слух напрягать на каждую ступень:
Там, за тобой, густеет плотью тень
Под – как их там? – хитоном иль туникой?

Стерпеть – и обернуться на свету.
И вдруг понять: входил ты в дверь – не ту:
В чужой Аид за мнимой Эвредикой...

-13-

В чужой Аид за мнимой Эвредикой?
Опять позыв у простака возник?
Не будь шутлом. Гляделся ли, старик,
Ты в зеркало? Сходи-ка погляди-ка.

Грешил, хоть в мыслях, – сам себе улика
Ты от зубов до лба. Иных улик
Суду не надо. Царственный блудник,
Герой Шекспира, так когда-то хныкал.

Что повторять бесплодные блуждания!
Увы, нет в повтореньи обаянья, –
Итог еще Случевским изречен.

Не пародируй собственную юность.
Усни без снов... Ах, ночь! Такая лунность!
За ставней – карк. И – тот же сон: Харон...

-14-

За ставней – карк. И тот же сон: Харон
Не гонит плот по ахеронским водам,
А бросил якорь. «Хочешь, – двигай бродом,
Пока оценим в евро перегон».

В Аиде кризис: вздорожал неон
Для ламп рекламы над парадным входом.
Глумится ад над призрачным народом:
Валютный вид на жительство введен.

А выезд президентши в свет? Ведь в чате –
Полгода киснет. Церберу на чаппи?
Орфею – грант? Аресу – злат погон?

А вдруг – дефолт? Ворьё ведь – бес на бесе...
...Ну, сны! С подругой – смейся, без – напейся
На стук в окно – не воронов: ворон.

-15-

На стук в окно – не воронов – ворон
Свеч не затепливать, плотнее шторы:
Не грянут никакие неверморя,
Гость не войдет, клюваст и воронен.

Зря запасал ты пафос. Горний тон?
На рынках – не на нем торги. И в споры
Не вяжутся ни дилеры, ни воры
За гордый сор, что веком уценен.

Паромщик снов, не шлягер твой шансон.
Тому, кто въявь не лирой наделен,
А пригвожден к веслу, – смешно и дико

Плыть с накладной, что подмахнул Плутон,
В чужой Аид за мнимой Эвридикой.
За ставней карк. И – тот же сон, Харон!

И В УХО – ШЕПОТОК...

7-й венок сонетов

– ...Я боюсь, что это кончится слезами, и все
будет испорчено перед дорогой.

«Мастер и Маргарита»

-1-

...За ставней – карк. И тот же сон: Харон
Бос, грязен, но ужимкой – Судия,
Сив, но спесив, как горьковский Барон,
И цедит в нос: – В депо идет ладья...

Побойся, шеф, Гадеса, ты смешон.
Похоже, пьян? Депо... Галиматья!
Пусти, старик! Вези! Не строй фасон.
Вот – правил свод. Вот прав моих статья.

Сип хриплый: – Как фамилье? – Томлинсон!
Осклабился: – Как раз на вас, родимый,
Указ. Ты – тень и тут. Неощутимый.

И так бардак наш перенаселен,
Чтоб лезла льгота. Кыш! – И охломон*
Обол твой не берет и смотрит мимо.

* Здесь и дальше – см. комментарии: «Тени венка-7».

-2-

Обол твой не берет и смотрит мимо
Угрюмый и безгласный старый нищий,
Бредущий Илионским пепелищем,
Бездумным шаром Фебовым палимый.

Не то чтобы к Элладе несравнимой* –
Европе, азиатов победившей, –
Он ненависть хранил. Не то чтоб, низший,
Он высшему завидовал, гонимый.

Строитель павших тюрем и хором,
Он просто знает: с Троей погоревшей
Он – тоже мертвый, хоть и уцелевший.

...Сквозит, с мешком гуманитарной дряни,
Грядущий бес ухмылкой иностраньей
Там, за его спиной, вертляв и хром.

-3-

А за твоей спиной, вертляв и хром, –
Сатир, прапредок гоголевским бесам,
Рождественским фрейдидам с политесом,
Лукавым слугам в ночь посконных дрём.

От скептика Фомы для нас, Ерём,
До Фаустов – парсеков семь, все – лесом.
Нам Леверкюнов аггельские пьесы –
Без интереса. Мы – ключи куем,

Ключи Диканьских ли, дикарских счастлих:
«Хоть с евро-стелек царских бы начать-то,
А там – чертог, а в нем – золотой сортир!

Сыр в дырах? Дыры – умникам, нам – сыр!»
– Толците, – дастся вам!* – вздыхает мирно
Бес-утешитель с мнимо-скорбной миной.

-4-

Бес-утешитель с мнимо-скорбной миной:
– Там ждет тебя, – Тесею говорит, –
Не Рубикон, не третий Рим – лишь Крит,
И не Помпей – лишь справедливый Минос.

Будь Цезарь ты – ид марта бы не минул,
Но Минос взят не зря судьей в Аид,
Вердикт: не с бритвой Брут – лишь лабиринт.
Плюс Минотавр. Так Ариадна ж – минус!

Герой в раздумье*: тавры – будут биты,
Арнд... как там? – к Вакху их. Но – плыть до Крита?
На чем? Опять подвел минсудстройпром.

Перст беса: в понте не кусок борта ли –
«Титаников», «Целест» ли, «Лузитаний»?
И в ухо шепоток: «Пардон, – паром...»

-5-

А в ухо шепоток: «Пардон, паром
Свободных эстов стал не жертвой рифов, –
Спецназ экс-оккупантов, диких скифов
Так отомстил за свергнутый ярём.*

В Гаагу ли, в ООН ли – не соврем,
Но подан иск на происк злобных грифов.
Скиф эста спас от гунна? Хватит мифов!
Скиф сам и был, и будет упырём!»

...Бес подтолкнул под локоть гений Блока!
Да, скифы мы! Мы – миф, страшилка рока.
На нас споткнулись Запад и Восток.

Скиф, мост родства, сочтен межой ты минной.
Прости им псов их. Мчат шакал и дог
Не за тобой – за хмарью. Дивьей, мифной.

-6-

Ни за тобой, за хмарью дивьей, мифной
Над пастью Сцилл у смутных берегов,
Ни за тобой, последний чад кумирный
Над пеплом дотлевающих богов,

Ни за тобою, бред волхвов надмирных,
Безумцев, вольнодумцев, остряков,
Ни за тобою, блеф и хмель поминный
Поэтов, фантазеров, простаков,

Ни за какой завесой мыслетворной
Не ждет он – виртуальный, иллюзорный
Мир на двоих,* что красотой спасен.

Мечта о нем скользит бестелой тенью
В Дит, город бесий, скорби средостенье.
По ней не плачь. Сплавливай за Ахерон.

-7-

По ней не плачь. Сплавливай за Ахерон
Страну-фантом, в какой сумел родиться,
Какую чтил, какой посмел гордиться,
Какой отравлен был и опоён.

Справляй по ней поминки. Этот стон
Зовётся песней. Нечего стыдиться
Менталитета. Древней небылицей
Уже он в книгу красную внесен.

Еще вотще скребет колчан пустой,
Ахайя-мать, последний лучник твой,*
Наследник мертвых, жданный и немилый.

Он знал, бастард постылый и родной,
Нелепую, меж сыном и тобой,
Полулюбовь, что так вас утомила.

-8-

Полулюбовь, что так вас утомила,
Так дорости хотела до любви!
Храм, возведенный пусть и на крови, –
Всё храм. И мать – всё мать, пусть и кормила

Полынью сына. Мачехой зови,
Кляни ее. Страшись. Бичуй, что скрыла
Пречистым ликом жуть свиного рыла.
Но в тень сходить ей, – взвоешь: «Мать – живи!»

Мать – взял Поэт Женой. В постель – подругой!
Сошел с ума. Снят род эдипов с круга.
Кровосмешенью – выроdkов рождать.

А тем – дымы и призраков. Супругам –
Сходить на нет, домучивать друг друга.
Не диво тут Подруге – Тенью стать.*

-9-

Не диво тут подруге тенью стать,
Когда накроет быт безглазой сенью
Любови кроху-солнышко. Печать
Тьмы макрокосма – в том микрозатмении.

Жить, тем не мене, стоит. Тем не мене,
Питать надежду стоит.* Не пытаться
На прочность нить привычки. Та заменит
Натуре – счастье, духу – благодать.

Так завещал нам лучший из поэтов.
Тебе осталось – верить. Пусть при этом
Днем – твой сомненья бес, безверья тать

Не грезу – прозу явит в женском теле.
Утешит – ночь. Мечта – с тобой в постели.
И воплотиться ей дано опять.

-10-

Но воплотиться ей дано опять –
Безумной грезе о стране желанной,*
Где мертвых бардов дивной и обманной
Строкою можно душу залатать.

Страна – была такая. Исполать
Тому, кто, непрописанный, незванный,
Не нужный ей, бесправный, безымянный,
Но все ж успел в ней посуществовать.

Осмеяна, отпета и забыта,
Она давно водою Леты смыта.
Но дольше века длится день иной.

И, Лету переплывшему изгою,
Век вековать уже не с той страной
Там, за рекой, тебе, мой друг, – с другою.

-11-

Там, за Рекой, тебе, мой друг, с другою
Душой-близняшкой, катанья-мытья*
Искать – безумье. Старая твоя
Психея-душка просит покоя?

Но тот, мой милый, – дело молодое,
Прилична эта бойкая струя,
С уроками то ласки, то битья,
Для душ ершистых юного покроя.

Доволен будь уютом наконец,
Каким увенчан ты не по заслугам
Душой, тебя избравшею супругом.

Сучком в зрачке души – такой венец?
Ты в страхе, что тебя домашним кругом
Ждет испытанье? Зрак – протри, слепец.

-12-

Ждет – испытанье. Зрак протри, слепец:
Увы, Река Времён в своем стремленьи
Весь не утопит в пропасти забвенья
Рой атомов* души твоей, мудрец,

Тот рой, каким ты виршеистечение
Осеменить пытаешься, скопец,
Но только ложку горьковатых щец
Вольешь в эфирное круговерчение.

И кто-то, выгребая в том кручении,
Черпнет горсть капель странного свечения.
Улов блескуч. Но если зряч ловец?

Тогда, сменяв неплодный груз икринок
Глупца, что вез Державина на рынок,
Живой оставит груз в обмен гребец.

-13-

Живой доставил груз в обмен гребец:
Харон, приняв на борт былую Музу,
Оставит здесь эриннию-эмпuzu* –
В погонщицы тебе, эрзац-певец.

Но коль вконец расквасишься, гордец,
Шар пузыря вгонять в катрены-лузы, –
Ей стать и эвменидой не в обузу,
Вздуть костерок из мерзлых, но – дровец.

Итак, надежда есть? Но, Боже мой,
Где сил занять проститься с мелюзгою
Рожденных чад – с толпой полунемой

Стишат, что мельтешат туманной мгою?
Зачем посредник меж тобой и тьмой
Пригреб со спутницей нагою?

Пригреб со спутницей нагою
Черт-гондольер. Их ждут. И вот –
Сошлись. Та – Гретхен ли, Марго ли*.
То ль Фауст, то ли Мастер – тот.

Вот – обнялись. И тут, с высот,
На город, черною пургою, –
Тьма! В стробоскопе молний – рот.
И – поцелуй: старик – с каргою!..

Вновь проблеск: бес. Хохочет? Плачет?
...Кошмар исчез. Ты спал на даче.
Ночь. Кот. Жена. С водой сифон.

Сон – лгал: хароны, бесы, дивы....
Чушь. Спи. И сон придет – правдивый.
...За ставней – карк. И – тот же сон: Харон...

За ставней – карк. И тот же сон: Харон
Обол твой не берет и смотрит мимо.
И за твоей спиной, вертяв и хром,
Бес-утешитель с мнимо-скорбной миной.

И в ухо шепоток: «Пардон, паром
Не за тобой – за хмарью. Дивьей, мифной.
По ней не плачь. Сплавляй за Ахерон
Полулюбовь, что так вас утомила.

Не диво тут подруге – тенью стать!
Но воплотиться ей дано опять
Там, за Рекой*. Тебя ж, мой друг, другое

Ждет испытанье. Зрак протри, слепец:
Живой доставил груз в обмен гребец –
Пригреб со спутницей нагою...»

В ПОРЯДКЕ БРЕДА

8-й венок сонетов*

*Главное – это величие замысла, как говорит
Иосиф.*

А. Ахматова

Замысел проверяется его осуществлением.

А. Найман

*...Ей нужно сначала стихи почитать,
Потом угостить вином...*

В. Ходасевич

-1-

Пригреб со спутницей нагою
Сам – бос и гол, как древний грек,
Поэт из племени изгоев
На некий варварийский брег.

И мыслит: «Мирные народы,
Плоды-вульгарис естества!
Дарую вам, рабам природы,
Урок любви как волшебства».

И нежно лег на оном берегу
С подругой... Не учтя того,
Что скиф с дубьем, взалкав той неги,
Спроста решит сменить его.

Так взят был – с диких что за спрос! –
Он в райский край без бурь и гроз.

* Псевдо-английский (там классика: 5-стопный ямб; здесь: «пушкинский», 4 стопы; есть и разностопный).

-2

Он в райский край без бурь и гроз
Не стал бы спрашивать дороги
И, клянча, обивать пороги.
Не гибель полная всерьез,

А скуки вакуум полнейший –
Там посмертное житье.
Тень плоти, постное питье,
Ни стопаря, ни теплой гейши,

Не говоря о чем другом –
Любви, надежде, тихой славе...
Он бы молил богов о праве
Бродяжить в мире дорогом,

Где омут пробуют ногою,
Где лозы с мякотью тугою.

-3-

Где лозы с мякотью тугою
И венцелистных лавров сень,
Гомер гекзаметра нугою
Твою тоскующую лень
Не подсластит. И пуповины
Родной хандры – хоть лоб разбей,
Хоть прочитай до половины
Скучнейший список кораблей! –
Не оборвать. И паруса
Твоей бессонницы обвисли.
Чадят чужие словеса.
Штиль. Ни эрекции, ни мысли.

...Аркадия. Нектар. Наркоз.
И млеко непугливых коз.

-4-

И млеко непугливых коз
Из амальтеева колена,
И сок эратовых глюкоз,
И дурья пена Иппокрены –

Не воспитает, не вспоит
Ни кифареда, ни аэда
Из недоноска аонид,
Зачатого в порядке бреда

На ложе свального греха
Бессмертных, загулявших с плебсом,
Бастарду кинувших в наследство
Из шуток Феба два стиха:

«Он был – Никто. Я – ротозеем.
Он – спасся.

Спутник Одиссея».

-5-

Он спасся, спутник Одиссея,
Когда, входя бездумно в раж,
С киркейских царских вин кося,
Свинел ахейский экипаж.

Пока их шкипер, дав промашку,
С хозяйкой-ведьмочкой блажил,
Он на прислужницу-милашку
Глаз гарпунерский положил.

И был спасен – допрежде в сенцы
Сманён шалуньей в неглиже,
Когда друганы-превращенцы
За стенкой хрюкали уже.

И мне б от чар себя спасти,

Служанку ведьмы улестив.

-6-

Служанку ведьмы улестив,
Ты раздобудь оскрёбки зелья,
Натри лопатки – и лети
На чёртов шабаш в ночь веселья.

...И это – слёт бомонда? Мрак!
Что за тоска на гранд-тусовке!
Всяк денди-воландом ведьмак,
Маргой на бале все бесовки.

O tempora! Где адский плебс
Плясал в чаду наивных оргий, –
Изыск стерильных непотребств,
Гламурно-стылых, точно в морге.

O mores! Впрочем, те рацеи
Оставим острову Цирцеи...

-7-

Оставив острову Цирцеи
Лихую память по себе,
По страсти, сласти и гульбе,
Он, отрезвась, опять нацелен

В Итаку плыть. Опять богам –
Плести интриги, строить козни.
Опять шторма. Команде – поздно
Сойти с ума, уйти в бега.

Итака же – она ль годна
Уму, отвыкшему от дома,
Душе, что гулом вод ведома
В сверх-явь эпического сна?

Спи, в сонм героев обратив
Свой свиномордый коллектив.

-8-

Свой свиномордый коллектив –
Счастливым, нам дразнить опасно
В любви удачливостью гласной:
Собрат завистливый ревнив.

А уж гневлив он на соседа
До ярости, когда тому –
Тому, ишь, гусю, не ему! –
Сдалась, смеясь, молодая Леда.

Зато – как за друзей мы рады,
Когда в бучило ли, в овраг
Их тащат дочери баб Яг,
Русалки, мавки и наяды:

Повыщедит всю кровь блядунью
Там пусть из них любовь колдуньи!

-9-

Там – пусть из них любовь колдуньи
Он доброй выберет. Туда,
На Thule Ultima, балда!
Не впрок урок для обалдуя.

...На Фулах – выбор ведьм богат!
В меню, от Геллы до Солохи,
Все чаровницы, все неплохи,
Все скромно стринги теребят.

Но он, финала жуть и хмарь
Опять презрев, упер, балдея,
Взор лишь в одну – в нее, в Медею.
Он слышит: «Ты...» – и внемлет: «Царь...»

Пусть рок жесток. Но плоть – сильней:
Творит царей. Или свиней.

-10-

Творит царей или свиней
Из душ сермяжного помола,
Ветвит рога на лбах комолых
Власть наших женщин. Нет мощней

И обольстительнее власти.
И что скрывать – лукавим мы,
На горний свет из топкой тьмы
Молясь: «Избави от напасти...»

Нимб – не для нашей головы.
По Сеньке – шапка грешной прозы.
И «Люмен цэлум санкта роза!» –
Не наш, не наш девиз, увы.

М. Д. – крылатым. Сеньке – Дунька.
Он, с милой, – тут. О той – не думать...

-11-

Он, с милой, – тут. О той – не думать!
Та – где-то в околомирах:
Творец, праглине душу вдунув,
Пред-Еву не вернул во прах.

С тех пор она, таясь в передней,
В тени селенова луча,
В нас темный голос древних бредней
Подстерегает по ночам.

Открыт не шипом ей змеиным,
А Божьим шепотом завет:
Добро и Зло – суть плод единый,
Как Жизнь – и Смерть, как Тьма – и Свет.

...Еще не истекли семь дней.
Он жив. Не думать бы о ней!

-12-

Он – жив. Не думать бы о ней,
Поившей аквою тофана,
Но не сумевшей для профана
Накапать дозу пострашней.

Геката ей судья. Не будем
В суд инквизиторский строчить
Донос, для мести зуб точить
И оглушать обиду блудом

Пока не будем. Пусть приснится
Пастушка в полдень на лугу.
Пуškai в желудке и мозгу
Туман язвящий прояснится.

Для ясной яви – язвы те мелкі.
Но в темных снах – смертельно-глубоки.

-13-

Но в темных снах – смертельно-глубоки
Зрачки, во всю орбиту белладонных
Глазниц вдруг обезумевшей мадонны.
И разума бессильны поправки –

Тебя не упасти им от стихии...
От аиста с капустой рождены
В бесполой школьный век, в года глухие,
Вне страсти нежной, – вы пригвождены

Теперь ее наукой и к одру – и
К костру. Безногий – вслед бы захромал,
Когда святые в рай замаршируют
Под адские биг-бендовы грома.

...С зарей – опять тихи, как голубки,
Ее глаза, немые омутки.

-14-

Ее глаза – немые омутки.
Не говорят – ни сколько чертенят,
Ни много ль нимфочек на дне своем таят,
Ни часто ль в них с концом тонули рыбаки.

Они чисты как будто и светлы,
И обещают милость и уют.
Вот только изредка в них искорки снуют –
Как знак мигучих угольков из-под золы.

Загадкой их заморожен до столбняка,
И не заметил ты, как ваш двухместный челн
В порт лотофагов, где не вспомнишь ни о чем,

Ввела ее рука исподтишка.

Куда ж ты, небо всеблагое,
Пригреб со спутницей нагою!

-15-

Пригреб со спутницей нагою
Он в райский край без бурь и гроз,
Где лозы с мякотью тугою
И млеко непугливых коз.

Он спасся, спутник Одиссея,
Служанку ведьмы улестив,
Оставив острову Цирцеи
Свой свиномордый коллектив.

Там – пусть из них любовь колдуньи
Творит царей или свиней.
Он, с милой, – тут. О Той – не думать.
Он жив. Не думать бы о ней!

Но в темных снах смертельно-глубоки
Ее глаза – немые омутки...

ТОТ ПРИВКУС КРОВИ НА ТВОИХ ГУБАХ

9-й венок сонетов

*Другого не было пути...
И я простил, и ты прости.*
К. Случевский

-1-

Ее глаза – немые омутки.
Губами сняв нетающую льдинку,
Нырни – и осторожно извлеки
Сверкнувшую в колодце золотинку.

И, тихо раздувая угольки,
Баюкая и нянча под сурдинку,
Полуробенка, полукамышинку
Ты женщиной любимой нареки.

И – смертным жаром лавовой реки,
Водоворотным бешеным кипеньем
Дремавшие взорвутся огоньки.

Закрой глаза. Уже не нужно зренье.
И губы обжигаяще-горьки
В счастливо-жуткий миг соединенья.

-2-

Счастливо-жуток миг соединенья
Двух душ, когда они, дымясь в пазах,
Сливаются, скальпированы треньем,
Себя по чуждой мерке истерзав.

И каждая – нага. И под резак
Всеведенья ложится в исступление:
Читать взаимной ненависти рденье
В обугленных желанием глазах.

И яростны взаимного прозренья
Любовью обагренные клыки.
И безысходно это наслаждение.

И чувствуешь, как рвется на куски
Сердец и тел распятое сплетенье,
Когда ты камнем падаешь в зрачки.

-3-

Когда ты камнем падаешь в зрачки
Спешащих по своим делам прохожих,
На миг твои плеснут в них двойники –
И канут, зыбь зеркал не потревожив.

И – умницы, провидцы, добряки –
Пройдут слепцы, не испытавши дрожи,
Ожога ли, мороза ли по коже,
Не побледнев, не стиснув кулаки...

И как им знать, что, жизни вопреки,
Ты мимо них идешь на преступленье:
Казнить любовь любовью. И клочки

Сожженных крыл еще хотят паренья,
Когда, навывлет леденя виски,
Ты захлебнулся высотой паденья...

-4-

Захлебываясь высотой паденья,
Верь, что – взлетаешь. Тягостная роль.
«Я пал, чтоб встать!» – твердили, как пароль,
Убийцы всех времен со дня творенья.

Найдя в ней Сениэль, а не Ассоль,
Пройдя самоубийственность сближенья,
Верь, что оно – звено преображенья.
Так полумертвых воскрешает боль.

Скорбя о книжном счастье – жить в плену
Прозрачных стен шестого измерения,
Верь, что трехмерность – даст вам глубину.

Верь – и тоскуй. Взыскуй освобожденья.
Целуй Судьбу, Желанную, Жену...
И странно-тяжко станет на мгновенье.

-5-

И странно-тяжкой станет на мгновенье
Тебе твоя счастливая судьба.
И, разом увлажнившегося, лба
Коснется вдруг угрюмое сомненье.

Ты счастлив? Да. Ведь то самосожженье,
Тот привкус крови на твоих губах –
И есть любовь, идущая ва-банк,
Чтоб выиграть бессмертье в пораженьи.

И вновь равны триумф и унижение.
И всё вернется на свои круги.
И вечно счастье вечного сраженья.

Но... Если вы и вправду – игроки?
Не разомкнется ль вдруг от напряжения
Объятье истончившейся руки?

-6-

Объятье истончившейся руки,
И у ключиц – сиреневые тени.
И палевые чудные соски –
Как маленькие чуткие олени,

И возле них – чудные волоски...
И перед взрывом – миг оцепененья,
И трепет холодеющих коленей,
И ждущих глаз ослепшие белки....

И бесконечно это обновление
Её, рожденной сплавом двух начал:
Нетронутости и грехоявленья...

Благословенны вы в моих ночах –
Сиянье святогрешного плеча
И робкое грудей прикосновение...

-7-

О, робкое грудей прикосновение,
Тоскливых губ обида и мольба!
И жалкое зовущее движенье
Печальных бёдер... «Я – твоя раба,

Твоих «хочу» живое отражение.
А ты – как лед. Рука слепá, грубá.
Чем занято твое воображение?
Покорная – опять я не любá?

Как я устала получать прощенье,
Сама не зная, в чем мои грехи,
И ласку вымогать как снисхождение,
И ворошить бывшего черепки...»

...И снова отступает наважденье,
Горящие оставив синяки.

-8-

Горящие остались синяки.
А ведь казалось: прошлое растаяло
Со мной... Иль – срезан колос, но осталось
Зерно, и снова – выбились ростки?

Опять иуды-памяти силки
Расставлены. Опять нужна лишь малость,
Чтоб жалость – к самому себе – смешалась
С безумством дурня, бьющего горшки.

И сладострастно давишь гнойники
Души. И заручиться состраданьем
Спешишь. И упиваешься рыданьем.

О чёрт! Доколь терновые венки
Мне кланяться! Простоту, родная, дай мне!
...И вновь тела пылающее-легки.

-9-

И вновь тела пылающее-легки.
И исчезают, растворившись солью
В незамутненном кипятке бессонниц,
Химеры и подметные звонки.

И девочка, зовущаяся Сольвейг,
С глазами, как пугливые зверьки,
Прижав к груди ладоней лепестки,
По яви снов твоих идет босою.

И птицеловов не слышны манки,
И человека не боятся лани,
И только ты под небом ей желанен.
И что тебе все боги и божки!

...Вошел рассвет иглою в позвонки,
И в простынях ты заживо расплавлен.

-10-

Вновь в простынях ты заживо расплавлен.
Взбесился пульс. Душа сошла с ума.
Ты выслежен, обложен и затравлен.
Ты жил во сне. Проснулся. Дальше – тьма.

«Темница-Дания»! За что прославлен
Счастливец Гамлет? Дания – тюрьма?
Лишь Дания! Попробуй биться в ставни,
В замки, когда тюрьма – любовь сама,

И сердцем ты от бреда не избавлен!
...И нечего искать тут ярлыки
Изящнее. Флажками ты обставлен.

Да, это – ревность. Силы напряги.
Да, это – бред. Но ты уже отравлен.
И, слитые в одно, вы – далеки.

-11-

Как, слитые в одно, мы далеки!
Сажали розы – лебеду срывали.
Хоть в выигрыше поровну бывали,
Деля с тобой вершки и корешки.

Как урожайна радость на печали!
...Писал тебе под классиков стихи,
Хоть поискать – найдешь две-три строки,
Что ясным птичьим голосом звучали.

Считаю календарные листки.
А все же нас счастливей кто едва ли,
Хоть хрупки разноцветные мелкие,
Которыми мы жизнь разлиновали.

Я счастлив. Я – твой самый близкий дальний.
И страшным счастьем – в сотый раз раздавлен.

-12-

Кто страшным счастьем в сотый раз раздавлен,
Того – в сто первый раз – спасет броня.
В глухую раму черных дней оправлен
Янтарь преображающего дня.

Настой разрыв-травы вином разбавлен,
И сменены подковы у коня.
Выходят люди из холодных спален,
Ночное одиночество храня.

Всё – впереди. Остывший прах развалин –
Он прах и есть. И мы – не старики.
И звездный купол заново хрустален.

Целебны горя полные глотки.
Пей – и иди. Для вечных троп восстановлен
Ты в корчах ликованья и тоски.

-13-

Пусть в корчах ликованья и тоски
Я упаду у твоего порога.
Я долго шел. Склонись ко мне. Потрогай
Грудь впалую. Сними с нее тиски.

Я жил – тобой. Звезда моя, морóка,
Твои меня поили родники,
Когда я шел один через пески,
Где пьют полынь и старятся до срока.

Когда я плыл, кровавая плавники,
Ты через бездны надо мной блистала
В морях, где лгут ветра и маяки.

Я опоздал. Мы оба ждать устали.
Но я – дошел. Прости. Я – твой. Таким
Умру – и буду вновь в живых оставлен.

-14-

Умрешь – и будешь вновь в живых оставлен.
Всё правильно. Бессмертен этот круг.
И ты опять богам и нищим равен,
И Время вновь натягивает лук.

Висок толчками пульсов пробуравлен.
...Ее шаги. Открой на тихий стук.
Она! С ее всесильем – и бесправьем.
Твой щит – и крест. Мучитель твой – и друг.

И вновь горчинкой поцелуй приправлен.
И снова скулыводишь в желваки,
До ненависти нежностью изранен.

Рисуй ее. Клади на холст мазки.
Но уплывают в синь по луготравью
Ее глаза, немые омутки...

-15-

Ее глаза – немые омутки.
Счастливо-жуток миг соединенья.
Когда ты камнем падаешь в зрачки.
Захлебываясь высотой паденья.

Но странно-тяжким станет на мгновенье
Объятье истончившейся руки.
И робкое грудей прикосновенье
Горящие оставит синяки...

И вновь тела пылающее-легки.
И в простынях ты заживо расплавлен.
Но, слитые в одно, вы – далеки.

И, страшным счастьем в сотый раз раздавлен,
Ты в корчах ликованья и тоски
Умрешь – и будешь вновь в живых оставлен...

КОЛЕЧКО В НАСЕЧКАХ

или

НЕНОВЫЙ ДОН ЖУАН

10-й венок сонетов

**Рукопись без начала и конца,
унесенная с чердака вороном
и снова найденная –
в клозете Вавилонской библиотеки**

Публикатор – Статуя Командора

*Человек довольствуется возжелания свои на обоих концах
земного круга. Где начало того конца, которым оканчивается
начало?*

Философ в бане

*...И нет конца, и нет начала
Тебе, тоскующее Я.*

И. Анненский

*Ни начал, ни концов. Семена тщицы, исчезающие навечно
и вечно возвращающиеся.*

Бредтрёп (Генри Миллер)

*Не может быть начала и конца
В обрывке текста, в беглой вспышке света,
В осколке редкостного самоцвета,
Упавшего из звездного венца.
Есть только ЭХО, только эстафета
Добравшегося к вечности гонца.*

П. Антокольский

ИЗ КОНЦА К НАЧАЛАМ

Насечка Публикатора

(I) Умрешь – и будешь вновь в живых оставлен,
Будущему Чтоб кто-то новый, вслед попам и бардам,
читателю Сюжет опошлил сотым грязным бантом,
Отметившись при честном пьедестале

В толпе таких же умников. Достали
За шесть веков биографы! У, банда
Интерпретаторов бедняги-гранда!
Полк статуй бы насрать на эту стаю!

На каждого по паре пугал каменных –
С борзыми по севилям бы искали их!..
Мы – не дрались! И в ад – не мной он взят!

Путану ревновать? Да провалиться ей!
...Не слушают. Мы с ним – рабы традиции.
Дуэли нет конца – века подряд.

ПО КОЛЬЦУ

Насечки Дона Жуана*

*/ * Атрибутировано мной. Мои же: все заглавия, подбор эпиграфов, главное же – верная нумерация сонетов и пунктуация (рукопись – без знаков препинания и хаотична: под № 1 – пропуск, дальше см. наши: №№ 7, 5, 8, 3, 2, 4, 6, 13, 12, 11, 10, 9, 14). Потому и взял на себя труд: 1) правильно расположить имеющиеся сонеты; 2) предпослать (от себя, см. выше) 1-й, а также составить 15-й; 3) расставить знаки препинания. В остальном подлинник воспроизвожу дословно. – С. К. /*

**(II)
Всюду**

...Дуэли – нет конца. Века подряд
Мы с ней фехтуем. Схватка неравна:
Мои – болят и плечи, и спина,
Она – закалена, с ключиц до пят.

Ни ранить первым, ни шагнуть назад
Не вправе я. Вся фора – ей дана:
И право убивать в мой час для сна,
И смазка для клинка – слеза и яд.

Я обречен... Швырнуть рапиру! Миг –
Мир замер. Шаг! Обнять – и стиснуть. Крик
Вдавить обратно ей – в уста устами.

Минута. Вечность. Слитая с тобой,
Плоть дрогнет... Новый век. И – новый бой.
Опять – маши, коли усталой сталью.

**(III)
Здесь**

Опять маши, коли усталой сталью
Под бабьи ахи, вскрики, страстный писк...
Щекотка нервов – им. Мне – смертный риск.
Бретёр и бабник – я. Их рать – святая.

Я – убивай, что выжить. Тем – поставят
Бюст, истукана в рост, иль обелиск.
Мне – месть родни, вдов куры, судный иск
И тыканье в развратника перстами.

Скандальный идол? Мифа я кандальник!
Тотем хотений неисповедальных
Всех женщин мира. И они мне мстят:

Ведь я не бог. Я каждой – только встречный.
И, значит, – враг. Но – раб. И, значит, – вечный.
И командоры – в очередь стоят.

(IV)
Им

И командоры в очередь стоят,
И анны их галдят – кому быть первой...
Сеньоры, мне на всех – не хватит спермы!
И сил уж нет... Пора кончать парад.

– Почтеннейшие доны! Вам твердят:
Честь – выше жизни. Вздор! Чему пример вы:
Шутить со смертью ради дур ли, стерв ли?
Им ваши шпаги честь не возвратят!

Изгнать хотите чёрта? Не в повесе
Ищите – в женах. Вот где бес на бесе!
Бодайте – их, коль ваши лбы зудят!

...Допёк. Трясут рогами. Жаждут мщенья.
Кисть сводит... Всё – как в первом воплощеньи.
В какой же миг тебя опять пронзят?

(V)
Себе

В какой же миг тебя опять пронзят?
Всё было уж. И повторится снова.
Еще их жены вдовьи шьют обновы,
А ты уже почти что с круга снят.

Закончен оборот спирали, брат,
Круженья твоего очередного
По вечным хлябям странствия земного,
Где с т р а н н о г о земные не хотят.

Ты спиртом был в сиропном бланманже
Их сонных дней. Будил в мужьях – мужей,
А в женах – женщин. Тусклые – блистали.

Ты раздражил их. Пьеса ждет конца.
Когда ж толпа прикончит дерзеца?
И – кто из них? Как луч клинка кристален!..

(VI)
Они и та

И кто из них, как луч клинка, кристален?
Их души – как чугун: грузны, черны.
Партеру ты пленительные сны
Мечтал сыграть. Наивца освистали.

Не моцартов они с ногтей впитали.
Блудить – под рэп. Жрать-пить – под хрип шпаны.
Для кайфа – фолки. Харды – для войны.
И визг попсы – для ёрза поп и талий.

О, бычье племя новых командоров!
Модельных анн отвязно-трезвый норов!
...Но – та, меж них! Откуда в ней сквозят

Черты иной, отснившейся, забытой?
Взор прячет... Глянь же!.. Всё. Дуэль финита.
Укол! Как больно... Донья Анна! Взгляд!..

(VII)
Отсюда –
туда

Укол! Как больно... Доньи Анны взгляд
Скользнул. Почудилось: не мог так пуст
Он быть. Я падаю. Мгновенный хруст:
Плохой костыль – шпажонка... Тьма и хлад.

...Как с жизнью схож постафкианский ад!
Лежит ее абсурда едкий дуст
На адской сцене. Жирен он и густ.
И – злая тишь. Молчание ягнят.

Поминки Картафила по Улиссу.
Пьет Эдерланд. Гренуй к Лолите лысой
Льнет. Боконон вьет бисер. Ждут Годо.

Зад Носорога в Замзе прорастает.
Лик беса с ваххабитской бородой
Зевнул темно и жадно – и растаял...

(VIII)
Там

Зевнул темно и жадно – и растаял
Мефисто с бородежкой террориста,
Соткавшийся на миг из хмари мгlistой.
Остался шепот, вкрадчиво-брутален.

«Опять ты здесь? Везет с тобой фатально –
Как дирижеру с киксуном-солистом,
Прелюбодей в сутане ригориста,
Ходок-савонарола, хрен в сметане.

Брысь, моралист! С тобой твой ад химерный:
Блуд совести по дебрям адюльтерным,
Дуэльный блеф из бредней суицида.

Ишь, снова влез, куда не пригласили!
Кто прёт силком, не заслужив Аида,
Бысть воскрешен – в который раз! – насильно!»

(IX)
Оттуда –
сюда

Но воскрешен (в который раз!) насильно
В миру, где слиплись пары А и Б
Злым шаржем камасутры на трубе
Сливной – и тщатся выдуть по красивей

На этой флейте свой ноктюрн крысиный,
Свербёж соитий в погребной гурьбе,
И ноты – всё визгливей и грубей
Свистят над обезлюбевшей Россией, –

С кем здесь начнешь ты с чистого листа?
Чьих первых ласк святая срамота
Спасти мирок двоих была бы в силах?

...Так дай ей возвышающий обман!
Точи ржавь стали, чисти доломан,
Ты, вечный дуэлянт, истертый символ!

(X)
Снова здесь Ты вечный дуэлянт, истертый символ,
Жрецов лав-арта грёзный образец
(Не путать с Казановой, – жеребец,
Вульгарный фаллос, потный и спесивый).

Бесстыдно-дерзким, трепетно-плаксивым,
Лукавым, нежным – всем сортам сердец
Ты приз переходящий, жнец и швец
Наивной веры: уголь негасимый –

Не горстка глины, – любящая плоть.
Любви сад одичавший прополоть
Ты послан вновь. Но ждут ли гостя тут?

Век мнимостей! В чашкобах интернетов –
Мираж секс-чатов, призрак тет-а-тетов...
Ищи свой фатум, бедный фат и шут.

(XI)
Эти Ищи свой фатум, бедный фат и шут,
В безвременье сюрвиртуальной яви.
Бал суперстрасти, где поддельность правит,
Однообразно и безумно лют.

Клип-анны резвой ляжкой ляжку бьют,
Бэт-командор, плейхакер, против правил
Спайдер-гуану глюк-рога наставил,
Стрелялкой утолив дуэльный зуд.

Хоть с фонарем, хоть с лазерным прицелом,
Нью-Диоген, в муляжах с фитнес-телом
Ищи свой мóрок, свой конец тревог.

Ищи. Ханжам будь пищей и мишенью.
Он ждет. Он где-то в вечности – твой рок:
Тот женский взгляд – без дна и выраженья.

(XII)
Она Тот женский взгляд, без дна и выраженья,
Опять приснился. Смял ночную гладь.
Пронзил. Сковал. Исчез. А я – стоять
Остался, без души и рассужденья.

Я камнем стал. Недоизображеньем
Античных статуй, кúросу под стать,
Какого василиску бы ваять,
Горгоне и содомонизверженью.

...Как властно звал очковый древний зев,
Змеиный зрак богинь и королев!
Но камень – не подвластен притяженью...

Последний поединок, смертный спор –
Он сбудется. Я встречу этот взор,
В каком свое не видел отражение.

(XIII)
Ей

В каком свое не видел отражение
Я из немых бесчисленных зеркал
В тех спальнях, по которым зря искал
Достойную и битвы, и служенья!

Их, многих, и себя я в положеньях
И тел, и дел столь клоунских видал
Сквозь зазеркальный фарсовый оскал,
Что отрезвел до головокруженья.

Я трезв давно. Не все ли мне равно –
Окно в Европу, Азии ли дно,
В кого – лить семя, кем – тупить рапирку...

...Глянь из стекла, мой сфинкс, мой снарк-буджум, –
И сгину в тень, как эти, под копирку,
Летя в зрачки под мертвый Стикса шум.

(XIV)
De profundis –
Вечность спустя

Летя в зрачки под мертвый Стикса шум,
В насытые гляделки Прозерпины,
За что чин рогоносца без причины
От сатаны-Плутона я сношу?

Обоим вызов тысячный пишу.
Я – не Иосиф вам! Я был – мужчина!
Верни мне шпагу, монстр! Тебе – личину
Раскрашу, ведьме – вульву расчешу!

Вы трусы, боги! Глыба Командора,
Мой секундант, гранит ботфортов скоро
Сотрет – таскать веками вам картель.

...Монахом жил бы – эту казнь представь я!
Раз в тыщу лет – бесплодная дуэль:
Умрешь – и будешь вновь в живых оставлен.

ИЗ НАЧАЛА К КОНЦУ

Замкнуто Публикатором

(XV)
От СК – ДЖ,
почтой духов

Умрешь – и будешь вновь в живых оставлен.
Дуэли нет конца. Века подряд –
Опять маши, коли усталой сталью.
И командоры – в очередь стоят.

В какой же миг тебя опять пронзят?
И кто из них? Как луч клина кристален!..
Укол! Как больно... Доньи Анны взгляд
Зевнул темно и жадно – и растаял...

Но воскрешен – в который раз! – насильно,
Ты, вечный дуэлянт, истертый символ,
Ищи свой фатум, бедный фат и шут:

Тот женский взгляд, без дна и выраженья,
В каком свое не видел отраженье,
Летя в зрачки под мертвый Стикса шум...

--- ---

От издателя:

Позволю себе усомниться в утверждении почтенного Публикатора – о «хаотичности» рукописи. В явно намеренной перетасовке сонетов (см. приведенный Публикатором порядок стихов в оригинале) угадывается весьма мудреная, но странно-связная авторская структура 15-го сонета. Предлагаю вариант возможной пунктуации (по «французской» модели).

I (определяется по 14-му сонету)	Умрешь – и будешь вновь в живых оставлен...
VII	Укол (как больно!) – доньи Анны взгляд:
V	«В какой же миг тебя опять пронзят?» –
VIII	Зевнул темно и жадно и растаял.
III	Опять маши, коли усталой сталью:
II	Дуэли нет конца. Века подряд
IV	И командоры в очередь стоят,
VI	И кто из них – как луч клинка, кристален?
XIII	В каком – свое не видел отраженье
XII	Тот женский взгляд без дна и выраженья?
XI	...Ищи свой фатум, бедный фат и шут.
X	Ты – вечный дуэлянт, истертый символ.
IX	Но, воскрешен в который раз, – насильно
XIV	Лети в зрачки, под мертвый Стикса шум...

Впрочем, тут слишком ребусны синтаксис и смысловые расшифровки цикла. Так что уважаемый Публикатор в конце концов более логичен. – В. А.

ВСЕГО-ТО – ВСТРЕЧА...

11-й венок сонетов

*Видения его подлинны, но это видения от
скудости, а не от полноты.*

П. Флоренский.

<О бесовидении Блока>

*Смерть и ад не живые животные, как
думают некоторые, но **смерть** есть разлучение
души от тела, а **ад** – невидимое нами и
неизвестное место, куда идут отходящие
отсюда наши души.*

Андрей Кесарийский.

Толкования на Апокалипсис

-1-

Летя в зрачки под мертвый Стикса шум,
Пред тем, как мир из памяти сотру,
На миг припомню, кем я был в миру,
И воплем глушь безмирья оглашу.

И крохотному камню-голышу
Подобен, – дальше, в черную дыру
Глазищ я буду втянут. И умру.
И всё забуду. Душу оглушу.

Так будет завтра. Завтра. Значит, вскоре
Прощусь я с тем, чем жив я был и вскормлен.

Свой призрак мира из чужих страниц я
Слепил. И тем от смерти был храним.
Но встретил взгляд. И завтра, встав пред ним,
Я кану сквозь, – и призрак растворится.

-2-

Я кану сквозь. И призрак растворится:
Он был иль не был, мой бессмертный мир
Из эха книг, мой иллюзорный пир?
Я сквозь него летел незваной птицей.

Но вышел срок. Теперь за все отмстится.
За дикий дёрг на струнах старых лир.
За фамильярность с Вами, мой кумир,
Мой грозный Лебедь. Всем плачу сторицей.

Моих поводырей, моих врачей
Отходят тени. Смертен книгочей.

Лоскут шагрени завтра сократится
В молекулу. Останется исход:
Ужасных зимних глаз водоворот,
Воронки-вежды, проруби-зеницы...

-3-

Воронки-вежды, проруби-зеницы,
И темный лед в колодезных очах.
И меловой овал – лицо-свеча:
Воск инеем под лампой серебрится.

У снежных королев – ладонь убийцы
С приметами хранительницы чад.
Любя, они не могут различать
Себя – и тех, в кого смогли влюбиться.

Любимцу сердце льдинкой замени,
А тот комочек – в лёдник схорони...

...Наст простыней. Снег скул ее. Метелью –
Высь потолка. Озноб не погашу
Перед прыжком на полюс. Строп бретельки.
И пряди нераскрытый парашют...

-4-

И пряди нераскрытый парашют,
И ветер пустоты из льдистых губ,
И каруселью, в облачном кругу,
Постели глубь... И я над ней вишу.

Я невесом. Под облако кошу –
Снял тело, как штаны. А с ним – лузгу
Смешных надежд, страданийц мелюзгу,
Гордыни струпья, комплексов паршу.

Король, ты гол. И тут тебе конец,
Игрец, лже-властелин эрзац-колец.

Курил желаний славы анашу,
Пылил в глаза... И вот – тебя раздели
Над бездной... Свет мигнет в твоём тоннеле –
И грянет тьма. И – этот черный шурф...

-5-

И грянет тьма. И этот черный шурф,
Сырая непроглядная труба,
Проймет от пят до колотья в зубах.
Ты – в Вечности великого Шур-Шур.

Здесь царствует Крыс-Блед, крысиный Жмур,
А может, Жругр? – не вспомнишь ты. Слаба,
Дант-выдумщик, твоих кругов гоньба
Пред шорохом незримых шустрых шкур.

Так вот он, ад? Как жуток он и прост.
Эриньям-крысам тут не писан пост.

Иди на зубья. И когда взмолиться
Захочешь о пугавшем встарь полке
Той баньки, где паук на пауке, –
Тоннель без стен и свода будет длиться...

-6-

Тоннель без стен и свода будет длиться
Вплоть до Суда. А там – и за Судом.
Сквозь серый морок искаженным ртом
Не докричаться к свету, не пробиться.

Безвременья плебей, а не патриций,
Не сыть был зверю-веку ты, – фантом.
Тобой играл он, как своим хвостом,
Не волкодав, а сытая волчица.

Но вот и счет – за призрачность шитья,
За муть благополучного шутья.

...Он будет длиться, длиться и дробиться
На миги и несчетные года,
Бег по крысиной штольне в никуда,
Он будет длиться, Боже меднолицый!

-7-

Он будет длиться, Боже меднолицый,
Кошмарный сон: в аду своем бреду...
Ведь рай ли, ад – по вере нам дадут,
Всяк обретет лишь то, что веще снится.

Мой Господи, куда это годится!
Написано неужто на роду,
Что я, каким пришел, таким уйду –
Сновидцем в маскарадной власянице?

Иль сроки я свои не отслужил,
Хотя и тщился из последних жил?

Вот верный стол. Рука пока легка.
Склоняясь к листу, стило я закушу...
И нищая скулящая строка
Все длится, длится... Нет, не допишу.

-8-

Всё – длится, длится... Нет, не допишу
Всему, что длится вне, помимо, мнимо,
Я акта приговора. Чем, вестимо,
Вас хроника – хрониста, бишь! – лишу.

Не мне, хоть в пыль перо я искрошу,
Быть Пименом для варварского Рима,
Поскольку лишь с одним собой, любимым,
Наедине – акын я и ашуг.

И тут – не надо лучшего врага мне,
Недаром мил мне самоедец Гамлет.

Сам – жнец, ловец, жнивье и рыба в бродне,
Стило ступилось от самобитья,
Стократ самоказнен, – а тот же я,
Хоть испиши томá я, кровь Господня!

-9-

Хоть испиши тома я, кровь Господня,
Мне – возвращаться ко столбу с мочалом.
Отвлёкся на ухмылку. Полегчало.
Но ни смешней не стало, ни свободней.

И всё – с начала. С точки прошлогодней.
И то, что дятлом в темени стучало,
Стучалось в память, – снова зазвучало.
Глядишь в себя – какой ты там, в исподнем.

А зрелищем – не леп ты. Как и прежде.
Пожалуй, был полёпее – в одежде.

Стриптиз ума не обеспечит ренты
Со строк б/у.* Сума – и то доходней.
Все безысходней бег копирной ленты.
Все длится, длится, длится преисподня.

* Читается: «бэ у́» (бывшее в употреблении). Напр.: о белье, одежде; сленг каптенармусов.

-10-

Все длится, длится, длится преисподня,
Где ты бредешь, бежишь, опять бредешь
В крысином визге... Сон есть ложь? Ну, что ж,
Ты это помнил. В жизни. Той, исходной.

А как все начиналось? Память-сводня
Услужливо сведет сырой скулеж
Ноябрьского «потом» и теплый дождь
Июльского «тогда» – со мглой «сегодня».

Сойдя в кромешный сон по сходням стыни,
Ты мучишься загадками простыми.

Три сосенки – всё дебри мурашу...
Всего-то – встреча. Со святой – и сфинксом.
С бесстрашностью даренья – и бесстыдством.
Двоится память. Грежу иль грешу?

-11-

Двоится память. Грежу иль грешу?
Не странно ль? В смертном áмоке начала
Исход в провал, о чем душа молчала,
Провидел – стих. Кровь снится палашу,

Петле – кадык, сок белены – ковшу,
Труп – зубу крысы. Что судьба кричала?
Каким тебя, провидца, назначала
Орудием – тебе же, слепышу?

... Ушло виденье. В мареве бессветном
Остались: ты – и ледяная Этна.

И матовая магия лица,
И клочок лав под снеговой броней,
И в шаге ты от царского венца...
Что ж было с этой женщиной и мною?

-12-

Что было с этой женщиной и мною?
А было так. Ударит час судьбы,
И мы перед Единственной – рабы,
Она – замена воле и покою.

Она дается свыше нам. Родною
Зовется – в нас Входящая, дабы
Родился Царь – из низшей голытьбы –
И дал Родившей – царствие земное.

Но если... Час иудин – да минует!
Миг целованья, длись! Но – кто целует?..

Ты будешь смыт палящею волной,
И вихрь тебя клубящийся вберет,
И ты помчишься сквозь кипящий лед,
И криком вспенишь прорву за спиной...

-13-

И криком вспенив прорву за спиной,
Очнусь. Кошмар растаял. Свет – дневной.
Давно все это было. Не со мной.
Наверно, с кем-то. За годов стеной.

И ты ль была та женщина? С иной
Был кто-то? Каюсь. Видно, не одной
Тебе бряцал я на струне больной?
И – с кем я был? Забыл. Стихи виной.

Нам долго жить, но – через окоем.
Зато – в один, конечно, час умрем.

За Ахероном, с облегченьем сбросив
Истертый съют и сношенные шуз,
Найду тебя – и на презренной прозе:
– А было ли? – я тень твою спрошу.

– А было ли? – я тень твою спрошу
Из-за межи, из снов, каких воочью
Ни грешный не видал, ни беспорочный,
И рукописи тенью помашу.

Во что не верю, то не опишу:
Полунага, с листком в руке, ты, ночью,
Татьяной дурня Нотбека лубочной...
Вот потому и не преподаю.

На зряшный плод мой глянув, на мираж мой,
Зевнула б ты: – Пугает, а не страшно.

Но взор на миг проник в страну бы, где,
Под стать дурацкой птице-глупышу,
Бьюсь тенью крыл я в глаз твоих слюде,
Летя в зрачки под мертвый Стикса шум.

Летя в зрачки под мертвый Стикса шум,
Я кану сквозь, – и призрак растворится:
Воронки-вежды, проруби-зеницы
И пряди нераскрытый парашют...

И грянет тьма. И этот черный шурф,
Тоннель без стен и свода будет длиться,
Он будет длиться, Боже меднолицый,
Всё длиться, длиться... Нет, не допишу,

Хоть испиши тома я, кровь Господня! –
Все длится, длится, длится преисподня.

Двоится память. Грежу иль грешу?
Что было с этой женщиной и мною?
И криком вспенив прорву за спиною,
– А было ли? – я тень твою спрошу.

А БЫЛО ЛИ?

12-й венок сонетов

*Давно все это было. Не со мной.
Наверно, с кем-то.*

(11-й венок сонетов)

*Добрый зверек мой, светлая лань,
Страшно тебя ласкать.*

Его «Бережный вальс»

*Крыленый ты мой, дрозденый...
С голубеньким, как у мамы,
Перышком на крыле...*

Его «Песенка дрозда»

*...И только в снах
Стираю разноцветные пеленки
Я в радуге на мыльных пузырях.*

Её стихи

-1-

– А было ли? – я тень твою спрошу
Когда-нибудь. И не дождусь ответа.
Спрошу: – Зачем я столько лет гашу
В негаснущем мозгу безумье это?

И не дождусь ответа. И решу,
Что – не было. А были – призрак лета,
И на закате – сны. И потушу
Сначала – свет, потом – источник света.

И замолчу. И в темной тишине,
С бессмертием своим наедине,
Я буду ждать, года перетирая,

Что звякнет дверь в моем пустом аду
В неслучившемся, беспомысленном году,
В году, когда, устав, сбежишь из рая.

-2-

В году, когда, устав, сбежишь из рая,
Где мнимый бог угрюмо правил бал
И, ризы грешным помыслом марая,
Тебя к адамам глухо ревновал,

Ты, женской властью гордеца карая,
Той властью, что сам же даровал,
Когда тебя – из глины, не из ребра я! –
В отравной темной муке создавал,

Ты унесешь и света горстку эту –
Дитя, что понесла в горячем сне ты,
Дитя, что я в горячих снах ношу.

И с омертвевшей выси видно ясно,
Как ты бежишь, бесстыдно и прекрасно,
Девчонкою босой по камышу.

-3-

Девчонкою босой по камышу
Моя надежда глупенькая бродит.
Чтоб не спугнуть, почти что не дышу:
Пускай подышит, вопреки природе,

Пускай еще споет по малышу
Последним плачем, колыбельной вроде...
Я медный грош для нищенки прошу
И не стыжусь – при всем честном народе.

Я столько убивал уже надежд!
Покуда соль вконец не съела вежд,
Последышем – дотешусь, дохвораю.

Смешна она, мала, нага – как жизнь.
Танцуй, моя безумная, кружись,
Жизель или Офелию играя!

-4-

Жизель или Офелию играя,
Талантом не возьмешь. Не в нем секрет.
Ты знала ли, как разум, догорая,
Преображает боль в последний свет?

Как язычок тот пляшет, обмирая,
Как дрожь его нежна, когда вослед
Уже взбухает вязкая, сырая,
Слепая тьма, какой названья нет?

Как страшно вдруг, за шаг перед обрывом,
Сон воскресить – о шалаше счастливом,
Понять, что и письма – не напишу...

А мир – без нас – еще пребудет годы.
Без нас – подмоют чью-то иву воды,
И канет в травах тропка к шалашу.

-5-

И канет в травах тропка к шалашу.
И будешь ты в гнезде, тобой спасенном,
Мной – ветром бишь – едва не разнесенном,
Жить с добрым мужем и варить лапшу.

Забудешь сны, где я с тобой лежу,
Взрастишь детей – и ставшего законным,
Родным, прощенным и усыновленным,
Не знавшего, как рану я лижу,

В ночи звериной рву свои сонеты,
Кричу без звука: – Маленький мой, где ты?
Мой óтнятый, не веруй в их дурман! –

И злую кровь с губы не отираю...
Когда ж дожрет пыль райскую туман,
Лилит и Еву вспомню, умирая.

-6-

Лилит и Еву вспомню, умирая.
Веселый Боже, шутку Ты родил
Лихую. Рай за мною запирая, –
Наоборотным мифом наградил.

Пусть видел плеском синего пера я
Синюшный лунный блеск на коже крыл, –
Не в этом жуть. Зачем, очки втирая,
Ты, Господи, сюжет перекроил?

Ведь с Евой, кость от кости, плод срывать бы!
А ту, из глины, – смыть до райской свадьбы!
Хотя... Зачем Тебя винить спешу?

Финал – один. Жена. Два сына – братья...
А ту – вернет земле Твое заклáтье.
Могилу – заровняю, запашу.

-7-

Могилы заровняю, запашу –
Ту, с едким пеплом от цветных пеленок,
И ту, где тлеет призрачный дрозденек.
И не прощать уменье испрошу.

Стих – не сродни разменному грошу,
Грешку на час ли. Он – нагой ребенок,
И не поймет, кем был он, слаб и звóнок:
По крови сыном? По карандашу?

За всех, рожденных всеу, – пусть и страстью,
За убиенных – пусть инстинкта властью,
За корчи песен, брошенных в траву, –

Нельзя прощать. В зверьке – искал добра я!..
Боль лечат болью. Болью и живу.
Но первой боли – не уймет вторая.

-8-

Но первой боли не уймет вторая...
Она измыслит – Господи, прости! –
Что можно, убегая, обирая,
Предав тебя, заклáв твои пути,

Хитро́ свои, кривые, выгибая, –
К тебе полулюбовницей придти,
Себя же в отступное предлагая
Полушкой, скупой выданной в горсти!

Приговорит – и тем же попрекнет.
Бесстыдство – бескорыстьем назовет.
Потом – убьет. Скорбя – но выбирая.

Из двух... И выбор – на кого падет?
Как тяжело ждать, провидя наперед,
Последней строчкой горло обдирая...

-9-

Последней строчкой горло обдирая,
Я повторю: мы кровью – не родня.
Обжечься, чьи-то угли разгребая,
Еще не значит – суть постичь огня.

Так и стихи. От пытки словом – злая,
Ты корчишься: как мучит болтовня!
Еще чуть-чуть – и бросишь, обвиняя,
Ты мне в лицо лжезнанье про меня:

«Слова – не кровь, а рифмы треск – не выстрел!
Смешон в плаще Мельмота, Монтекристо ль –
Гурманчик, приневоленный к посту!»

...В одном права ты: глупо сроки ставить.
Стих – сам поймет, когда ему истаять,
Уже не веря в слов своих тщету.

-10-

Уже не веря в слов своих тщету,
Скажу: не тщишь. Строка – не рукоделье.
Ты – лишь читатель. Те – верны щиту
Иллюзии, что стих и жизнь – отдельные.

Ну, выразить мечту иль маету,
Мир отразить – меж небом и постелью,
Преобразить сор быта в красоту...
Но в быте – жить. В стихе – гулять моделью.

Вы в том убеждены. И не поймете,
Что стих – не речь, не зеркало в киоте,
Он дан как орган тела. Орган БЫТЬ.

Ходить. Дышать... И вне его – не знаю
Я бытия. Длю тающую нить –
У фонарей снежинки собираю...

-11-

У фонарей – снежинки собираю,
Леплю снежок души, шепчу, молю,
Потом в ладонях, плача, согреваю,
Слежу, как тает... И опять леплю.

Не верю я, палач ты мой, родная,
Что наш птенец, кому еще коплю
Стихи и цапки, чье, листки срывая
С календарей, рождение тороплю, –

Что он потом, во лжи благой возвращенный,
Из рук твоих узнает наготу
Всех наших писем, пылью позлащенных,

Всех песен, превращенных в немоту,
Где я с тобой и сыном нерожденным
Брожу по шаткой жердочке-мосту...

-12-

Брожу по шаткой жердочке-мосту
И спорю с верой темною твоею,
Где возвели немые лорелеи
Безлюбие природы – в чистоту.

Гимнаст без лонжи, вверюсь не шесту
И естеству поверить не сумею.
Я верю в Сад, где две души растут,
Узнав любовь, не знающую Змея.

Ей яблока отравы не нужна.
Природному инстинкту не равна,
Сияет купиною, не сгорая.

Ни Бог не страшен ей, ни Сатана.
Я знал ее. Еще мой мост она,
Что зыбко сводит памяти два края.

-13-

Что зыбко сводит памяти два края,
Где память – ров, а в нем – зола бела,
И вижу белый проблеск топора я,
Каким ты сон упрямца рассекла?

А сводит – тот же сон. Ты не смогла
Добить его, меня с себя смывая.
Он сгинет сам. Досплю его дотла,
До атома, на чудо уповая.

Тот сон – о чуде. Мир ли изменить,
Заклясть беду ли, пепел оживить –
Всё может стих. Ему лишь надо верить.

Ему – а не природе и кресту.
...Еще могу свой сон шагами мерить –
И слушать под ногою пустоту.

-14-

...И слышу под ногою – пустоту,
Когда бреду на ощупь, без светила.
Казнив, ты не признаешь, что казнила.
И вырастишь счастливым – сироту.

А спросит, – скажешь, веря в правоту:
«Любила. Был он слаб и зол. Постыла
Роль грешницы. Он проклял. Я простила.
Прости и ты. Он канул в черноту.

Забудь о нем. Ты – только мой. Ты – дома.
Не от отца спасала – от фантома.
Не трожь теней, как я не ворошу».

«Так было», – ты солжешь. И он – поверит.
И плюнет в тень мою. И там, под дверью,
«А было ли?» – я тень твою спрошу.

-15-

– А было ли? – я тень твою спрошу
В году, когда, устав, сбежишь из рая
Девчонкою босой по камышу,
Жизель или Офелию играя.

И канет в травах тропка к шалашу.
Лилит и Еву вспомню, умирая.
Могилы – заровняю, запашу.
Но первой боли – не уймет вторая.

Последней строчкой горло обдирая,
Уже не веря в слов своих тщету,
У фонарей – снежинки собираю.

Брожу по шаткой жердочке-мосту,
Что зыбко сводит памяти два края,
И слышу под ногою – пустоту...

ТОТ ЖРЕБИЙ

13-й венок сонетов

*Зачем ты опутал себя
собственной мудрости вервью?..
Зачем ты заполз в себя –
себя самого?..
Ты искал тяжчайшую ношу –
и нашел себя, –
и себя ты с себя уж не сбросишь...*
Ф. Ницше.
<Из стихов Заратустры>

-1-

...И слышу под ногою пустоту,
Асфальты серых улиц попирая,
Сырые гулы города вбирая
Пред тем, как обрету я глухоту.

До срока белизна дана листу,
Пока перо ее не измариет.
Но белый шум старенья в нас стирает
След давних звуков, несших простоту.

Листочкам ветхим верю и не верю,
Себя читая, юного тетерю:
Ужель та нота мной была взятá?

Проста – но как чиста, по меньшей мере!
...Стол. Белый лист. Бессонниц дурнота.
Брожу по дому – как ищу потерю.

-2-

Брожу по дому, как ищу потерю,
Как по полю хожу, где мин не мерено,
И мучусь – что же, собственно, потеряно
В забитой хламом взрывчатой фатере?

Среди ошметок фарсов и мистерий,
Клочков поэм, альбомной бижутерии –
Затерянного мира мегатерием
Опасливо ворочаюсь, растерян.

И что-то мутно брезжит, смутно помнится...
Себя ищу я, что ли? Не уверен.
Но – не остановиться, не опомниться.

Кружу в норе, где строил чудо-терем,
По грудам щебня, что с годами полнятся,
Вдоль стен, где каждой глыбы вес измерен.

-3-

Вдоль стен, где каждой глыбы вес измерен,
Бессчетный круг бессмысленно веду.
Всё выхода ищу – и не найду.
Маг-неудачник, самозванец-Мерлин.

Как смолоду мы скудны разуменьем!
Щенячьего бесстрашия в чаду,
Я возмечтал, себе же на беду,
Стать чародеем-профи, мудрым змеем.

Чтоб явственной внимать науке этой,
Себя я башней снов обнес. И вето
Магическим заклиал врата в мечту.

И все познал. Но мне – не выйти к свету.
Сквозь камни – и травой не прорасту:
Я сам тесал и вел их в высоту.

-4-

Я сам тесал и вел их в высоту –
Многопудовых плит глухие грани.
Как зиккурат мой холоден и странен
Узором, вбитым в каждую плиту!

Та клинопись впитала хрипоту
Какой еще весенней гулкой ранью
Столпостроитель проклят был заране –
За жизнь под сенью девушек в цвету,
За масть Пегаса с розовым отливом,
За густоту ребячьего наива,
За вкус плода запретного во рту.

Но и хрипя, лепил я горделиво
Свой дикий столп, свой крест и пиету.
И на века возвел, хвала Христу.

-5-

И на века возвел, хвала Христу,
Я памятник. Главою непокорной
Торчит, подобен чуждому персту,
Мой столб самораспятья рукотворный.

Но сущих тут языков суету
Не зрю. На пустоши – ни тропки торной.
Кому он был, пардон за прямоту,
Любезен – труд мой, тяжкий и упорный?

Ни падшим, ни свободе, ни отчизне
Ни на пиру, ни в битве, ни на тризне
Я не служил. Ни в ангеле, ни в звере
Чувств добрых не будил. Но зло и страстно
Ждал ту, за дверью ждавшую напрасно...
Так что же тянет холодом из двери?

-6-

Так что же тянет холодом из двери?
В ее проеме с горсточкой тепла
Та женщина, которой не поверил,
Еще вчера стояла и ждала.

Так что же тянет холодом из двери?
...Я стих вязал. Не встал из-за стола.
И женщина, которой не поверил,
К утру ушла. И душу увела.

Из Байрона цитатою вползла
Строка восьмая! Слов чужих зола.
И так же тянет холодом из двери.

...А где-то – грамм тепла, что не взяла
Моя рука с мозолью от стила,
И женщина, которой не поверил.

-7-

А женщина, которой я поверил,
Сосем не та, какой ее я выдумал.
Ей райский змей недолгий век отмерил,
Век бедных стерв – не ангелов на выданье.

Страстей, плетей, и ласк, и изуверья –
Другими до меня ей вдосталь выдано.
В ее доверье – капелька неверья
Дрожит на дне, неслышна и невидима.

Со мною ей спокойно. Но прочту
Однажды ночью ей два-три сонета...
И вижу на пронзительном свету:
Она, как тень, тиха, полураздета,
Встает с постели, на двоих согретой,
Отводит взгляд, отходит в темноту...

-8-

Отводит взгляд, отходит в темноту
Сегодня третья молодость моя.
Ей, как и тем, отныне – путь в края,
Где птицы любят только на лету,
Где куст влюбленно тянется к кусту,
Где все бессмертны – дети и друзья,
И юность наших женщин, и семья
Ягнят-стишат, и сам я, их пастух...

Сад изумрудной младости! Обязан
Тебе своей я верой неотвязной
В бессмертие нелепое мое.

...Теперь ты стар, мой сад. Вяжу бессвязно
Из жухлых трав цветное веретё
Под сумраком каменноствольных вязов.

Под сумраком каменноствольных вязов
Метнулся лучик. Светлячок ли зыбкий?
Любовей ли прощальные улыбки?
Вдруг твой закат набрел на стол заказов?

... Вот так мы метим в спазмы наши, в язвы,
Под жабры жалкой золоченой рыбке
Желаньиц наших, мелких и хлипких.
Но попадать-то – в Пушкина горазды.

Он – мы. Мы – в нем, и плача, и шая...
Поёрничал. Поежился. И сразу –
Озноб: опять беременна земля.
Ее мы добрим – перлом или стразом,
Она тучнеет, вновь алмаз суля:
В ее горячих недрах плод завязан...

В ее горячих недрах плод завязан –
В той, что была дерзка, дика, нежна,
Чей выхрип: «Князь, пусть прорастет княжна!» –
Бил в мозг и ноздри веселящим газом.

Не убоясь ни злой молвы, ни сглаза,
Не одному тебе себя до дна
Она дарила. Да и впредь вольна
В дареньях, вороженьях и отказах.

Какой же путь – и с кем – она назначит
Комочку жизни, что в стихиях зачат?
Украсть его, как родам срок пробьет!

От мыса Бурь на плотике удачи
Уйдет со мной дичок мой, поздний плод.
В нем – плоть моя. Моя?.. Как хрупок плот...

В нем плоть моя. Моя! Как хрупок плот,
Что сбит, по сути, из меня, живого,
По ребрышку, по жилочке, по слову,
Из строчек, в коих кровь моя и пот.

И он, скорлупка-клон, меня несет
По рифам, мелям, заводям бывшего,
Шального, штормового, штилевого,
Веленьем волн, хотеньем тихих вод.

Моя в нем память. Мёд ее. И соль.
Обноски счастья. И несчастий голь.
И – вера. В вечнобытность словоплоти.

Но, воплотясь, – не плыть в одной из стай мне,
Презревшей, что у каждого – свой плотик,
Что нашей вере Богом предоставлен...

Что нашей вере Богом предоставлен
И триединый символ, и закон, –
Ты, обучась неверия уставам,
Всё ж смутно помнил – с дедовских икон.

Душ нагота – какой она предстанет
Пред Судией? И будет ли зачтен
Иного троесущего состава
Языческий молитвенный канон?

«О, Мати-Вера, нас, нагих, утешь ты!
Да снидет к нищим Дочь Твоя, Надежда!
И Святый Дух Любовь да снизойдет!»

...Что жду я на ночном пустом причале?
Лодчонку? Крик из тьмы? Письмо от чаек?
И чья там тень, как я, у сходней ждет?

Но чья там тень, как я, у сходней ждет
Мгновения, когда неторопливо
Рукокрылом призывно поведет
Тот, на плоту, недвижимый, молчаливый?

Тогда-то, наконец, на плот шагнет
Заждавшийся. И отплывет с отливом –
Пред тем, как гром небесный разметет
Заутра черный город нечестивый.

Спасен – один. Был голос мне из далей:
Тот жребий – мой. Не о двоих был глас!
В последний час – соперника мне дали?

...А! Дрогнуло крыло! Сейчас! Сейчас:
Из нас один – спасён. Один из нас.
Шагну к плоту, петель надежды сдавлен...

Шагну к плоту, петель надежды сдавлен,
И – пробужусь... Я не узнал – и рад
Не знать: кто избран, кто громам подставлен,
И кем он был – враг мой и собрат.

...Но как теперь, неузнанный, он стал мне
Необходим! Не слеп ли был стократ
Я в этом сне? Разгадка не проста ли,
А я – непоправимо виноват?

Страх не обрести спасительной ступени
Соперника заставил в темной тени
Признать – а не единственную ту
Дарованную спутницу в спасеньи!
...Бреду, молю кого-то о прощеньи –
И слышу под ногою пустоту...

И слышу под ногою пустоту,
Брожу по дому, как ищу потерю,
Вдоль стен, где каждой глыбы вес измерен:
Я сам тесал и вел их в высоту.

И на века возвел, хвала Христу.
Так что же тянет холодом из двери?
И женщина, которой я поверил,
Отводит взгляд, отходит в темноту.

Под сумраком каменноствольных вязов
В ее горячих недрах плод завязан.
В нем – плоть моя... Моя? Как хрупок плот,
Что нашей вере Богом предоставлен!
И чья там тень, как я, у сходней ждет?
Шагну к плоту, петель надежды сдавлен...

И НАДО ПЛЫТЬ...

14-й венок сонетов

*...Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.*
И. Анненский

-1-

Шагну к плоту, петель надежды сдавлен:
Сам Океан ли беглеца щадит,
Скостил ли Посейдон, мой недруг давний,
Моей гордыне счет своих обид?

Иначе бы зачем из дали дальней
Нежданный этот плот волной прибит
К пустой скале, где брежу я годами
То парусом, то пеньем nereид?

Всё позади – Цирцеи и циклопы.
Итаки наши, наши Пенелопы
Не ждут своих воскресших мертвецов.

Но вот он – плот, ладья последних странствий.
Ей, утлой, кольцевать мой бег в пространстве?
Она – за мной? И Бог замкнул кольцо?

-2-

Она – за мной. И Бог замкнул кольцо.
Конец кругам. Мой путь отныне – с нею.
Куда? Бог весть. Далёко ль? Ей виднее –
Поводыри в ответе за слепцов.

Ей – быть теперь в руке судьбы резцом,
Мой грубый вы́тес – достругать вернее.
Не знаю, стану краше иль страшнее,
Твореньям ли знать промысел творцов!

Но опыт внеразумного доверья –
Чем живы дети и ручные звери, –
Как труден он для умника в летах!

Душе – как снять замки, штыки застав ли,
И внять, что мир стоит – не на китах?
Не на китах – на чуде мир поставлен.

-3-

Не на китах – на чуде мир поставлен.
Брось твердь и хлябь под лупу ль, под ланцет,
На атомы вселенную пластай ли, –
Пыльца чудес не опылит сонет.

Но в главном чуде – чуда-то и нет,
Есть истина, до зависти простая:
Плывешь во тьме, вдруг – чей-то оклик вслед,
Оглянешься – и темноты не станет.

Ты встретил взгляд. И в зове сокровенном
Зрачков, где каждый – света озерцо,
Прочел: не в мире колдовском и тленном
Дано тебе отныне быть жильцом,
А в мире вечном и обыкновенном –
Обыкновенном, как ее лицо.

-4-

Обыкновенным, как ее лицо,
Мутнеет новый день в оконной раме.
Но где-то там, в своем надмирном храме,
Бог, выпавшись, выходит на крыльцо.

Умыт и свеж, себя лихим мальцом
Он ощутил. Он – молодой, да ранний.
Он снова всемогущ. Так не пора ли
Дурить глупца, мудрить над мудрецом?

Дать каждому – по Еве и Лилит.
На выбор: рок ли, морок, приз, фальстарт ли, –
Пусть сумасброд зуд риска утолит.

Чей это лик на миг вдруг проблистал в ней?
...А день растет. И всадник путь свой длит,
В глупцах ли старясь, в мудрецах устав ли...

-5-

В глупцах ли старясь, в мудрецах устав ли,
Однажды ты к открытию придешь:
В неизреченных мыслях дремлет ложь,
А сказанные – истиною стали.

Кто б ни изрек – пророк, простак, мастак ли, –
В начале: буквиц рябь и звуков дрожь,
В итоге: слово-щит и слово-нож,
Слова-авгуры и слова-весталки...

И странная в них власть уже над нами:
Скажи «ожог» – и чувствуй кожей пламя,
Шепни «судьба» – и жди ее гонцов.

Душой за слово платим – не словами.
...Спасется ж тот, кто пьет свое винцо,
Растратив дар на красное словцо.

-6-

Растратив дар на красное словцо,
Экс-потрясатель ставит в красный угол
С облезшей позолотой копьецо
И ворошит в камине тусклый уголь.

Он отрастил фальстафово пузцо.
Водивший дружбу с лебединым кругом,
Скелеты белоперых гордецов
Он прячет в шкаф и глухо шепчет ругань.

Он – птица дронт. Его театр – зола.
С великой королевой умерла
Трагедия. На сцене – мизерабли.

...А где-то та, чья грудь была смугла,
Пред зеркалом вчера сонеты жгла –
Спасалась и от славы, и от травли.

-7-

Спасаемся от славы и от травли
Мы – трусостью. Всего боимся мы:
Сердечной смуты, черепной ли травмы,
Дурной болезни, в мёде – сулемы.

А власть над страстью – это ли не страх ли?
Жжет руки дар из ведьминой сумы –
Баклажка с соком приворотной травки.
Подлить? Скудесить зной – среди зимы?*

О, как легко дурманное пивцо
Связало бы концы неверных нитей,
Что двое ткут с опаской и ленцой!

Но подманить судьбу – не подменить ли?
...Стерпи. Вглядись, как в облако в зените,
В ее лицо – начало всех концов.

* *Вариант строфы:* Но горший страх – не знать: а был ты прав ли,
Отвергнув дар из ведьминой сумы –
Баклажку с соком приворотной травки, –
Тем избежав душевной кутерьмы?

-8-

В ее лице – начало всех концов.
Оно пролог связует с эпилогом,
Когда ты меришь позднюю дорогу
Под ровный и негромкий конский цок.

Банальна, как колумбово яйцо,
Над всадником яснее понемногу
Мораль финала: прошлого – не трогай,
Пусть мирно затихает под рубцом.

А будущего, в громе колокольном, –
Не торопи. Тебе еще не больно.
...Лицо ее по темной вышине
В дорожных снах плывет легко и вольно.
Успеть ему сказать бы там, во сне:
– Не уплывай! Разлук с меня довольно!

-9-

– Не уплывай! Разлук с меня довольно! –
В который раз ты молча говоришь.
...А над проливом – облачная тишь,
И надо плыть, пока покойны волны.

Ни суд людской, ни споры царств, ни войны
Мне не страшны: ведь ты меня хранишь.
Я возвращусь. И вновь ты повторишь:
– Не уплывай! Разлук с меня довольно!

Твой странен сон, любимая. Не верь.
...Костер потухший. Море, точно зверь.
Мой труп у скал. И жуть вины невольной.

Сны – лгут. В ночи я знаю: верен путь.
Маяк твой жив. И мне – не утонуть:
Я столько раз тонул в морях окольных.

-10-

Я столько раз тонул в морях окольных!
Ихтиозавром чувствуешь себя.
Чужих морей до чёрта в мире дольнем,
Хоть утопись в из зыбях (иль – зыбях?).

А мир не кругл – он тысячеугольный.
И где, в каком углу всё ждет тебя
Одно, твое, – не скажет атлас школьный.

...А там – дельфины в дивный рог трубят,
Харибды – спят, сирены – милосердны,
По берегам пасутся львы и серны,
И с Ледой Зевс еще не согрешил...

А ты всё плыл в морях, где дышат скверной,
Не к тем причалам за туманом серным
И вёсла не у тех лагун сушил...

-11-

Кто вёсла не у тех лагун сушил,
Не может знать: а те-то – чем милее?
Вода в них с ананасом? Слаще ил?
Медузы с музыкой? Акулы блеют?

...А в Африке – зима. Шуугою Нил
Забит. Горилла в спячке. Слон белеет
До марта. Негус валенки подшил.
Кошмар с похмелья мучит Бармалея:

Гоген, с усами в краске и в поту,
С прелестной таитянкой – на плоту.
А Хейердал, спортивнее и тоньше,
Без таитянки, кстати, на борту,
Их обгоняет – разом на версту,
Не слыша вздох прекрасной плотогонши...

-12-

И слышу вздох прекрасной плотогонши:
«Тоска – от треска сказочек твоих.
Труслив вагант. Аэд блудливо тих.
Философ – евнух. А в шутах – суконщик.

Да это, друг, не ты ли? Чью ты кожу
Пустил на маски призраков твоих?
Жалеть, что плот – один на нас двоих,
Не заставляй. Шутить со мной не гоже».

...Над океаном – ночь. Бог хочет пить –
Вон в черной выси поднят звездный ковшик.
Быки морские умеряют прыть –
Им отдых дал невидимый погонщик.
Плот размышляет: плыть или не плыть?
Не уплывешь. Есть расставанья – горше.

-13-

Не уплыву. Есть расставанья горше.
...С тобою делят кров, деньгу, постель.
И стол еще не гол. И год погожий.
И знаешь только ты: вы – в пустоте.

Чего же ей ты не простишь? Похоже,
Того, что стал – сожитель во Христе.
Ты ей – полезен. На миру. На ложе.
На благо чад. На час лихих гостей.

А ты забыть не можешь, как мечталось,
Чтобы она слезами обливалась
Над вымыслом твоим, одна, в тиши
Лесов сосновых... Да-с, *bon-mot* – унылый.
Но – уплывать? Куда ж вам плыть, мой милый,
Когда уходит кто-то из души...

-14-

Когда уходит кто-то из души,
Душа пустот не терпит, королева...
Но я – о том, как Ваши (чур, без гнева, –
Молчу про груди) плечи хороши.

Их обнимать – порфире из шиншилл,
Не нищим бардам. И не лгите мне вы,
Что этот рот (о родинке, что слева, –
Молчу) Эроса сна бы не лишил.

Пощады, королева! Вы – прекрасны.
Вот всё, что я сказал. Увы, напрасно
Ждать грубой страсти от певцов пустот.

Но тех, кто Вами царски был задарен,
Плот с палачом у спуска к Темзе ждет?
Шагну к плоту, петлей надежды сдавлен...

-15-

Шагну к плоту, петлей надежды сдавлен:
Она – за мной? И Бог замкнул кольцо?
Не на китах – на чуде мир поставлен,
Обыкновенном, как ее лицо.

В глупцах ли старясь, в мудрецах устав ли,
Растратив дар на красное словцо,
Спасаемся от славы и от травли
В ее лицо – начало всех концов.

Не уплывай! Разлук с меня довольно.
Я столько раз тонул в морях окольных
И вёсла не у тех лагун сушил.

И слышу вздох прекрасной плотогонши:
– Не уплыву. Есть расставанья горше –
Когда уходит что-то из души...

И ТОТ ЖЕ СОН...

15-й венок сонетов

(венки-магистрал)

*Я не спеша собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.*

А. Блок

*Жизнь человеческая – смешное
занятие. Говорят, что ангелы плачут.
Я думаю, что они чаще помирают со
смеху, глядя на нас.*

Р. Л. Стивенсон

*Жизнь тяжело нести; но не притворяйтесь
же такими нежными! Мы все прекрасные
вьючные ослы и ослицы... Правда, мы любим
жизнь, но не потому, что к жизни, а потому,
что к любви мы привыкли. В любви всегда есть
немного безумия. Но и в безумии всегда есть
немного разума.*

Так говорил Заратустра

-1-

Когда уходит что-то из души,
Без имени, но то, чем живы души,
Сожмись в комок, зажмурься, не дыши.
Перетерпи миг ужаса. И – слушай.

И ты услышишь: в мертвенной тиши,
Беззвучным громом разрывая уши,
Толкнулось сердце. Выжди. Не спеши.
Еще толчок. Еще. Но – глуше, глуше...

Ты выжил. Стал бескровнее и суше
Остывший пульс. Зато – как ровен он!
Иссохнет море. Пылью станет суша.
Золою – звезды судеб и имен.
А ты – живи. Не уберегший душу,
К тоске бессмертья ты приговорен.

-2-

К тоске бессмертья ты приговорен,
Мой бледный принц, убивец невозбранный.
Как датский дог, ты смотришься шарманно.
Партер игрой и гримом покорен.

Театр! Фольга клинков, картон корон,
Изящный треск трагедии карманной,
Где всё – и яд, и кровь, и смерть – обманно,
И верность жен, и бред любви, и трон...

**«Умри – воскресни», детская игра!
...Марш отфюнебрен. Воскресать пора.
Что за судьба! Опять – избыть отраву,
Встать, пряча рану, выйти на поклон...**

**Какой за сценой век? Не вспомнить, право.
Вне Времени – как внять глагол времен?**

-3-

**Вне Времени – как внять глагол времен,
Курантов гул, будильников погудку?
Как, спящим, вам узнать: металла звон
Из вас двоих – кому сыграл побудку?**

**Как угадать, на что ты осужден?
На страсть? На лживый рай? На злую шутку?
Пришло на вечность – или на´ семь дён
Зияющее чувство промежутка?**

**И как, мой Бог, когда – суметь, посметь,
Раздвинуть гири-веки – и прозреть,
Вглядеться с темною тоскою
В ее глаза, где дымом ты плывешь?
Не дай Господь – т а к о е в них прочтешь
Когда-нибудь... А что – «такое»?**

-4-

**Когда-нибудь... А что такое –
«Потом, когда-нибудь»?
Свечу хочу вздуть.
В золе – найти огонь. Во зле – понять благое.**

**Кто осветлит мне сны? Не Оле ли Лукойе?
При свете – не уснуть.
Убавить свет – чуть-чуть:
Не разбудить бы монстров Гойи.**

**Не пухом будет мне земля:
С катуловых страстей по Лесбии и Риму
Курганы книг, где мышь веков шуршит,
Вберут, листьями шевеля,
Мой призрак в бездну строк – и вдруг да явят зримо?
Когда-нибудь?.. И в горле запершит...**

-5-

**Когда-нибудь да в горле запершит,
Заклинит нёбо кляп косноязычья,
Безмыслия перхоть мозг запорошит.
Войдет бельмом под веки безразличье.**

**И запоздалый ужас оглушит:
Как скрыть сумею речи паралич я?
И с идиотским мастерством Левши
Дам трупику строфы обличье птичье:**

Алмазно оперю со всех сторон.
В анатомичке – птичке не споемся,
Но как муляж непевчий дивно оперен!

И страх уйдет. И в пальцах дрожь уймется.
Звук лёд пробьет! Но эхо – не вернется
На стук в окно. Не воронов – ворон.

-6-

На стук в окно – не воронов – ворон
Свеч не затепливать, плотнее шторы:
Не грянут никакие невермору,
Гость не войдет, клюваст и воронён.

Зря запасал ты пафос, горний тон:
На рынках не о том торги. И в споры
Не ввяжутся ни дилеры, ни воры
За гордый сор, что веком уценен.

Паромщик снов, не шлягер – твой шансон.
Тому, кто въявь не лирой надлен,
А пригвожден к веслу, – смешно и дико
Плыть с накладной, что подмахнул Плутон,
В чужой Аид за мнимой Эвридикой.

За ставней – карк. И – тот же сон: Харон...

-7-

За ставней – карк. И тот же сон: Харон
Обол твой не берет и смотрит мимо.
И за твоей спиной, вертляв и хром, –
Бес-утешитель с мнимо-скорбной миной.

И в ухо – шепоток: «Пардон, паром
Не за тобой – за хмарью, дивьей, мифной.
По ней не плачь. Сплавляй за Ахерон
Полулюбовь, что так вас утомила.

Не диво тут подруге – тенью стать.
Но воплотиться ей дано опять –
Там, за рекой. Тебя ж, мой друг, другое
Ждет испытанье. Зрак протри, слепец:
Живой доставил груз в обмен гребец –
Пригреб со спутницей нагою...»

-8-

Пригреб со спутницей нагою
Он в райский край без бурь и гроз,
Где лозы с мякотью тугою
И млеко непугливых коз.

Он спасся, спутник Одиссея,
Служанку ведьмы улестив,
Оставив острову Цирцеи
Свой свиномордый коллектив.

Там – пусть из них любовь колдуньи
Творит царей или свиней,
Он, с милой – тут. О Той – не думать.
Он жив. Не думать бы о ней!

Но в темных снах – смертельно-глубоки
Ее глаза, немые омутки...

-9-

Ее глаза – немые омутки.
Счастливо-жутко миг соединения,
Когда ты камнем падаешь в зрачки,
Захлебываясь высотой паденья.

И странно-тяжким станет на мгновенье
Объятье истончившейся руки.
И робкое грудей прикосновение
Горящие оставит синяки...

И вновь тела пылающе-легки.
И в простынях ты заживо расплавлен.
Но, слитые в одно, вы – далеки.

И страшным счастьем в сотый раз раздавлен,
Ты, в корчах ликованья и тоски,
Умрешь – и будешь вновь в живых оставлен.

-10-

Умрешь – и будешь вновь в живых оставлен.
Дуэли нет конца. Века́ подряд –
Опять маши, коли усталой сталью,
И командоры в очередь стоят.

В какой же миг тебя опять пронзят?
И кто из них? Как луч клинка кристален!..
Укол! Как больно... Доньи Анны взгляд
Зевнул темно и жадно – и растаял...

Но воскрешен – в который раз! – насильно,
Ты, вечный дуэлянт, истертый символ,
Ищи свой фатум, бедный фат и шут:

Тот женский взгляд, без дна и выраженья,
В каком свое не видел отражение,
Летя в зрачки под мертвый Стикса шум...

-11-

Летя в зрачки под мертвый Стикса шум,
Я кану сквозь – и призрак растворится:
Воронки-вежды, проруби-зеницы
И пр ди нераскрытый парашют.

И грянет тьма. И этот темный шурф,
Тоннель без стен и свода, будет длиться,

Он будет длиться, Боже меднолицый,
Всё длиться, длиться... Нет, не допишу,
Хоть испиши томá я, кровь Господня! –
Всё длится, длится, длится преисподня!

Двоится память. Грежу иль грешу?
Что было с этой женщиной и мною?
И, криком вспенив прорву за спиною:
– А было ли? – у тени я спрошу.

-12-

– А было ли? – я тень твою спрошу
В году, когда, устав, сбежишь из рая
Девчонкою босой по камышу,
Жизель или Офелию играя.

И канет в травах тропка к шалашу...
Лилит и Еву вспомню, умирая.
Могилы – заровняю, запашу.
Но первой боли – не уймет вторая.

Последней строчкой горло обдирая,
Уже не верю в слов своих тщету.
У фонарей снежинки собираю.

Брожу по шаткой жердочке-мосту,
Что зыбко сводит в памяти два края,
И слышу под ногою – пустоту.

-13-

И слыша под ногою пустоту,
Брожу по дому, как ищу потерю,
Вдоль стен, где каждой глыбы вес измерен:
Я сам тесал и вел их в высоту.

И на века возвел, хвала Христу.
Так что же тянет холодом из двери?
И женщина, которой я поверил,
Отводит взгляд, отходит в темноту.

Под сумраком каменноствольных вязов
В ее горячих недрах плод завязан.
В нем – плоть моя. Моя?.. Как хрупок плот,
Что нашей вере Богом предоставлен!
И чья там тень, как я, у сходней ждет?

Шагну к плоту, петлей надежды сдавлен.

-14-

Шагну к плоту, петлей надежды сдавлен:
Она – за мной? И Бог замкнул кольцо?
Не на китах – на чуде мир поставлен,
Обыкновенном – как ее лицо.

В глупцах ли старясь, в мудрецах устав ли,

Растратив дар на красное словцо,
Спасаемся от славы и от травли
В ее лицо – начало всех концов.

Не уплывай! Разлук с меня довольно!
Я столько раз тонул в морях окольных
И вёсла не у тех лагун сушил!

...И слышу вздох прекрасной плотогонши:
– Не уплыву. Есть расставанья – горше:
Когда уходит кто-то из души...

-15-

«Ключ ключей» – А

Когда уходит кто-то из души?
...К тоске бессмертья ты приговорен:
Вне Времени. Как внять глагол времен
Когда-нибудь? И что такое –
«Когда-нибудь»?.. И в горле запершит
На стук в окно. Не воронов – ворон
За ставней карк. И – тот же сон? Харон
Пригреб со спутницей нагою?

...Ее глаза – немые омутки:
Умрешь – и будешь вновь в живых оставлен.

Летя в зрачки
Под мертвый Стикса шум,
– А было ли? – я тень ее спрошу.
И, слыша под ногою пустоту,
Шагну к плоту,
Петлей надежды сдавлен.

«Ключ ключей» – В

Когда уходит что-то из души,
К тоске бессмертья ты приговорен.
Вне Времени – как внять глагол времен?
...Когда-нибудь (а что такое –
«Когда-нибудь»?.. да в горле запершит...
Не стук в окно: не воронов – ворон
За ставней карк. И тот же сон: Харон
Пригреб со спутницей нагою.

Ее глаза – немые омутки.
Умрешь – и будешь вновь в живых оставлен,
Летя в зрачки...

Под мертвый Стикса шум:
– А было ли? – у тени я спрошу.
И слышу под ногою пустоту:
– Шагни к плоту,
Петлей надежды сдавлен...

*(Итак, А и В... Нам выбирать, каждому – по желанию и биографии.
Правда, выбор, вроде бы, и не ахти как разнится, но – все-таки:*

*где-то – уже бесповоротность, а где-то – только приглашение к финалу?
Как говорил человек-поэт-легенда Николай Глазков:
Годы отходят в сторону.
Нет остановок и пристаней.
Всё гениально устроено,
Если всмотреться пристальней...)*

ПРИЛОЖЕНИЯ

К ВЕНКУ-2

ЧЬИ, ВООБЩЕ, ЭТО РЕЧИ?

(Из писем, найденных на чердаке)

...Кто и who смешались, сплелись в этом венке-динозаврике? Конечно – Шекспир и его герои. А еще – кого тут только нет! Джон Донн и Свифт, Горький и Маяковский; тени из «Жизели» и «лебеди» Чайковского; Льюис Кэрролл и Юрий Визбор, брехтовские штурмовики Фортинбраса и герои Сервантеса и Рабле... В трио с Кипплингом и ифлийцем Павлом Коганом – Блок. Мелькнет Грин – и опять Шекспир, Шекспир, Шекспир... И – Пушкин, Пушкин...И даже Фонвизин. И совковый спортивный марш. В хрестоматийной детской страшилке-считалке нечаянно пробрезжит Гоголь. На старте венка – отзвуки из книги Мэллори о короле Артуре, на финише – силуэт из фэнтези Толкина. Где-то почти незаметно – набоковская Лолита, и рядом, сквозь Отелло, вдруг... кто? «Киса» из ресторации в «12-ти стульях»? Интересно – почему хотя бы не рогащ-Лоханкин? Потому что тот – никого не убил?.. И снова Шекспир. И снова Пушкин. И в роли Йорика – великий, рано ушедший и забытый советский мим (хотя тут еще и «сплав»: его знаменитейшего номера и классического антре его коллеги-соперника, другого гения из клоунов России XX века). И нынешний всесветный Голливуд, и эстрадная попса. Осколок старославянского летописного оборота прозвучит – на слух! – гаерским *pl* (как пишут в англо-русских словарях) имени путаны из романа Золя. А там – скорее, «атомами запаха», чем внятными аллюзиями, – миражатся Вознесенский и Высоцкий. И призрак полузабытого стихотворца, изрекшего о «добре с кулаками», что обернется почти цитатой из речей шекспировского злодея, да еще примененных к убийце-Гамлету... Крохой-искоркой – Библия, наконец.

Мешанина дикая, конечно. Магистральный стиль – вроде бы лихой современный иронико-стёб. Вроде бы...

А чьи, вообще, это речи? От лица какого, так сказать, «лирического героя»? Лиру было все же полегче сходить с ума перед открывшимся ему мировым распадом: рядом был Шут. Гамлет же встретил своего ясельного няньку – только на кладбище, как предвестие финала. А ведь никакие верные высокоученые Горацио в наших хождениях за тридцать три муки не заменят Фесте. Вот и подумалось: а если бы Йорик не стал глиной для затычек в бочке, дожил, дождался бы – и разделил с любимым принцем его нынешние дни и бессонницы? Чем развлекал бы, дразнил и утешал сегодня своего патрона-друга – он, вобравший не только опыт своего потомка-тезки из Стерна (так восхищавшего Пушкина), но и постаревший на весь XX век? Так что в первую очередь – это слова Йорика. А может, это Гамлет раздвоился на принца и шута: ведь и спутник Лира тоже альтер-эго экс-короля. И Гамлет у ямы, приготовленной для загубленной им любимой, стал на минуту как бы медиумом для йорикского духа.

Порой я и сам уже не мог различить: то ли у меня говорит Йорик, влезший в гамлетову шкуру, то ли это принц ощутил себя собственным шутом, гладиатором-коверным, на арене перед заплатившими за зр-р-релище, жаждущими стр-р-растей рядами... Не обменялись ли и впрямь мои герои ролями, и Гамлет-шут отзеркаливает Шута-гамлета, обращаясь к Йорику: «Мой принц...». А Шут вдруг забывает стёб и берет пронзительные ноты Гамлета, перевоплотившись почти по Станиславскому. И тут же оба они (или один в двух лицах) – еще как бы и сам Шекспир, уж не себя ли «в третьем лице» окликающий? Обернулся же на мгновение стратфордским бардом его дурашливый тезка, персонаж классического английского нонсенса (то, что Кэрролл пародировал неизвестного нам Роберта Саути, помнят нынче даже в самой Англии, наверное, разве что кэрроллоеды; но у нас, благодаря Маршаку, шедевр абсурда еще не всеми забыт, надеюсь)...

Вот такой лабиринтный полидиалог. И все они к тому же – тени из мира театра, и того, что – мир сцены, и того, что, как известно, – «весь мир». Актеры, хорошо знающие невеселый сюжет...

И все кривовато отзеркаливают, окликают эхом, аукают соседа или дальнего...

Один пример, наглядности для.

Финальный терцет 13-го сонета («Мозолит совесть...»). Конечно, тут векторная ассоциация – знаменитейший гамлетовский монолог, где «совесть» (она же одновременно – «мысль», раздумье, анализ последствий) объявлена главным для мыслящего homo препятствием активному вмешательству в судьбу, причиной бездействия и фатальной невоплотимости «замыслов с размахом» (в том числе – и позывов на драку со злом).

Но всю гамму кайфа-сопонимания ощутит лишь тот, кто припомнит и афоризмы одного из рядовых макиавеллей-яго, пародийных интриганов-заговорщиков из шекспировой же «Бури»: – Что совесть? Мозоль? Так я хронал бы... А еще и – Киплинга, с его миссией цивилизаторства («мощные начинанья», бремя прогрессорства в варварских джунглях «гангов») и с его же безысходным «...только пыль, пыль от шагающих сапог». А через это – вспомнит другую жутковатую утопию: идею самоотречения, абсолютной жертвенности ради великого благого переустройства мира (то, ифлийское, истовое, искреннее: «Но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще умрем в боях...»; напроорочил смертельную судьбу, себе и поколению, талантливейший «мальчик, повзрослевший до поры», – как позже горько споет о них, сверстниках, выживший в пекле и войны, и последующего битья и славы, мудрый печальник Окуджава). А корни-то тут – еще и родимо-посконные «мессианские», «скифские» – благословленные отравой стиха гениального Блока: «сквозь кровь и пыль...». Тут вообще – неохватный спектр аллюзий: от македонских бредней наших Петров и Павлов насчет «индий» – до пресловутого мытья сапог в чужих океанах (Владимир свет Вольфович наш). Весь клубок страстей и драм, когда за мифом великой идеи, замаха-гиганта – не внемлется реальность Времени; все неизбежности распада времен, обрыва мировых и родовых связей. Во все эпохи, какое б, милые, тысячелетье на дворе ни маячило, когда дети разных народов равно одержимы – хоть и каждый своей – миражной идеей-фикс, все они, все мы, такие, – равно «вне времени»: для вечного, черт бы его побрал, боя, когда и отдыха нет на войне, и покой нам только снится... А если кто еще и вспомнит, что торжественный хорал державинского «глагола времен» – не откуда-нибудь, а именно из реквиема, из стиха, написанного, как-никак, «на смерть»... Уж не говорю, что, кроме «глобальных» уровней, у нас, у любого, – свои, личные, «карманные» мозоли-совести, мечты-«Ганги», тщета замыслов...

Вот такие тут сплетения и узлы – в трех-то строчках, в десятке слов. И разве далекое от «филологии» ухо расслышит все это многоголосье? А ведь привел я лишь единичный пример, подобная гордиева неразвязываемость – едва ли не в каждой строке, по крайней мере – в каждом сонете.

Может быть, прочтя сей филологический самоанализ, решишься ты, умница, и весь веночек перечесть? Любопытно, насколько согласуется мой пафосный пост-комментарий с

реальными читательскими ощущениями, а насколько он – самоиллюзия и попытка вдогон нарядить поэффектней не очень-то одетого королька-гомункулуса...

...А Йорик в диалоге с собеседником – не обязательно только с принцем – возник не сегодня. Вот тебе, моя королева, – написанное давно. Так и называется: «Баллада Йорика».

Не верьте, миледи, могильщики врут, на плешь им вина я не лил.
Талдычат: пропойца, охальник и шут. А шут – королеву любил.
Ах, как королева прекрасна была! Хотя без румян и белил
Уже обходиться она не могла. Но шут – королеву любил.
Король был могуч, да умом не ахти: на войны растрачивал пыл.
А ложе свое – не умел он блюсти. Но шут королеву – любил.
Проезжий вагант и смазливенький пэр – кто только в альков ни входил...
А шут – в карауле стоял у портьер. И шут – королеву любил.
Миледи, что́ знают шуты и луна, никто из людей не открыл...
И только шуту доверяла она – ведь шут королеву любил.
А в замке ползла по углам темнота, и сон по утрам приходил...
Не дай вам Господь увидать сны шута, который молчал – и любил!
Родился малютка с угрюмым лицом, его на плечах я носил.
Не знаю, миледи, кто принцу – отцом, но я ее сына – любил.
Однажды, насилу смеясь и шая, я с маленьким принцем сидел.
Прошел к его матери брат короля – и вскользь на меня поглядел...
Миледи, миледи, ни слова – о том, кем кубок тот послан мне был...
И вот – я не знаю, что было потом, и кто ее дальше любил.
...А с принцем над ямой – я встреч не искал, не ждал, не гадал, не хотел.
Он долго, бледнея, смотрел на оскал – как в зеркало смотрят, смотрел.
Мертвея губами, шутил с мертвецом. А я ему молча твердил:
«Мой мальчик, не выпало быть мне – отцом, но маму твою я любил.
Мой мальчик, зачем ты во тьму заглянул! Он слаб, твой клинок, хоть остёр!»
Но тут он мой череп, скривясь, отшвырнул и тщательно руки отёр...

И вообще – очень мне симпатичны шуты и клоуны мастера Виля, веселые озорники и смешные печальники, усердные дурни и трусоватые ленивцы, языкастые язвы, гулёны-сластёны, мудрецы-философы. Всем им радуюсь: от унылого Ланса до гамлетизирующего Жака, от ничтожного Клюквы до гиганта Фальстафа, от труффальдинчика-Дромио до эрзацпромео-Эггючика, от театрала-любителя Основы до профессионала Фесте... Даже эпитафия на могиле барда папахивает для меня речами его же шутов. Из попытки перевода вышло вот что:

Молю спасением души:
Друг, мой скелет не вороши.
Кто этот гроб щадил, – блажен,
И проклят, – кто тревожил тлен.

Боги мои, но сколько же таких проклятых ходило и ходит по земле! Нет покоя гениям, – мы не можем не тревожить их кости. А в 14-м венке, в одном из сонетов, даже рискнул я вывести на сцену и самого мастера Виля – вернее, его тень-фэнтези... Прочтешь ужю.

С каким наслаждением и грустинкой перекладывал я песенку его могильщика, стоика-кинника.

И я бывал в любви удал
От самых юных лет,
И день за вечность я считал,
Когда подружки нет.

Но старость, лютая карга,
Подкралась – и хватъ!
И отвезла на берега,

Где милку не обнять.

А что потом? Лопата, лом,
Да саван для костей.
Могила – твой последний дом,
Земля – тебе постель.

А «12-я ночь»? Сверкает, шампанится молодая норовистая комедия исполнения всех желаний. И какой чудный хэппи-энд! Но вот – откланялись актеры, и на сцене – один шут, для последних, как бы мы теперь сказали, – «на бис», на овацию – куплетов.

И что же он вдруг поет-то, под занавес? В благодарность госпоже-публике, блеском волшебной пьесы очарованной?

Нечто – казалось бы, немыслимое тут, неожиданное! От чего не отказались бы и Беранже, и Юлий Ким с Игорем Иртеньевым, и Шут из «Лира», и Скоморох из «Рублева» Тарковского или Ульян Копьетряс из «Сказок времени» Павла Антокольского.

Когда я был от горшка два вершка
(А потом – ветер-дождь, хей-хоп!),
Я до дури любил играть в дурака
(А кругом – всё потоп, потоп!).

Стать черед дураку детиной в соку
(А потом – ветер-дождь, хей-хоп!),
Да валет, хоть и плут, а в тузы не возьмут
(А кругом – всё потоп, потоп!).

Взять черед дураку козырну́ жену
(А потом – ветер-дождь, хей-хоп!),
Да марьяжных дам крыть не нам, вальтам
(А кругом – всё потоп, потоп!).

Пить черед дураку, зад в постелях греть
(А потом – ветер-дождь, хей-хоп!),
Не с подружкой дурить, так над кружкой дуреть
(А кругом – всё потоп, потоп!).

Древен мира исток: всякий знай свой шесток, –
А кругом ветер-дождь, хей-хоп!
Сыгран кон, господа! Да для вас мы всегда –
Хоть в пляс! А потом – потоп!..

Вот тебе и «что вам угодно», вот тебе и комедия жизнелюбия и оптимизма! Ведь в песенке, как в кривом зеркальце комнаты смеха, – и сонеты Вильяма, те, с земной плотской любовью и горючей болью, с чувством униженности актера-поэта, ломающего шута перед привередливой публикой и капризными покровителями. Те из сонетов, те из речей героев его пьес, где ерничаньем и сарказмами отвечал он веку на кнуты и издевки того, – и сам ощущал эфемерность этой самозащиты. Его прозрения низа человеческой природы и духа. Его усмешка провидца, знающего, что времена потопов и вселенской грязи не выбирают, – как и они не выбирают тебя, просто это всегда – твои времена.

Конечно, этот переклад – мой, то есть к собственно Шекспиру примешалось *прочтение*, а тут – уж кто как читает и что вычитывает. В «русских Шекспирах», в наших изданиях, очень не повезло этой песенке. Разве что Давид Самойлов, свой пересказ творя по заказу, для спектакля «Современника», с Нееловой и Богатыревым (одной из двух лучших пока у нас «12-х ночей», по ощущению моему: вторая – давний спектакль Лазаря Шапиро в Нижегородском – еще Горьковском – ТЮЗе; «Современник» же успел и новую «12-ю ночь» сделать, лихую, остроумную, едва ли не по «Глобусу», – но не *моё*...) приблизился тут к чему-то... Так ведь – поэт. Поэтам, поэтам переводить надо Барда, не знатокам-текстологам!

И еще о песенке Фесте. Тоже для меня – неожиданное. Была у нашей знаменитой бардессы шестидесятых-семидесятых годов минувшего века прелестная (и известная) песенка: «Любви моей ты боялся зря...». Суди сама, каково было мое изумление, когда обнаружилось, что на этот ритм, мелодийку Новеллы Матвеевой – точнехонько ложится песенка шута из шекспировской комедии! И даже – что вообще поразительно! – матвеевское «туман, и ветер, и дождь»: да ведь это и ритмом, и словесно – почти «калька» шекспировского рефрена: «With hey, ho, the wind end the rain» (буквально: «С хэй, хоу, – то есть «с приплясом и гиканьем», – ветер и дождь»).

Нет, конечно, не думаю, что трогательный и печальный лепет Новеллы родился после ее знакомства со стёбно-отчаянной эскападой иноземного гаера. Полагаю, в англоязычного Вильяма она и заглядывать не чаяла, да и вообще ни о каких шекспирах не вспоминала, выпевая свой шансон о безответной любви. Но всякий раз, когда набредаю ненароком на подобное невозможное пересечение (это – не единственное, случавшееся со мной) чуждых друг другу параллелей, – сладко холодит волосы неисповедимая шутка какой-то вышней силы (боги ли сказок играют, великий ли Логос). И сокращаются большие расстоянья, сопрягаются на миг немыслимо дальние и одновременные движения дум, вдохновений и пишущих перьев творящей человеческой братии, избранных ли, малых ли слуг Слова, но равно послушных инструментов в тех незримых руках...

...Но чем же кончает он, постаревший лебедь Эйвона, свой парад шутов, хитрецов-мудрецов-раблезианцев, грустцов, неунывак, дураков и пророков? В последних-то своих странных сказках, признанных ныне вершинами его мудрости, в трудах и свершениях обретенной? Господи мой Боже! Пьянью и мразью Тринкуло и человекообразным Стефано, из «Бури», чудовищными пародиями на Панурга и своих же прежних гаеров, кто теперь – ни много, ни мало! – народные трибуны, вожди-идеологи раба-революционера, жуткого и презренного Калибана! Как убийственно аукнулось великанье «Тринк!» славного Рабле! Опять же – что, как не шутка – злая уже! – богов: такое «ауканье»? Ведь и подтверждений нет, что Шекспир вообще читывал великого француза, хоть и родился сам одиннадцать лет спустя по смерти того, и англоперевод «Пантагрюэля» до «Бури» уже всюду ходил...

Не знаю, насколько и как отразился в моих кривозеркальных осколках наш безумный-безумный-безумный мир – или хотя бы автор посреди (а то – на обочине) его. Что-то, наверное, отразилось... Хотя вовсе не о «мире» и «веке» думалось, когда всё это кроилось, брызгало и клеилось.

Потому что и этот венок, как и вся нелепая книжка, все-таки – О ЛЮБВИ. О грустной прощальной ее улыбке. Или усмешке. Ухмылке. Отдельно взятой. Моей. Не похоже? «Ну и улыбочка...» – из какой-то переводной пьесы тех же 60-х, «моих», годов (польское что-то. Лец? Мрожек? Нет, – Хоиньский, «Ночная повесть», трагическая, между прочим, и совсем не устаревшая, по-моему, вещь). Что ж. Как могу – так и улыбаюсь. И таких «улыбок» – их еще есть у меня, может быть. Иных – уже не держим. Разучился. А то и всегда – не умел.

Увы, друг мой, я понимаю: левкая сердце просит. И повапленный чертополох, даже в икебанах, нежных цветов не заменит. Но – что же мне делать, что делать, что тут поделать! О таких, как я, сказано еще возлюбленным моим Пушкиным: «Ученый малый, но педант». Ну, насчет учености ясно: как все, как все, как все, – чему-нибудь и как-нибудь. А в наш оловянный век и этим блеснуть немудрено. Педанта же – ко мне применительно – точно объяснил Набоков (и сам бывал таким!) в своем «онегинском» комментарии, цитатой из послешекспировского англичанина-классика: «Человек, воспитанный среди книг, и ни о чем другом, кроме оных, не могущий разговаривать»... Разве что «педант с оговоркой»: сентиментально-инфантильный до седины, умеющий себя тешить – слезами обливаться над вымыслом.

Вот в очередном венке – будет еще занудней: сплошная Библия... Специфическим взглядом не умеющего любить «по-человечески»...

К ВЕНКУ-4

НЕ ТО, ЧТО ЛЮБИМЫЕ ЖДУТ...

(Из писем, унесенных вороном)

...Любимая, сызнава – здравствуй! Ты в поезд садишься с сынишкой. А может, и едешь, не знаю. А вдруг – уж вернулась? Возможно.

Мне грустно, родная. Но как-то ничуть не тревожно. Ах, пастырь мой вышний, тиха твоя малая паства. И думать легко мне, что скоро – ты будешь недалей. В другом измерении, но все-таки будто бы – рядом. Не стану нахальней, а буду скромней и смиренней: так, добрый знакомый. И с почтой – вернется порядок.

Конечно, наверно: заталкивать рифмы в посланье – по-детски манерно, и вычурно, и старомодно. Пожалуйста, верь мне: не вычудить было желанье, не ради кокетства, а – просто легло и свободно. Вот так уж ложиться сегодня словам – полускладно и ровно. Желанная, знаю: неловко читать тебе это. Не сетуй, мой ангел: чиста ты, ни в чем не виновна. А если и ходишь босою по снам, так ведь в снах моих – лето...

Не знаю, быть может, ты просто придумана мною. Тоской, одиночеством, с кем-то разрывом недавним... А только мечтать о тебе – не сочту я виною, грехом не сочту – тихо трогать закрытые ставни... Опять – близко-близко... Вот глаз твоих карие гвозди. И твердые скулы. И острые губы и ноздри. И на подбородке, чуть лисьем, – ложбинка упрямства. И вот – ты уснула. И я – не приснюсь, окаянство!

Не в радость глядеться мне в зеркало. В гладкой той зыби – немое старанье убогого автопортрета. Что может хотеться стареющей этакой рыбе? А хочется – малого... Многого? Ну, да и хватит – про это...

Прости эти строки. Ведь сам обещал я как будто: на целые письма не тратить в зряшных признаньях. Но – выпали сроки. А там я – когда еще буду от слов не зависим, свободен на рифмы в посланьях...

Так дни эти были мне странны, а ты, как нарочно, – не близко... И вот – *что-то* сделалось, сталось: и мука, и мóрок, и сладость, и строчки – как капли из раны, и знобкая оторопь риска... Короче – *своё* шевельнулось, *твоеё*, – понимаешь? Толкнулись – *стихи* в одинокую эту неделю. Чтоб ЭТО очнулось – боялся желать я, ты знаешь, страшился начать я, дурел в ожиданьи зачатья – и, глядь, нагадал в самом деле...

Как трудно стихи возвращаются, Боже, как трудно! Как зыбок тот углик в засыпанном пылью колодце... Выходит же – вовсе не то, что, видать, тебе брезжилось, друг мой, когда ты делилась: «А вдруг да – созвучно споется?..» Но так уж – прости бедняка, – и выходит всегда почему-то: не то, что любимая ждет, и чем сам полугрезил, пока не легла на бумагу строка смутным слепком минуты – той, первой из сот, – и глаза не набрякли до рези...

Так что ж возникает? Ах, друг мой, – конечно, конечно: сонеты, сонеты... Гипнозу той старой сурдинки – я, видно, подвластен надолго, а может – навечно. Быть может, родится венок. Четвертый. Читала – один ты.

Как пишут венки? Тут, известно, канон одинаков: пятнадцатый – сразу, а после, строка за строкою, – его распинают в четырнадцать прочих. Однако! Покамест – ни разу, ни разу не смог я исполнить – такое. Не мог почему-то начать я – с конца. Очевидно – так выпало лишь одному из кропателей этих туманов... И думать о том, как другие их пишут, – завидно. Наверное, всё потому, что по крови я – из графоманов... Я сам себя сделал – умельцем завязывать строчки. И годы на это ушли, незаметно и зряшно. И после, когда – в третьем классе – читала мне дочка щенячьи стишата свои, – становилось мне страшно. Хотелось сказать ей: «Не надо, малыш мой, не трогай! Чем хочешь, болей, но – не этим, но только – не

этим». Господь ли услышал, судьба отошла ли с порога, – но больше не пишет... Не детям – тот искус, не детям!

Отвлекся. Вернемся к моим нарушениям законов.

Итак, танцевать от конца – не умею, хоть было бы проще... Вот – пишется первый: то долго и нервно, то – сразу, спокойно. А дальше – звено за звеном – наобум и наощупь. И лишь на втором, да и то под конец, к завершенью, – его кое-как примеряешь по первой строке, а в последней – предчувствуешь третью. А с третьим сонетом – неясно еще совершенно. И бьет авторучку в руке, и кидаешься ты к сигарете...

Представь: если б каторжник сам бы, вслепую, ковал себе цепи: из лома подручного, из разнопородных металлов... И так до конца и не знаешь, отлил ли ты пулю, идешь ли ты к цели, в трех соснах тебя ль замотало...

Вот так у меня и выходит: рождаются – в муках – венки и «пятнадцатый»: вместе, по углям кострища... Но истина – разве не ходит в потемках она? Потому как: искать на заранее выбранном месте – не лгать ли, что ищешь? Нет, пусть я не знаю, что скажется, как изречется, пусть будет – как будет, иначе – чего бы ты стоил? А если финал как-то свяжется, – может, зачтется, что ты – не хитрил, рукомёслом не хвастал, а – строил...

И вот еще что: до сих пор не случалось мне лично в таких синусоидах ритмы качать и курочить... В венках же такие качели – вообще непривычно, почти неприлично, и просто не помню – у прочих... Опять заступаю порог заповеданных кодексов, Боже... И главное: что же – потом? Как же всё это свяжется, люди?! Какой же тут зачат зверек, ни на что не похожий? Дружок, ничего я не знаю еще... Пусть уж будет – как будет.

Порою – шальное приходит: а может – всё просто? И был-то я – попросту гений, который всю жизнь пробоялся? Всё бегал и трусил, что сам я себе не по росту? О, как утешительно плакать, что – не состоялся! За дар отвечать и нести его груз – это тяжело. Уютней – лениться, кивая на жизнь и на ближних. Утешней – втихую гордиться: был все же талантлив бедняжка. А вслух – и себя, и других убаюкивать: лишний... И льнул я к кому-то, любовью ли кланчил, хвалений ли чаял: не из-за того ли, что – проще, спасительней, легче, когда за себя – уже вроде не мы отвечаем, а – нашим любимым свой дар взгромоздили на плечи...

Не знаю, быть может... Но тут – ничего не поделать. Так было и будет со мной. Переделаться – поздно. И грустно до дрожи. И жутко – над листиком белым, когда за спиной – ни любимой, ни музы... Лишь – воздух. Пустой и прозрачный... А – «гений»... Ишь, как он, однако, себя, не смутясь, величает! И все же – не надо прищуря. Вот – мысль Пастернака. Она однозначна и хмура: о том, что понятие это, по сути своей, означает.

Что гений? Он только – сгущенье ОБЫЧНОГО. Скромно в нем КАЧЕСТВО духа –обычно оно, рядовое. И только КОЛИЧЕСТВОМ качество это – огромно. И всё. А по разуму, зрению и слуху – он среднеоружен, как всё в этом мире живое.

«Творец» и «художник» – вот в них всё и пряно, и броско. Ни позы, ни слова, ни жеста – спроста, неумело. Вот ими – легко восхищаться, дивиться им – просто. А гений, как все мы (тут Пушкина вспомни), бывает и мерзок, и мелок. А значит – не так интересен. Привычен. А то – не замечен. Но где-то, в сверхвремени призме, – вот он-то и внятен, и вечен, и нужен, и призван, и признан. Поскольку он – мы. А без нас – мир художества преснен...

Примерно вот так – не в стихах, а в минуты раздумий, – Б. Л. говорил, если верить иным мемуарам. А что же не верить-то? Так за него – не придумать. Похоже на правду. Недаром сказалось, недаром... Но, в сущности, вот почему мысли вспомнились эти: поэт их закончил, мне кажется, очень печально. Он вот что в итоге сказал: не бывает на свете обычных людей (не «творцов»), кто б не гением был – ИЗНАЧАЛЬНО. Вот слово-ловушка. В нем спрятаны выси и бездны, и минное поле, и ровная плоскость болота... В НАЧАЛЕ – мы гении. Дальше – лишь Богу известно: достоин подобья ли ты, по какому сработан...

А может, мой друг, еще проще, еще примитивней? Не тень на плетень ли, не грим ли высокого «штиля»? А хочется – просто стихов, чтоб – и в радость, и чтобы – платили? А если б еще и любили, живого – любили... Признаться, устал я, родная, прости мне.

Р. S. Вот – доштопал я венчик венка. Высылаю все разом – четыре. Столько вышло – за столько-то лет... Чем продолжится... кто бы ответил!

Еще ночью хотел законвертировать – да нет (все углы обыскал!) ни конверта в квартире. Надо ж, кончились! Быстро-то как... А когда, – не заметил. Ах, досада, на сутки поздней опущу это в ящик. Ты теперь меня первой уже не оклкнешь сама, значит, дольше и мне ждать привета. Так хотел бы я, мой огонечек, писать тебе чаще! Но даются стихи нам, на радость, на горе ли, – не от ума. Ну, да ладно, не стоит, не надо, не будем – про это...

Писем этаких – монстров – ты, думаю, не получала. Видно, трудно читать? Утомляет – бежать за строкою? Извини: ведь и мне-то их в рифму писать – до сих пор не случалось. Да и вряд ли когда напишу я второе – такое...

К ВЕНКУ-5

МНОГОУЧЕННЫЕ КОММЕНТАРИИ

в трех частях

Часть I. ЭТА МИНИ-ВЫСТАВКА

(Из записей, сохраненных на чердаке)

Первые семь сонетов – давние «аномальные» классические формы: **1)** хвостатый (лишний терцет); **2)** с кодой (15-я строка); **3)** двойной (после каждой нечетной строки катрена и четной терцета – вставляется еще одна, укороченная, т. е. всего – 26 строк, но у меня сонет еще и с кодой, а она, располовиненная, дает еще две строки – как раз на два сонета. Именно на два: надо ухитриться сделать так, чтобы «длинные» строки составили свой, отдельный, достаточно связный сонет, а «короткие» – свой! И чтоб пунктуацию соблюсти «нормальную» – и на уровне каждого сонета отдельно, и в общем «большом»! Версификационная задача совсем не из простых! Так что, по сути, этот «двойной» сонет – «тройной», сродни тому, что под № 12); **4)** безголовый (один катрен вместо двух), **5)** половинный (катрен-терцет); **6)** укороченный (с одним терцетом); **7)** опрокинутый (катрены и терцеты поменялись местами).

С 8-го – начинаются дополнительные усложнения: разного рода «аномальные» сонеты «сращены» с другими стихоформами и жанрами (и даже родом) поэзии.

8) Там каждое семистишие – отдельный законченный стих из двух трехстиший-терцин. Правило такого стиха: он должен заканчиваться строкой в рифму со средней строкой последней терцины (к примеру, как здесь – в каждом стихе-семистишии: *ababcbs*). Так что четыре последние строки каждого семистишия – готовый катрен, а первые терцины – терцеты. В итоге всё вместе – еще и классический вид «перекрещенного» сонета: терцет-катрен-терцет-катрен.

Может показаться, что от сонета вообще мало что осталось: рифмовка катренов вроде бы не совпадает. Но присмотритесь внимательно к первым и последним словам в строчках катренов, и вы убедитесь, что рифмовка «всего лишь» (!) прихотливо перетасовалась от начал к концам строк и наоборот (дополнительный прием «переперекрещивания»): «двух – дух – в пух – сух», «вон – он – подгон – сторон». И, кстати, такую же перетасовку слов-рифм-созвучий несут и терцеты (цитаты не привожу, разглядите сами); всё это входит в единую систему подхватов, анафор, внутренних рифм, аллитераций, связующую стих в одно целое. Но сквозную изощренность конструкции удалось все же «растворить» в фактуре стиха, в глаза не бьет...

9) Это и один из видов перекрещенных сонетов (катрен – два терцета – катрен), и «симбиоз»: **а)** с классической русской одой (ЛИРИЧЕСКИЙ «высокошительный» – тут еще и

«обирониченный» – жанр; а по структуре – особая десятистрочная форма: *abab ccd eed*, см. от начала) и **б)** с апологом – старинный ЭПИЧЕСКИЙ жанр нравоучений, типа мини-басни или мини-притчи, здесь – последний катрен. Мало того – сонет «хромой»: еще один вид «классики» сонетной аномальности – последние строки катренов длиннее или короче катренового метра (тут представлены оба типа). Вот такой поликентаврик. А в целом – все же сонет, попробуйте отрицать!

10) Скрещивать (еще и в сонете!) древне-японскую и старо-итальянскую строгие классические формы – предприятие, наверное, вопиющее. Волна и камень, конь и трепетная лань. Да надо ведь постараться отразить не только содержательно-жанровые признаки хокку, но и внешнюю структуру – там, в безрифменном и неритмизованном трехстрочии, слогов по строчкам должно быть: 5-7-5. Все же – рискнул.

17 слогов одного хокку не превратишь ни в какую сонетную строку. А вот – пару... Пары хокку, начальные и конечные, объединяются в терцеты (ямб, правда, получается чуть разностопный).

А сицилиана – старая добрая (и не очень-то сложная) классика: восьмистишие на две рифмы, *abababab*, т. е. два катрена. И из 20-ти строк странного суставчатого существа получается «обыкновенный» еще один вид перекрещенного сонета: терцет – два катрена – терцет.

11) Имеется в виду «малая секстина» («большая» – не для сонета): шестистишие на три рифмы. Вот она: ПЕРВЫЕ ШЕСТЬ строк первого семистишия, дана популярная схема рифмовки такой секстины, *abb acc*. А переверни именно эту схему – и вот она, «ронсарова строфа» (Ронсар ее любил): *cca bba* (или как у нас в системе сонета: *bba cca*) – ПОСЛЕДНИЕ ШЕСТЬ строк того же семистишия! Метры и стопность секстин могут быть различными, здесь – шестистопный ямб.

А вот ПОСЛЕДНИЕ ВОСЕМЬ строк сонета – уже рондо, первая, попроще, из его четырех разновидностей: восьмистишие на две рифмы. Там требуются повторы строк: в конце – повторены две первые строки, а первая – еще и на четвертой позиции. Структура – как у триолета, но разнятся ритмы (триолет – чаще всего 4-стопный ямб), да и схемы рифмовки варианты, в данном случае: [*ab*]*aqbb[ab]* (подчеркивания и скобки – знаки повторов строк; а в триолете чаще: [*ab*]*baba[ab]*, реже [*ab*]*baab[ab]* или даже [*ab*]*aaab[ab]*). Общий итог – еще один перекрещенный сонет: катрен-терцет-катрен-терцет.

Другие виды рондо, в 13 и в 15 строк, каждый – со своими особенностями повторов, скрещивать с сонетом не стал. Хотя можно бы, но тогда, во-первых, сонет превратится в сплошной, а примеры в венке уже есть; во-вторых, в этом «сплошняке» признаки и секстин, и «ронсаров», и чего другого просто растворятся. Т. е. рондо-2 и рондо-3 «сплавлять» с сонетом можно, но на «отдельной площадке», не путая еще с чем-то, сонет все же не «всеяден». Рондо-4, «совершенное», – там 25 строк, слишком много для одного сонета, и не хватает для двух... А мне в венке уже и так катастрофически не хватало сонетов, ведь остаются еще «аномальности», опробованные другими, на которые чешутся руки...

У наших поэтов-сонетистов, тех, кто занимался экспериментом, не знаю примеров «сращения» сонета с рондо, секстиной, «ронсаром», а тем более с апологом или хокку и терциной. Да и отнюдь не все из приведенных четырех типов перекрещенных, по-моему, применялись на практике... Хотя сегодня строители сонетов уже опробует «симбиозы» с другими «твердыми» жанрами старой поэзии, чему найдутся примеры в Сети.

12) и 13) Супертяжи, весовой олимп сонетного ринга.

12-й – «тройной». Все строки сонета делятся на две части (две малые строки), и из этих «половинок» строятся еще два самостоятельных сонета, «внутри» родителя. Желательно, чтоб «детки» ему, «родителю», или друг другу по своим векторам мысли были противоположны (хотя бы «спорящи»), по примеру знаменитого стиха-«матрешки» (не сонета, впрочем) Агриппы д'Обиньи, французского классика из «Плеяды». Хотя и у нас так писал (именно сонеты! В XVII в.!) забытый и поразительный мастер А. Ржевский.

Есть и знаменитый русский пример: тройной сонет Валерия Брюсова. У мэтра коромыслище «половинок» поравновесней (так у него-то 6-стопный ямб, а у меня – 5-стопный). Зато разномыслие «деток», а ля Агриппа и Ржевский, у В. Я. не так уж и ощутимо. И есть другая беда, которой я постарался избежать. Дело в том, что в таких сверхконструкциях резко возрастает роль синтаксиса (и пунктуации!): надо и малые сонеты – каждый в отдельности! – «нормально» грамотно формовать, и чтоб тот же принцип соблюдался, в конечном счете, и на уровне «большого сонета». Так вот Брюсов тут не справился: сонет его чересчур похож на ребус, пунктуацию пришлось придумывать «специально», и получилось вычурно, почти запредельно; сонет все-таки спотыкается, трещит по швам, распадается уже на «кубики»... Таково, во всяком случае, мое впечатление. Считаю, что мне формовку синтаксисов на всех трех уровнях, при некоторой, конечно, сложности, требующей от читателя и внимания, и минимального умственного напряжения, – все же удалось сделать в пределах «нормативности», даже, по сути, «школьной».

А у сонета еще одна особенность – он «сплошной», т. е. всего на двух рифмах (да еще и «насквозь»: «сплошные»-то – все три сонета).

13) А этот – вообще четверной! Кстати, таких примеров в русской «сонетиане» не знаю, не встречал ни в одной антологии, ни в какой-либо работе сонетоведов. Где-то – у французов, кажется, или на английском? А! Это у Р. Кено! – есть сверхсонеты, вмещающие безумное множество вариантов, вроде кубика Рубика; у нас – не слышал о подобном.

Здесь в «родительском» сонете – три «дочерних» крохотули. С формовкой же синтаксиса, с пунктуацией дело оказалось весьма посложнее, и результат вышел не прост, требуется некоторое интеллектуальное усилие, чтоб разобраться в «анаклуфных» и «эллипсных» строчках; но все же и здесь, считаю, всё осталось в пределах грамотной нормы. Единственно на что пришлось пойти, в отличие от № 12, это – заглавные буквы в начале строк всех малых сонетиков, для удобства их восприятия именно как стихов самостоятельных.

14) Подобный пример – тоже у нас, вроде, единственный – дал другой «серебряный» мэтр, Федор Сологуб. Не мог я пройти мимо – и повторил структуру (кстати, мэтру было, думается, попроще: и «венки» не висел дамокловы, и вообще у него там – импрессио-пейзажная восторженная лирика).

Итак, тут внутри сонета еще две формы. Триолет (восьмистишие на две рифмы, с жесткой схемой строчных повторов, похоже на малое рондо) – первые восемь строк сонета, по схеме *[ab]baba[ab]* (у Сологуба – вариант схемы: *[ab]baab[ab]*). А последние восемь сонетных строк – классическая октава, итальянка родом: *abababcc*.

15) «Ключ». Николай Ушаков, лет за полусотню назад, первым у нас записал сонет «в строчку», как бы «прозой», т. е. – псевдо-верлибром; вместо строф – абзацы. В антологии «Сонет серебряного века» ушаковский сонет назван «суперноваторским». Видимо, составителя (О. Федотов) увлекло то, что поэт тогда своим стихом описал именно признаки верлибра. А так – ничего ни «супер», ни вообще «новаторского» я тут не вижу, кроме самого факта такой записи именно сонета; так записывали стихи и до Ушакова, и в его время, и после него многие поэты. Так что сонет его – как и этот мой – вполне обычен. В 15-м венке-магистрале сонет этот записан уже традиционно.

А в общем итоге – в этом венке, вместо стандартных 210 строк, их 290 (или 296 – записывая 15-й канонической графикой). Приведено, в общей сложности, 26 видов различных сонетных «аномальностей» (Ушакова не считаю), в том числе – и опробованные автором без опоры на экспериментаторов-предшественников, может быть – вообще в русской «парасонетной» версификации впервые. Всего же в 15 сонетах венка «содержится» – 22 сонета.

Конечно, совсем отдельный вопрос – насколько каждый из всех этих «монстриков» может иметь самостоятельный смысл, значимость и стиховые достоинства – вне смыслового контекста всего венка...

Да, лабораторщина, тигли-колбы, демонстрационные забавки, но все же, все же, все же... Думается, для версификационного тренажа – да и для тренажа мысли в требуемой форме – история поэзии и поэтики край непочатый. Не зря Гумилев schoлил своих неофитов на секретах старой классики форм и жанров.

Многие «твердые» формы, жанры и виды старой поэзии можно бы скрестить с сонетом, и вышло б не хуже, чем эта мини-«выставка». Средневековая, ренессансная, да и иные стиховые культуры: Восток, Юго-Восток, Кавказ... Септимы и децимы, элегии и пастореллы, эклоги, страмботто, стансы и испанская копла, нозли, рондели, серены, лэссы и глоссы, вирэлы, бурлески, анациклики, «чосерова строфа» и «спенсерова», «надписи», газели, шаири, маджамы, русский романс и советская баллада... А фацеции, фрашки, шванки, а «шевченковский стих»! Все это, убежден, скрестимо с сонетом, уверен – мог бы и доказать...

Но тут – нет ни места, ни смысла. Как не попали в венок и иные «динозаврики» – скажем, фигурный сонет или, хотя бы как курьез, монорим (стих на одну рифму; впрочем, вышла бы та же лэсса...). Или – стих-«палица» (ропалический). Или сонет-пентет (в сущности, на двух триолетах), «закатный» сонет, «восходный» и т. д., и т. п. – несть числа.

Вспору затевать специальный макроцикл, а то и книгу сонетных «симбиозов». Но не стоит. Это было бы ко времени – в каком-то другом веке. В том же «серебряном». А может, в одном из неведомых грядущих. «Медном»? «Чугунном»? А вдруг да – «алмазном»?

Пока же – необъятное не обнимешь, а книге-«гирлянде» хватит и этого венка. Прочее – оставим другим любознательным дерзцам-энтузиастам (а такие, судя по некоторым сайтам и блогам в Сети, ныне уже есть). Сегодня – нетоварный продукт, не для рынка. Литлавки древностей ныне абсолютно убыточны, читательский спрос нулевой, если не с минусом. По крайней мере, в этом уверены те, кто этот рынок формирует и заполняет. Иные из продвинутых литменеджеров, издателей, спецов еще и напомним: Европа-то просвещенная и заокеанский рай, до которых нам, говорят, тянуться еще и в смысле образования, давным-давно безо всяких там рифм и «метров» пишут – и считают стихами. Хотя там и наисовременной пиитикой не прокормиться – как и у нас теперь. А уж отсталой традиционной...

По всему по этому «гирлянда» моя и «корона корон» в ней – еще и вызов, перчатка нашему времени и нынешнему читателю – отнюдь не дураку, но не помнящему (не желающему помнить), в массе своей, прежнего культурного родства. И – мой личный благодарственный поклон веку «серебряных» мастеров. А, пожалуй, и последний, запоздалый, через столетие, этого века – малосильный уже – всплеск... И – венок тому блистательному поэтомиру, уже, так сказать, в буквально-надгробном смысле. Иногда кажется мне, что родился я – лет на шестьдесят позже, чем следовало бы...

Часть II. КРАСИВО НЫТЬ НЕ ЗАПРЕТИШЬ (Из писем, найденных на чердаке)

...А теперь пофантазируем, милый друг мой.

Представим некий **сонет-А** (восьмистопный ямб: не канонично, зато удобно), где все строки делятся на ЧЕТЫРЕ части, т. е. **А = abcd**. То есть – ПЯТЕРНОЙ сонет!

Представим теперь, что этих «деток» можно перетасовать и перекомпоновать – слева направо, справа налево и вперемежку. Вот такой реестр комбинаций (кроме начальной): **abdc, acbd, acdb, adbc, adcb, bacd, badc, bcad, bcda, bdac, bdca, cabd, cadb, cbad, cbda, cdab, cdba, dabc, dacb, dbac, dbca, dcab, dcba**. Сколько вариантов сонета набежал, вместе с начальной схемой плюс четверо малышей? Правильно – 28.

А если малые четвертушки – тоже можно между собой сопрягать, в любом порядке, попарно? Значит, плюс еще: **ab, ac, ad, ba, bc, bd, ca, cb, cd, da, db, dc**. Теперь у нас – уже 40 сонетов!

Но в нашей фантазийной конструкции можно объединять начальные рядки-малышки еще и в связки по три! То есть добавляются: **abc, acb, acd, abd, adb, adc, bac, bad, bca, bda, bcd, bdc, cab, cba, cad, cda, cbd, cdb, dab, dac, dba, dca, dbc, dcb**. Новых 24 сонета! Итого у

нас теперь – в одном «родительском»! – спрятано еще 63 отпрыска. 64-местный экипаж! Конечно, чтобы он, такой, мог получиться, начальный «текст» надо бы давать «модернистски» – без знаков препинания. Но, конечно, с достаточно ощутимыми пунктирами возможных смысловых и грамматических связей между «кирпичиками»...

Если же допустить, что возможны перетасовки и более мелких «блоков» – строф, полустроф и даже строк – по горизонталям, вертикалям и диагоналям? Сколько ж тогда вариантов может оказаться? Ведь комбинировать-то придется не из четырех элементов, а из... Да только строк в 64-х сонетах – 896! А еще – 128 катренов, столько же терцетов, полукатренов – 256! А ведь можно еще и катрены, и их половинки, и терцеты тасовать сразу парами. И терцеты делить на разные составляющие – и тасовать уже их... А если сообразить, что в каждом из бесчисленных вариантов, «внутри» их – возможны, видимо, просто-напросто РАЗНЫЕ разбивки и связки фраз, варианты синтаксисов и пунктуаций, превращающие один и тот же «порядок набора» в РАЗНЫЕ (в том числе, возможно, и по смыслу) тексты: мало ли что может придти в голову любому из «экспериментаторов»...

Нет, я не математик, не знаю «формул» и «алгоритмов», даже приблизительно как-то определить возможное итоговое число никогда не возьмусь.

Это ж – что за чудище такое явит тогда наш гипотетический сонет-А, батюшки!

Правда, в утешение (или наоборот – ковшичком холодной воды) стоит добавить, что где-то, наверное, были бы сбои, во всем «космосе» возможностей где-то рано или поздно не удастся выдержать осмысленную и грамматически «нормальную» структуру, где уже никакая пунктуация не поможет... Но и рассчитать, заранее вычислить и исключить возможные «тупики» из общего числа (если оно определимо, хм...) – тоже, думаю, невозможно.

Пожалуй, ставить себе и пытаться решить-воплотить такую «пятерную» (плюс дурная бесконечность) головоломку-складушку – чревато для экспериментатора. Вплоть до «сдвигов по фазе» – у самого. В. Шкловский когда-то предупреждал тут об опасности даже плетельщиков «венков» обычных.

Но это нечто, невелико-огромно, безобразно, стозевно и лайяй, оно – ВОТ ОНО. В виде букв и слов. Раскорячилось на листе – пялится на шизофреника-автора. Ехидно подмигивает – в 64 глаза.

Да, такой автор-псих – перед Вами.

Сочинилось-таки что-то – в порядке не то плакательного стёба, не то лирико-страдательного графоманства, – но что выше исчисленную схему такого пятерика-«матрешки» вполне собой являет. Боюсь признаться, но эта полу-ахиня – **кажется, адресована Вам**. Ужасайтесь или хихикайте, – но ОНО отныне существует в природе. Факт, как ни крути, сонетной версификации. И скрыть, утаить его – уже не позволит, увы, авторское тщеславие.

Итак:

А			
(-----)			
а	б	с	д
Вкось по кривой	весь бег нелеп	для дурака	вся страсть нелепа
Крив жизни круг	врозь и вразброс	как во хмелю	топчу к Вам след
Из губ и рук	не сладить скреп	вяжу петлю	вприщур, но слепо
Вниз головой	кончать бы кросс	да с потолка	на мутный свет
С иной от сук	мне плоть, что склеп	висит тоска	сквозь дым сует
От мук с другой	коплю невроз	перо туплю	с шальной – в шале бы
Пока живой	с живою мне б	к Вам ход сверлю	Вы есть иль нет
В мир без доук	в сад чудных грёз	на облака	мне б с Вами в небо
Хоть на часок	эдем земной	без гроз и слез	не жизнь, а рай
Нектар из фиг	меню богов	вкусить кокос	волшебный плод

Амброзий сок	и Вы – женой	мечта сладка	рот разевай
Бедламный сдвиг	расстрой мозгов	у чудака	и пот забот
Больной заскок	очередной	ума износ	души раздрай
Желанный миг	толчение слов	наверняка	на нет сойдет

Набор слов и обрывков фраз кажется малосвязным, почти хаосом? Поверьте, – ничуть не бывало. Всё вполне увязывается и осмысливается точной пунктуацией. Проверено, причем – на всех 64-х схемах, приведенных выше! Так что здесь – действительно 64 сонета. По крайней мере. Дальше не заглядывал, хватило и этого. Здесь сознательно не привожу ни одного готового варианта: оставляю момент интриги. И площадку для проб, – захоти Вы, бедный друг мой, непрощенно ослепленный таким посланием жертва, – ну, от ярости хотя бы! – или кто другой, из малореальных, но все же возможных читателей этой книги, поэкспериментировать...

Конечно, моему 64-сонетнику все-таки далеко до великого Раймона Кено (французского классика XX века давно знает весь мир, у нас переводы его романов, стихов, эссе стали печатать только с 90-х годов). Он-то (математик и логик, кстати) создал нечто грандиозное: книгу десяти сонетов, ВСЕ строки которых могут тасоваться друг с другом. То есть число возможных комбинаций-сонетов неисчислимо, недаром и назвал он книгу свою «Сто миллиардов стихотворений». Впрочем, «с гарантией» называется число: 1014 сонетов. Но и этого хватит! Ведь чтобы кто-то из сумасшедших читателей попробовал проделать в натуре ВСЕ перестановки (т. е. быстренько записал и прочел – посмотрел, что получилось), ему потребуется, при 8-часовом рабочем дне, сколько бы, Вы думали? Более 190 МИЛЛИОНОВ лет! У Вас, мой друг, не возникает вопрос: как же тогда проверить истинность утверждений автора? Хотя бы: что вся эта тысяча его 14-строчников будет в каждом кирпичике осмысленной человеческой речью? Тут придется довериться людям знающим: ученые сограждане Кено, математики и лингвисты, утверждают, что он – прав. Но меня лично больше изумил другой факт: книга ПЕРЕВЕДЕНА! И на английский, и на немецкий, и на шведский... И уже – на русский (Т. Бонч-Осмоловская)! Где ж переводчики-то нашли эти 190 миллионов годков для работы?! Это ж не мои жалкие 64 сонетика, которые можно проверить – и выстроить-опробовать наиболее вразумительные синтаксисы-пунктуации – за час-другой... Но тут наша переводчица этого немыслимого кубика-рубика (перед которой преклоняюсь – честно! – и умом ее подвиг охватить не в силах) как раз всё объяснила: конечно, о более-менее масштабной проверке всей фактуры исходных десяти переводных версий и не помышлялось, никто с ума не сходил. Проверили по сотне перестановок: на уровне лишь двух и трех строк, катренов – только у смежных пар сонетов (сколько тут потребовалось времени, не сообщается, но, думаю, тоже немало). Убедились: получается. Тогда, надо полагать, и во всем «космосе» – состыковки будут не хуже... Решение, что говорить, доброе-разумное. В смысле – оберегательное для разума. Ведь собери даже миллион проверяльщиков да распредели меж ними работу (предварительно, наверное, рассчитав «разбивку» труда на мощнейшем компе? – вручную не осилишь), – так и тем бы, поди, их жизней не хватило... И жаль бесконечно, что «истинность» всего предприятия – как авторского, так и перекладов – останется в яви не доказанной, вроде теоремы Ферма... В отличие от моего «пятерика»!

А в теории: мое «чудище», значит, – как бы карлик, блошка? Пред той необъятностью? Все познается в сравнении?

И все же тихохонько нянчу гордыню: в родных палестинах о подобных опытах не слыхал... Так что, возможно, в конце книги (буде она дописана), тоже в виде приложения, и помешу все 64 своих варианта: теперь, когда Вы уже прочли все это, чего уж бояться...

Часть III. ЗАЯВА НАХАЛЬНАЯ (Из чердачной корзины, случайно уцелевший черновик)

Дамы и господа! Уважаемые компатриоты, сограждане и организации, коллеги по рифмотрудам, соревнователи и вообще сочлены братства сеятелей и жнецов на нивах литературных! Многотерпеливые читатели, наконец! Словом, ВСЕ-ВСЕ-ВСЕ!

Считаю своим долгом заявить граду и миру следующее.

А) Поскольку никакой автор не может, увы, самолично выдвигать свою книгу на Нобелевку;

Б) поскольку наш автор все же недостаточно безумен, чтобы надеяться, что найдутся какие-либо правомочные лица или учреждения (и менее всего, конечно, – в среде братии стихотворящей и вообще литературной), кому пришел бы в головы этот филантропический акт снисхождения к его, автора, гениальности;

В) постольку из этого следует, что поминаемый автор до своей Нобелевки никак не доживет, в чем он трезво отдает себе отчет. Несправедливо, конечно, но – планета наша для веселья, как известно, мало оборудована, мои дорогие.

Г) А посему:

прошу считать нижеследующее моей **официальной заявкой** в «Книгу рекордов Гиннесса», хотя бы – русскую.

Представляю в упомянутую «Книгу» ЧЕТЫРЕ рекорда по русской сонетной версификационной практике.

- 1) **«Корону корон» сонетов из книги-гирлянды «Комнаты эха» – как «венки венков», чья структура несет уникальную особенность: ее «венки сонетов» содержат различные модификации сонетных схем – «итальянские», «французские», «английские», «смешанные», «русские» (вплоть до сонетов, метрически и графически экспериментальных, предъявляемых самим автором; см., например, венок № 4), и является, таким образом, своего рода «малой антологией» сонетных форм, применяемых сегодня в русском стихосложении (то же относится к «неканонической» сонетной рифмовке, включающей современные «рифмоиды»).**
- 2) **Венок № 5 («Скворец из воска») как первый и на сегодня единственный русский венок «аномальных» сонетоформ, и узаконенных в мировой практике, и предлагаемых самим автором.**
- 3) **Сонет № 13 («четверной») из венка № 5.** Если «три в одном» – давно опробованная форма, то четыре сонета в одном – такого практика русской сонетной версификации еще не знала. **Примечание.** Автор скромн, и не заявляет отдельно другие, достойные звания своего рода рекордов, сонеты-«симбиоты» из этого венка, также не имеющие аналогов в русской поэтической практике: «терцинный», «хокку-сицилиана», «секстино-«ронасрово»-рондовый», «одо-апологический» (каждый из которых одновременно представляет еще и разные виды «перекрещенных» аномальных сонетов, где порядок катренов и терцетов не традиционен).
- 4) **Сонет-«складень», приведенный в Части II приложений к венку-5.** То есть – «пятерной» сонет («пять в одном»), он же одновременно – **скрытая структура по меньшей мере еще шестидесяти сонетов (64 в одном!).** Ничего подобного в русской «сонетиане» до сих пор даже не предлагала практике теория.

Если же данная заява каким-то образом пройдет мимо уважаемых кураторов, составителей и редакторов вышеупомянутой «Книги рекордов», автор тем не менее будет считать себя де-факто рекордсменом по указанным выше четырем (в самом скромном исчислении) «номинациям», пока ему не предъявят неопровержимых доказательств, что на

сегодня кто-то где-то его опередил по описанным пунктам. Такого же – быть не может, ибо не может быть никогда. А «русский Кено», к примеру, – при всей его масштабности – все же остается «гипотезой»; да и «перевод», «чужое», не «от себя»; да и структура совсем не та: десять отдельных сонетов вместо одного «родителя»...

P. S. А вот только что пришла идея воистину безумная, то есть – гениальная. Насколько известно автору, редакции (или как там называются эти организации) «Книг Гиннесса» еще ни разу не представляли никакой книги Нобелевскому комитету. Так что автор не стал бы протестовать!.. Ведь и сам факт такого ходатайства – тоже был бы уникальным, э? Ау, «Гиннесс»! Все равно ведь когда-нибудь «Гирлянду» оценят по достоинству. Так почему бы, хотя бы раз, – не вдогон, а с опережением, откуда автор все-таки еще жив?..

Глас вопиющего. Нет пророков, нет – ни их в родимом отечестве, ни правды на земле, ни оной выше... Не тусовочных же «Букера», «Анти...» и многих прочих лит-ООО ЧП поминать...

Ладно, смирим гордыню. Уже. Смирил. Каюсь, каюсь, каюсь.

(А все-таки ОНО вертится. 64 разика.)

Кирдык. Шутка...

К ВЕНКУ-7

ТЕНИ ВЕНКА

в 15 главках

(Рукопись, найденная на чердаке)

Главка I

(-1-) Охломон. Слово следует понимать не как дедовский стёбно-неодобрительный сленг (охлАмон, хламье человечье), а в прямом и строгом древнегреческом смысле: единица толпы, т. е. средне-гоминидная монада митингового электората. Перед такими когда-то брезговали саблезубые кориоланы демонстрировать свои честные пещерно-патриотические шрамы ради обезьяньего избирямс.

Но в конечном счете именно он, охлОмон, был, есть и будет последней инстанцией, отправляющей героев, политиков – и поэтов – в последний (и непременный) путь по ту сторону, в страну Леты. Да и две с лишком тыщи лет прогресса либерте-эгалите-фратерните – достаточный срок (если уж где-то хватало семи-восьми десятилетий, а потом – и семи-восьми лет) для рукотворных метаморфоз, не снившихся Овидию: от ноо-зубров трагирезистанса до нео-завров фарсо-ободрямса. А там и до нью-планктона экс-образованства. До нас, струльбругов-собратьев знаменитому киплингговскому неощутимке, эрзац-мастодонтов мифических «шестидесятых». До деток наших, вообще родства не помнящих. Тем более ближайшего, совкового.

Ах, этот открыватель закона бессмертия томлинсонов! А еще бард прогрессорства (как называли бы ихнего классика наши Стругацкие)...

Эволюция де(рь)мо-интеллигенции: не по Вернадскому с его утешной ноосферой, увы, – вспять по Дарвину, евангелисту бандерлогов. Эволюция ретро- и футуровглядываний: чем дурнее и гротескней, тем историчней.

Главка II

(-2-) Эллада несравнимая. Историчней по метафоро-контексту было бы «Ахайя», а не «Эллада». Но первое – архаично и требует «перевода» (да и пригодится еще). Второе же – вразумительней, да и у Гомера уже мелькает – не только как синоним Пелопоннеса, общей

родины сборных ратей, озлившихся на чужеварварскую Трою, но и во все-«греческом», цивилизационно-культурном смысле. А «Европа» и «азиаты» – вовсе не мой постсоветский (или постблоковский) анахронизм, тут напрямую – почти цитата из вергилиевой «Энеиды» (вот оно когда зачинаясь, и «наше сегодня», и «наше завтра»!): «Рок два мира столкнул – Европу и Азию в битве».

Главка III

(-3-) Дастся вам. В битве за построение нового дивного мира, резво отрясая прах дивьего старого, где царский чертог и златой кумир полагалось, по моральным кодексам бойцов-строителей, ненавидеть, на худой конец – презирать как абстрактные общелюдские (буржуинские тож) ценности (им, кстати, и должно быть для общечеловеков абстракцией – чтобы кто-то кое-где у нас порой мог их реализовать и приватизировать; закон бы подтвердили, из-под сыворотки правды, и авторы былых кодексов, а теперь он нагледен и слепому), – так вот, говорю, достукиваясь до желанного рая златых сортиров, непременно забывают массы-неофиты, что самые завлекательные, вкусные (и доступные) сыры – в мышеловке. Всегда. Хотя и называют ее по-разному: от «...плюс электрификация» до «вертикального прогресса», от «третьего Рима» до «третьего мира», а там и до «третьего Рейха», от «общества равных возможностей» до псевдохалаявного «поля чудес», от «корабля дураков» до «страны дураков» (не путать с ныне культовой «Школой...» оных). Глухо ухо, прочищенное масс-медиа, к страшным музыкам леверкюнов-шостаковичей-шнитке.

Из «Фауста» помним «сатану-тамправитбал» (или это из Булгакова?), а чего там хотел от чёрта этот химик-физик-сахаров? Ну, трахнуть Маргаритку, это понятно (или – тоже Булгаков?). Братца ее пришить, чтоб не возникал, не мешал (ага, значит, не Булгаков, тот – про Ритку без братца, и к чёрту христосика припаял, чтоб не подумали, что у немца слямзил). Еще чего-то выдал немец знаменитое, умственное... «Остановись, мгновенье!» И всё-то они время норовят о непонятном, классики, бля, покоя им! Покой нам только снится, уроды. А свету – лучше того нету, где зеленые цветут. И лучше той минуты, спросите у классика Чеховой Анфиски.

Правда, знакомый шиз-заучка говорил, а то, может, сам выдумал: там у немца еще и дальше есть, часть вторая. Жуткий бред, про их капгулаг-беломорканал и могилы, а сам химик теперь реально зек, а вертухаями чертенята кучей, но тот все никак не врубится, на каком он свете, потому как уже не то зомби в натуре, не то ваще у него глюки в психушке (у Булгакова риткин бойфренд тоже в психбольницу попал, даром что лирик, а не физик): то они с чертом липовый банк затевают, то уже на бале-маскараде у «императора»-психа, то на войнушке... А вокруг, натурально, дефолт и безработица, химику-то самому и пришла та идея, не то котлован-канал, не то насыпь: и дело полезное, и люди чего-то заработают. ФаустЛАГ, в общем. Черт доволен, и лоху опять – деваху, ссыльную, что ли, при канале, из грецких шпионок, а то тайную сионистку. Но послаще Ритки-покойницы. Еще и с сыном-дылды, будто от химика, папе в утеху! Тот верит, и рад. А пацан – в неформалы, и сгинул, тут любушка и сама слиняла с концом, и наш химик опять с носом. Еще старички какие-то достали, не то убогие, но ладят бастовать, не то загрантуристы-пенсионеры, не то соседи по дурдому. Надоели старые до черта, химик к нему: сплавь хоть в санаторий, тот будто бы не так понял – и сплавил на тот свет. Химик, гля, снова виноват. Ну, от сильных переживаний и ослеп – то есть совсем. И черт теперь инвалида дурит по-наглому, переоделся и косит то под бабку Ёжку, то под экстрасенса-гида, вроде у них экскурсия – не по их гулагу, а по выставке достижений их народного хозяйства; а сам уже могилку слепаку вырыл и к ней подводит нежно под локоток... В общем, все умерли. А химика – к Боженьке, с отчетом... Короче, мистика-триллер. Если шиз не наврал, стоитчитать. А то и кино уже сбацили? Верняк – есть оно, вот где спецэффектов, видать! Поищем в интернетке – найдем. А то – читать еще, как неграмотный какой...

Вспомнил! Началось-то, в первой части, с того, что этот заржавелый фаустпатрон хотел вроде Эйшн... Энтш... Эйнштейна статью на халяву, к черту и приставал: сделай, братан,

диплом вундеркиндера-академика, а там я уж потружусь на благо труднорода, изобрету счастье для всех даром, для обиженных... На том, значит, под конец мозги и свернул. И правильно. По делу и заработал, за что боролся, на то и напоролся. А не ходи, старичье, в гаррипоттеры, блин, не в том вам, лохам, счастье.

Впрочем, мы идем своим путем, внося нюансы-свежинки в культуру движения к счастью хомо нормалис. Вот у них, скажем, хом хóму лупус ест. Ест, то есть, ближнего, облупит хомяк-хомоед кого сможет, шкуру, значит, сдерет и схамает, по рецептам из книги о вкусной и здоровой пище еврогуманных общепитов... Так у нас-то скоморох-печальник Ремизов успел сформулировать и родимую пищевую добавку: «человек человеку бревно». Умный был. От ума и горе, тут-то нашим умникам и раньше был знаком не понаслышке, а ныне и вовсе учат по школьным программам от академиков просвещения – главный на мировые стандарты ехидный тест: «Если ты такой умный, почему...»

Главка IV

(-4-) Герой в раздумье. Почему бы не признаться – при нецензурной пока свободе слова – в тайном заделе по-большому?

Сонет посвящается всем нашим президентам, первым, присным, будущим и последним. Чувствуя себя не вправе увильнуть, оставив терпеливого читателя (найдишь читатель-уникум, добравшийся аж до этого места) один на один с ребусом метафор, предлагаю апробированный, всем привычный вид викторины для бедных: варианты ответов, правильные подчеркнуть.

БЕС-УТЕШИТЕЛЬ: а) други-президенты, закордонцы и заокеанцы; б) интеллектуисоветники с евро-штато-дипломами; в) карма отцов народа; г) мировой дух Гегеля; д) ноосфера Вернадского; е) добрые зеленые уфо-человечки.

МИНОС: а) мировое сообщество; б) евросодружество; в) конституционные гарантии ваших как бы прав, а ихних ценностей; г) бремя цивилизаторов-прогрессоров; д) коллеги-други-президенты; е) см. эту букву выше.

КРИТ: а) развитой капитализм с человеческим лицом; б) он же с телячьим, будущим бычьим; в) амброзия, пиво, прикид и ариадны по потребностям, то есть капсчастье для всех даром, короче – коммунизм, блин; г) лабиринт Минотавра (о нем см. ниже); д) свобода, бля, свобода, бля, свобода, она же заграница друганов-коллег; е) см. это выше.

АИД: а) из огня да в полымя; б) тот еще свет в конце тоннеля; в) конец света в тоннеле; г) противоатомно-антистихийный бункер «пять звездочек», вход по билетам, дилер – банк «Минос»; д) страшный суд, присяжные – други-коллеги; е) см. выше.

МИНОТАВР: а) рыночные перитониты-кризисы, мировые и свои посконные; б) социальные абсцессы и рак коррупции; в) национальная чума; г) террористы – мировые и в родных клозетах; д) други-коллеги; е) см. всё там же.

Насчет кандидатур в Цезари (Помпеи и Бруты тож), как и в Ариадны, – тут я кладу перо, всякому Глобе-Нострадамусу-Ванге свое время.

Адресатов же, дабы не гневались, прошу иметь в виду оптимистический подтекст: Минотавра-то Тесей, по слухам, одолел таки. Будем верить мифам, что еще остается.

Главка V

(-5-) Месть за свергнутый ярём. Остается покаяться: сам я не слышал этой версии гибели суперпарома «Эстония». Но не удивлюсь, если ужастик где-то и пускали в ход: всем пузырям вулканических земель нужна она, едкая пустота подземных страхов, ею и пугают, ею и растут.

А над «Скифами» сокрушаюсь, сколько помню себя читателем Блока. Как оступаются великие! Израненная племенная гордость тоже чревата пузырями газовой гангрены. Но какой гособразованщик-Унрат, собрат манновскому и отечественным передоновым-беликовым, решил было и нынешних школяров обязать зубрить отравленный стих злосчастного гения?

Ну, да племени младому-незнакомому – в большинстве – все гуманитарные занудства нынче напрочь до лампы, так что хоть тут нет худа без добра.

Главка VI

(-6-) Мир на двоих. Нет худа без добра: теперь, когда жданный полдень двадцатого века, долгоискомый мираж земного рая растаял, сгинул, изошел росой, отрезвевший позавчерашний коллективист (он же – послезавтрашний утопический соборянин) может не вперяться в нечто и туману даль, а взглянуть окрест себя и уязвленной душой понять наконец: в непрекрасном и яростном мире возможна у человека (раз уж человек все-таки и вправду – один не может ни чёрта) только одна опора – чья-то душа-близнец, душа-двойник, для каждого единственная; лучше бы, конечно, в иногендерном теле, та, что примет тебя ВСЕГО, какой ты есть, не «станьтакимкакячочу», а вот такой, прах сирий сам собою, но ей – односущно значимый, равновеликий, и даже большевеликий остальному миру.

Вообще, это следует назвать, за неимением точного термина, любовью.

Правда, помнится, что любовью считается как бы нечто совсем иное: не питаться самоотражениями, а отдавать себя в чужое зазеркалье без возврата, не требуя эха. Но это, увы, никак не для того, кто причислился (пусть даже самозванно, в самообольщении, – что для такого только безнадежней, безысходней) – к виду «хомо творящий».

У чувственно-изошренных древних греков была целая иерархия любовей и любеночков, но это – от лукавого, от извращения ума. На деле оно проще, то есть – неразложимей: ВСЁ В ОДНОМ. Вот только набрести, наткнуться на это чудо, не обмануться, угадать, украсть у судьбы свое альтер-эхо, – удача единицам на тьмы и тьмы.

Остальным (речь, конечно, о настоящих, не о бедной лягве, претендующей на вола, легион – имя нам), самообманутым, останется умирать один на один с судьбой. Пушкину, Чехову, Блоку... Толстому, Маяковскому, Рубцову... От пуль, чахоток, безвоздушья, сторожей-близких, и снова от пули, а то и от кухонного ножа. А нашему мелко-читательскому, «поисковому» нюху сатана, как правило, тут и подкладывает сладенько пахнущие улики, – как говаривал кто-то у братьев-фантастов: «Шерше, дура, шерше!» – их, ля фамей-обманок...

Да и тем, уникальным, кому повезло, – Эдгару с его Виржинией (а, может, еще больше – с теткой-тещей, единственной такой в истории), Федору Михайловичу с его Анной (чье истовое служение-страсть он, христовыскатель-мученик, принимал по-хозяйски, как должное, естественно-холопье), Александру Грину с его жертвенницами-подругами (к которым он, горный волшебник в своих сказках, относился в жизни так плебейски-немилосердно), Пастернаку с его Ольгой (но каково было ему разрывать тут надвое-натрое – одну свою аорту, и какая казнь досталась потом ей – без него!), Михаилу Афанасьевичу с его Еленой (да и с первой-второй, особенно с той, первой любовью, о какой, говорят, вспоминал покаянно на смертном одре), а во времена поближе – очень хорошему писателю Константину Воробьеву (были, редко, но были и такие в густопсовые соввремена, и даже, хоть и трудно, и кроваво, а печатались) с его верной Верой (написавшей потом, во вдовах, такую безыскусную и пронзительную повесть о встрече и судьбе, одной на двоих), – даже им всем, счастливым (счастливым? – тот же Эдгар не мог ни спасти, ни накормить, ни даже согреть любимую: не то, что денег или еды – одеяла, и того не было) все равно не простят, отомстят, не дадут жить и завистливые боги, и родина – безумная мать-мачеха, и люди – заклятые собраты по грязи и небу...

Главка VII

(-7-) Последний лучник твой.* По грязи и небу ходили – одновременно. Наследниками и последышами были – одновременно. Алкали идей, меняли вождей – одновременно. Позваны на подвиги, постланы под ноги – одновременно. Казалось: хранили чистоту, оказалось: гранили пустоту. Бредники. Проблески. Высверки. Преданы. Проданы. Вымерли. Умам, эпохой беременным, нам – *тьма, без воли и времени.***

Хлебнувшие смладу хмеля дурной полуволи краткой, – как, умники, мы сумели жизнь просвистеть украдкой? Служили – без упования, начальство – без пыла чтили, стыдливо спали в собраниях, шкодливо женщин любили. Цыкнул, – ложились навзничь, а лёжа – шептались: «Бродский...», причмокивали: «Ах, Галич!», прицокивали: «Высоцкий!». С сокурсником брат-ровесник, сойдясь иногда за рюмкой, с надрывчиком врали песни про Колыму и трюмы. Но даже на собственной кухне, жуя анекдотов тину, теноры наши жухли, прижатые вполювину. Портреты золой дымились, ползли пятилеток клячи. А где-то стихи пылились, студенческие, щенячьи...

Не кравши, не бравши взятки, не сделали вы карьеры. Вы просто навек озябли, учёны чужим примером. Обманной эпохи ветер обрил вам крылья на взлёте. И редкий из вас заметил, что вы – уже не живете. В карманах фиги паролем – и те всё реже и реже... Годами сживались с ролью, чье имя в анкетах – нежить. Отвыкнув лжи удивляться, обвыкнув не слыша слушать, подобны выдутым яйцам стали с годами души. Но как берегли вы тайну той скорлупы яичной! Треснет, – узрят: пустая, а это так неприлично... Спешили укрыть снаружи, набить внутри воровато лежалым войлоком дружбы, иронии мертвой ватой...

Времён ты не чаял лучших, не помня ни зла, ни обиды. Чему ты детей научишь, родив их в эпоху СПИДа? На них с отчаяньем глядя, родных и большеголовых, ни в грош ты не веришь, дядя, трубе о свободах новых. До спазма хочется верить, да – нечем, Господи, нечем. Постой молчуном у двери, где кличут борзых на вече. Ты им не пророчишь худа, но зависти нету тоже. Они – живые покуда, дай жить и успеть им, Боже. Быть может – и спеть, быть может... Но мы... не ожить нам в драке. Нас догрызут, догложут круги в пустоте и мраке. Им – гамлетов гордых корчи и пылких кихотов дурость. А нам – отстойная горечь и поздняя злая мудрость...

Судьба инфантильных старцев, пенсинеров-детешек оттепелей. Повторяющийся в веках фатум всех «шестидесятников» (см. век XIX и злую плёточку Власа Дорошевича – я ее взял когда-то эпиграфом к поэме о «своих 60-х»), поколений кастрированных пассионариев, последних романтиков империй.

** Давно я маялся: всё не находил места в моих «центонах» дорогóй сердцу Арсений Тарковский, сберегший свой, из «серебряного века», гений, любивший – судя по стихам его (проговаривался изредка!) – единственную женщину, не из жён: Марину Цветаеву. И наконец – сказался он тут... Хотя речь-то – не о нем, не о таких верных СВОЕМУ: о нас, у которых свое – совсем иное, увы...*

*** Как «Дезиком» Самойловым сказано, не только о стареющих «донжуанах» – о всех нас, себя переживших... А странная эта «тема», Дон Жуан, чую, еще мне аукнется...*

Главка VIII

(-8-) Тенью статью. Империй эпос. Из бредовой пьесы...

Державным шагом шли двенадцать бесов. Вели слепых. Пел хор: «Растем до ста!...» Дошедших довели. Сбылась мечта. Мир новый принял всех. Топь колыхалась... Мутанты бодрость ростили в аду. Но выбрались последние в роду на землю бывшей молодости. Та – ждала. Была безвидна и пуста. Ни вечеров, ни утр. Вернулся хаос. Над водами – ни Духа, ни пасомых, ни пастырей. Ни грешных, ни спасенных.

Это – первый вариант примечания. Есть – второй.

Империй римских тень – не застит свет.

Век лавовых кровей, кромешной славы

Закончился. В цене – иные нравы.

Кровь – СПИДу впрок остужена. Конь Блед –

На сдельной плате: крутит жернова

Для сытых. Им – хлеба, гульба, права

На лифт из прорвы.

...Высь. Парит сова.

Низ. Ров. Горит трава.

Спасенных – нет.

Главка IX

(-9-) Питать надежду стоит. Спасенных нет – при катастрофе мира, в котором ты родился, рос, кряхтел, смеялся и скорбел, вопил и пел, знал голод и жажду, вкусно пил и ел, судьбой был дёрган – майна или вира, дряхлел – в безделье или между дел, умел быть счастливым, чаще – не умел, не уцелел же среди чумного пира, имел наивность мнить, что уцелел... Нет, уцелевших – нет меж тех, кто выжил, точнее – меж тех, кто пережил свой век и доживает меж рвачей и выжиг, сны проживает, не смыкая век, и уповает, глупый человек, не накопив строкою ни рубля, на чудо – даровой подарок свыше: билетик в елизейские поля.

Главка X

(-10-) Страна желанная. Елизейские поля твои, виртуал-реальность блаженных, элизиум литературы – вот он, фантомный, но сладостно ощутимый, единственный ТОТ свет, куда пока еще можешь ты порой переселяться, – чтобы, глотнув его, разреженного уже, уже загазованного, в озонных дырах, но – воздуха, потом опять смочь задержать дыхание в аммиачных парах этого света – на какой-то срок.

До твоего следующего побега в свои параллельные миры.

Главка XI

(-11-) Катанье-мытьё. Параллельные миры, брезжащие сквозь трехмерное наше существование, свои – у каждого, они – вот они, рядом, шагни, руки протяни, ухвати, соедини с обыденным, житейским в единый блистающий мир. И живи в том цветном многомирье, счастливый.

И стараешься, тщишься – втиснуться, вползти, впрыгнуть, вломиться в призрачную дверцу – и достичь желанного синтеза, не мытьём, так катаньем: сковать, сцепить собой-звеньишком, склеить это разъятое на два мира «твое» – в одно... Нет, не удастся.

Геометрия земного бытия, увы, евклидова. Есть только, мерцают где-то, кружатся в бесконечности загадочные точки пересечения реальностей, по Риману-Лобачевскому, вычислить, рассчитать их невозможно, непредсказуемы их орбиты, как у электронов. И счастлив тот, кому случайно выпадет оказаться вдруг в этой неуловимой точке перехода. И можешь – на краткое время, на краткое! – побыть на randevу со вторым – или третьим, или тридцатым – твоим миром. Пожить в нем – на миг. И вернуться. Обязательно придется возвращаться. И опять – не по своей воле. Просто тебя – как вбросило туда, так и вытолкнет обратно, в твою евклидову явь. И в какую это случится секунду – не угадаешь.

Вспомнил о своем товарище. Актере – замечательном, кстати. А еще он писал пьесы – хулиганские, с матершинкой, «римейки» великих классиков. Сочинял песенки – забавные, мудреные, а то и мудрые. Иные не обзаводились полумелодийками – и оставались просто стихами. Порой говорил он то, что не успевал или даже не сумел бы сказать я.

Вот – остается в памяти его стих о «параллельности» нашего житья. До сих пор мне кажется, что эти несколько строчек должны бы входить в антологии русского стиха. Все мои рассуждения тут – лишь долгий пересказ-комментарий того, что он сказал, с грустной улыбкой и кратко. Видно, думалось сказать – просто о невозможности сойтись человеку с человеком. Но сказалось, по-моему, далеко не только об этом... И потом, двое – это ведь тоже два разных мира. И встретиться – будет ли им дано?..

Беспредельна тоска, беспредельна.

Параллельно живем, параллельно.

Бредом Римана утешаюсь:

Где-то

я с тобой

пере-

секаюсь.

Светит, светит неверным свеченьем

Точка мнимого пересечения.

Обдирая колени о кочки,
Я ползу к этой призрачной точке.
Но она исчезает из виду.
Неужели живем по Эвклиду?

От школьного Эвклида остались – эти несчастные параллельные, от Пифагора – «штаны». Что еще? Не совсем забытое умение строить трехмерные изопроекции – миражи вещей: любимое некогда черчение?

Главка XII

(-12-) Рой атомов. Черчение черными чернилами чепуховых чертежей четырьмя черненькими чумазенькими чертенятами – самая милая из детских присказок, а заодно – нечаянный прообраз нынешних интернет-виртуальностей. Кой к помянутым выше твоим параллельным мирам отношение имеют такое же, как карточный домик – хотя бы к самодельному шалашу.

Когда-то, уже престарелый, поэт Сельвинский (страшился смерти, бедняга) печатал в «Литгазете» эссе (тогда это называлось – статьи), где твердил, что верит в свое «мыслящее» бессмертие – в виде микрочастичек-носителей его «я», на кои распадется, конечно, но кои – неуничтожимы же, согласно передовой матфилософии и физике... Как – в густопсовые современа! – ТАКОЕ публиковали, не мог взять в толк и тогда (живы ли где иные, кроме меня, кто это помнит?). Наверное, потому, что вместо опиумно-зловредной «души» назойливо поминался именно «рой атомов» – вполне благочинный материалистический камуфляж. Тоже – строил себе спасительно-утешительную личную умственную «виртуалку»...

Даже для «афеев» (как звались «атеисты» во времена Пушкина) необходимо это – рукотворенье какого-то своего Бога, Неба, хотя бы личного божика, своей «веры», – пусть ты и убеждался не раз за долгую жизнь, что люди-человеки – придет очередной час! – сожгут и забудут любого бога; что для них – для нас – как, похоже, не было подлинных, предвечных, так и нет богов...

Главка XIII

(-13-) Эринния-эмпуза. Нет богов всепрощающих, Логос – из их числа. Даром истязал слово – жди богинь кары, демонниц-бесовок, отмстится тебе. Правда, остается шанс: гласно – и, желательно, искренне – покаяться в напрасном злодействе. И тогда эриннии – «по отношению к раскаявшимся преступникам становятся богинями-благодетельницами (эвменидами)». Цитата, впрочем, не из классической мифологии – всего лишь из «Словаря иностранных слов»: он так толкует проблему, несколько отлично от самих древних греков. Но ведь словари – третье твое плечо (если не все сразу), как и должно для переводчика иноземных, любезных тебе, стихов. Во-вторых, этот-то выпущен был не кем-то из нынешних спецов по дайджестам, а издательством с именем великим и могучим: «Русский язык», да и прописано оно когда-то было не где-нибудь, а – на «улице Пушкина», вот как. Так что и эта цитата не может, конечно, не обнадежить-утешить, даже если изменчивая Река Времен ныне и гордую вывеску унесла, и вообще грозит утопить в пропасти интер-волапюка тот самый, некогда могучий и великий.

Хотя... Всё было уже у тебя, по кругам твоим. И сменные Музы-страдалицы, и эмпузы и эмпузочки из плоти и крови, и самоотверженные эвмениды... И всё – «до разу», как говорила давно ушедшая мама, то есть – до своего «часа зэт». И, пока ты жив, будет повторяться. Если что и бессмертно в природе – так этот круг, у каждого из нас свой. Как и самый бессмертный из припевов: «Это было недавно, это было давно...»

Главка XIV

(-14-) Гретхен-Марго. Давно не дает покоя главный – убежден – секрет «Мастера и Маргариты». Главный, срединный ужас. «Зерно» – как сказал бы знаменитый прототип режиссера из другой книги, романа-трагикомедии о судьбе другого мастера. Ужас, явленный

М. А. зримо, открытым текстом, но остающийся – вот диво неисповедимое! – как бы невидимым для читателя, не оцененным изощренными булгаковедами (как вполне, что ли, частный, пусть не мелкий, и с аллюзией, но не центрово значимый штрих фэнтези-плетения?). А сказано-то – до дрожи страшно, дорогие мои, безнадежно сказано и, говоря нынешним сленгом, – однозначно.

...Герой-мученик, Мастер, явлен нам ближе к концу первой части романа. От него узнаём мы, вместе с Бездомным, горькую судьбу его книги, историю его внезапной, из-под земли, любви-«молнии», любви-счастья и любви-«убийцы», любви, оборванной ночным загадочным стуком в окно (проясненным много позже: был политдонос-клевета, и становится ясно, кто за героем приходил), потом – замурованной в доме скорби. И нас приглашают открыть вторую, главную часть повествования, где обещают явить во всей полноте пример этой любви, настоящей, верной и вечной.

А теперь – сразу вспомним знаменитый финал, такой всем нам памятный, чудный и завидный. Тот, заслуженный Мастером и его самоотверженной подругой, желанный покой.

Ах, что за дивная, утешная, восхитительная картина! Зацветающие вишни, ручей для влюбленных, поэтический мостик, песчаная дорога, уютный домик, венецианское окно, выющийся виноград до крыши, свечи, гусиное перо, мелодии Шуберта, нестареющая возлюбленная-друг, гости-тени любимых мастеров по вечерам...

Не верь, читатель! Это ж не мы видим! Это ж слова Сатаны и загипнотизированной им Маргариты, успевшей побывать в ведьмах-королевах. Это всё – с их слов, не нашим – и не авторским! – глазом. Наваждение, песни сирены, фантом, ложь это. Это Воланд-добряк (или все-таки – Отец Лжи?) их – и нас – заморочил, отвел героям – и нам – глаза.

Нагая истинность станции «Вечность» – совсем иная! И она – дана, обрисована самим Михаилом Афанасьевичем, подробно и трезво-беспощадно. На первых же страницах второй части! Почти сразу после завлекательного обещания поведать историю легендарно-примерной (и награжденной) любви. Закольцевал М. А. свою повесть о Маргарите, финал – без сатанински-обольстительного миража – описан им задолго ДО собственно финала.

С чего начинается вторая часть, ее сюжет? Действие как таковое?

После краткого представления нам героини, впервые названной по имени (и, кстати, представленной не только умницей-красавицей, тоскующей по любви-счастью, а и – как бы между прочим, малозаметной метафоркой, – уже косенькой ведьмой с угольками в зрачках); после информации насчет ее семейно-домашнего быта и горячих дум о потерянном любимом, – нам пересказан СОН Маргариты Николаевны.

С него все и закурилось. Он принес лихорадку-предчувствие: что-то готовится, грядет, вот-вот начнется. Он заставил героиню выйти на улицу, навстречу неведомому, но уже неотвратимому. Сделать к нему первый шаг.

Пытается разгадать, истолковать свой сон Маргарита. Главное угадывает: ждет где-то – в этом ли мире, в ином ли, – зовет ее любимый.

Но ни ей, ни читателю (если он не из тех, кто нетерпеливо заглядывает в последнюю главу) никак не догадаться, что сон сей значит – конкретностью содержания своего.

А явлен в нем – до первого шага героини! – конец еще не начатого пути.

В нем, сне, предстает – ни много, ни мало – будущий вечный приют! Тот чудесный упоительный пейзаж. Но таким, какой он – НА САМОМ ДЕЛЕ. Каким только и может, мог бы быть, не может не быть, должен быть. В натуре.

Слово автору. Читайте – и сравнивайте с тем макияжем.

Приснилась неизвестная Маргарите местность – безнадежная, унылая, под пасмурным небом ранней весны. Приснилось это клочковатое бегущее серенькое небо, а под ним беззвучная стая грачей. Какой-то корявый мостик. Под ним мутная весенняя речонка, безрадостные нищенские полуголые деревья, одинокая осина, а далее – меж деревьев, за каким-то огородом, – бревенчатое зданье, не то оно отдельная кухня, не то баня, не то черт его знает что. Неживое все какое-то и до того унылое, что так и тянет повеситься

на этой осине у мостика. Ни дуновения ветерка, ни шевеления облака и ни живой души. Вот адское место для живого человека!

И вот, вообразите, распахивается дверь этого бревенчатого здания, и появляется он. Довольно далеко, но он отчетливо виден. Оборван он, не разберешь, во что он одет. Волосы всклокочены, небрит. Глаза большие, встревоженные. Манит ее рукой, зовет. Захлебываясь в неживом воздухе, Маргарита по кочкам побежала к нему и в это время проснулась.

Вот вам виноград, свечи и Шуберт! Не вишни в цвету – жуткие неживые деревья без имени. Не левитаново-мусатовский мостик над ручьем – что-то корявое над мутной речонкой. Не чистая торная песчаная дорога – кочки и вымершие заброшенные (ни живой души!) нелепые огороды. Не домик-утеха – бревенчатое черт-те что, кухня, банька (еретически-гаерский ужастик Свидригайлова вспоминается: видно, и там холод и мгла с пауками, в этой баньке-вечности). Все вокруг – неживое. Недвижное. Мертвенный покой. Даже воздух – неживой. И это, единственно поименованное, древо-символ, страшная осина, ждущая самовисельника! На такой и повесился – не булгаковский, а тот, из христианских легенд – изменивший Богу в себе, предавший Иисуса бывший апостол. Даже эти грачи-фантомы, – не из их ли стаи немой грач-шофер Маргариты в ночь сатанинского бала?

Это ж ничто иное, как – ад. Ведь и «черт» (тот, кто «знает», «что такое») тут уже был помянут. И напрямую сказано: «адское место». А что ни серы, ни жаровен, так ведь еще не неизвестно, что страшнее, они или эта тоска смертная.

Боги, боги мои! Да ведь московский склеп-подвальчик на двоих изгоев, тот, ниже подошв прохожих, почти заливаемый при ливнях «последний приют» (именно так он и назван автором, а мы – не замечаем этого откровенного сопоставления с «вечным приютом», жутко-миражным даром Воланда, – по горней, заметим, «просьбе»-повелению!), – да ведь это был рай, в сравнении с мертвым покоем ада, явленным в вещем сне. Отравленная усмешка, запрятанная отчаянная гримаса фантазера-лирика – вот она. (Окончание следует.)

Главка XV (окончание)

(-15-) Там, за Рекой. Вот она, подлинная, глубинная, никаким апелляциям не подлежащая трагедия-приговор. Вот что прозревал, чем мучился, в чем проговорился нам романист-еретик. Настоящий, неизбывный ужас. Судьба мастеров. Не с гусиным пером, весь в свечах и друзьях, с любимой и преданнейшей из женщин, с верным слугой-домовым, – одинок, нищ, болен, с воспаленными глазами. Судьба любви: там, во сне-яви, так и не добежала подруга к оборвышу по кочкам и мертвым огородам.

Судьба хомо творящего. Измучен казнью покоя... Вспыхивает строка Пушкина, пусть и сказал поэт совсем о другом герое, пусть и не схож жилец дома скорби с гордецом-оковником острова святой Елены (или... в чем-то, затаенном, все-таки схож? Нет, об этом, смутно и неверно грезящемся, сейчас – не будем: не отвлекаться!). Судьбы другой, по Булгакову, у мастеров не бывает и быть не может. Вот и герою вскользь помянутого выше нами «театрального» романа пришлось броситься головой с моста (там и травести-эскиз врио Воланда-Мефисто есть)... Не зря цитировал Воланд «остроумную теорию»: каждому будет дано по его вере; по этой авторской, безнадежной, холодящей душу, – также.

Лишь тот сон Маргариты, да Левий Матвей, опоздавший к голгофе учителя (с ним сравнивает себя Марго, опоздавшая к уводу любимого на первую казнь, пожизненную; и он же материализуется перед Воландом на московской крыше – с горным вердиктом героям), да еще этот их, героев, карикатурно-ненавистный Ершалаим – смертельная для них, распинаящая Мастера, чужая Москва, город, достойный, перед тем, как уйти в землю, оставив только туман, разве что той же грозовой тьмы, так же мстительно павшей некогда на Ершалаим-первый (в вариантах романа – покидаемая героями Москва горела, полыхала со всех концов), – только эти три скрепы и связуют, спаивают, сплавляют в единую сновиденно-сумасшедшую реальность четыре, вообще-то, вполне самостийных реальности, четыре параллельных мира, каждый – со своими законами своего, так сказать, «физиса».

Реальность Пилата и Иешуа. «Наша» реальность мучеников-героев (ведь и несчастный Иван, ставший верным учеником Мастера, сменивший ложную кривую дорогу псевдомастера, бездарного виршеписца, на истинный, назначенный ему путь историка, ведь и он в чем-то – «отредактированная» своим веком, бытом, судьбой тень девственного невежды Левия, дикаря-неофита, фаната-евангелиста).

А еще – гротескно-«синтетическая», одновременно шутовски-инфернальная и земная, даже низменная реальность, творимая гостями из ада, не то в туристском, издевательском и холодно-любопытствующем набеге, не то в заезде с инспекцией-инкогнито.

Наконец – надмирный, за гранью трехмерного бытия, недоступный живым, вечный мир Воланда и тех же Иешуа, Пилата, Левия, а потом, вроде бы, и мир Мастера с Марго, закончивших свой юдольный путь.

«Навсегда! Это надо осмыслить»: задержался на пороге сверхбытия Мастер. Но только автору – и нам, значит, – дано знать, что он с подругой, оказывается, заслужили в этой надмирности, несмотря на все земные страдания свои, не света, а разве что опиумной лжи – видимо, лучшего «навсегда», что может предложить ад... Впрочем, трех скреп, такого Левия-Марго-Ивана (и, добавим, Левия – подобия и антонима воландовской свиты), такой Москвы и такого Маргаритинога сна – вполне достаточно. Необходимо-достаточно.

А вся адски-карнавальная фантасмагория с ее фарсовой готикой и саркастически-сатирическим (где-то – и натужным) юмором, как и вся мощная, магически-гордая и торжествующе-лирическая музыка ночного последнего лета с волшебным финишем, – не есть ли длящаяся на наших глазах безумная (безуспешная, обреченная) попытка-пытка: откреститься, отодвинуть, затенить, отменить, ЗАМЕНИТЬ ту финально-фатальную вечность-кошмар, отразившуюся на миг в пророческом сне, – как пробрезживали мельком воландовские свитские в зеркалах московских квартир.

Это адово видение, сон-эпиграф (он же постпиграф) всей истории, запятанный в середину романа, тщательно замазываемый, гримируемый, заваливаемый бесконечными похождениями персонажей, похоже, так неотступно мучил автора, что он, окончательно запутав-затянув в неразвязываемый узел все четыре мира, словно не замечает бьющей в глаза (или наоборот – не замечаемой и нами?) несуразности сюжетного завершения, невозможной даже в виртуальной ассорти-реальности романа. Но, конечно, возможной, даже единственно возможной, – только в наших снах.

Ведь сам же описал настоящую смерть своих героев, не в третьей реальности, от обманного зелья Азazelло, а в земной, московской. Героини, мрачной, постаревшей от горя, так и не нашедшей, не дождавшейся сгинувшего любимого, – смерть в пустой комнате особняка (а за кадром там – и Наташа за дверью, и нелюбый муж в командировке, а в кадре – соглядатай-свидетель из другой реальности, Азazelло, пожелавший самолично проверить и убедиться: да, по их здешнему трехмерному физису «все в порядке», все по правилам, никакой мистики). Героя – смерть за стеной кельи бедного Иванушки, в соседней палате (и опять же больничную нянечку дал в свидетели). И сам же – в эпилоге – пишет об их бесследном исчезновении? В этой же московской реальности? Заставляет нас поверить, что и всамделишные «органы» удостоверили похищение «преступной шайкой», то бишь загадочную пропажу, – кого? Двух засвидетельствованных трупов? Больного, почившего при врачах в официальном супероборудованном бедламе? Супруги почтенного деятеля, скончавшейся в собственном доме, куда вот-вот должен вернуться муж?

Заигрался автор, запутался в своем лабиринте? Сам завяз в сотворенном им же диком мире-кентавре, не различая уже, не осознавая немислимых взаимопрорастаний бреда и яви, как все мы никогда не ощущаем странностей мира наших снов – там, в них, изнутри, для нас естественного? Или хочет сказать, что, после визита Сатаны со товарищи, та четырехдневная «третья реальность» так проросла во вторую, что и эта, наша земная, ныне навсегда подтвердила свою сверхбредовую, архиабсурдную суть?

Или просто-напросто дает нам понять, как надо прочитывать его творение – с точки зрения литдрамжанров? Вот назвал любимый Булгаковым Гоголь свой роман – «поэмой».

Вот и самой замечательной из своих пьес определил ведь сам Михаил Афанасьевич жанр ясно и прямо – «сны».

Так что все же эта антиномная двуреальность ухода героев из дольного мира – не сознательно ли подкинутая последняя петелька невиданного узора, уже отпевально-несмешная арлекинада, последний вираж сна, лукаво-отчаянный пируэт мученической фантазии самопровидца-реалиста, для кого примириться, принять ту адски-вышнюю непреложность судьбы, назначенной от века мастерам, – СМЕРТИ подобно? То бишь – темному, грозному, чреватому неведомыми здесь, в юдольной яви, кошмарами, – СНУ? Ведь так, по толкованию Гамлета, это слово следует понимать?

К ВЕНКУ-8

В СТРАНЕ НЕПУГАННЫХ СОНЕТОФИЛОВ

(Из писем, унесенных вороном)

Ave, моя Постумия!

Ибо кто Вы, друг мой, как не По́стум женского рода (кошмарно выразился!) – для самоссыльного стхозуса, страдающего, на своих задворках империи Великого Логоса, стыдной болезнью: недержанием стиля. Кстати, словари указуют: «стило́ – нескл.» А попробуй-ка сказать: «недержание стило»!

Мой добрый и безответный (во всех смыслах) Постум-Постумия, te salutant!

Нынче пришла охота позабавляться. И пообщаться – на «вы». Нет, нет, никаких неблагопристойностей, никаких потуг на скользкие каламбуры. Разочарую, но – речь всего лишь о стихо-шалостях. И о любимом жанре, естественно. А Вам предлагается веселье сие разделить или – в силу его специфичности – хотя бы вытерпеть, как только Вы и умеете.

Шутить со стихом обожали французы. И «золотые», легендарных времен «Плеяды», и нынешние. Впрочем, я о том поминал, в письме к венку-5 (не помню: послал ли?). Но там речь шла о шутках-макси: стихах-«матрешках», кубиках-рубиках. Черед – чудесам-мини.

Опять же начнем с французов. Вот Альбер де Ресгье, поэт невеликий (современник нашего А. С.), прославился сонетом-эпитафией, где каждая строка – односложное слово. При этом – всё на месте: кватранты, терцеты, рифмовка! Классический французский сонет (в чем его отличие от итальянского: см. мой венок-11)! А всего-то у Альбера – 14 слов-крохотуль – включая артикли, те тоже являют собой и строку, и рифму! Сверхщегольство версификации.

В годы всплеска, пира поэтик и повального освоения ино-культурных (да и родимых, подзабытых) кладовых, – в серебряном то есть веке, – наши, обжив сонетные вершины, спустились и в подвальчики смехачества. Не прошли мимо и этого мини-казуса.

С тех пор и числится у нас, насколько знаю, пара хрестоматийных образцов: Сельвинский («Дол // Сед. // Шел // Дед...») и Ходасевич («Люб – // Мел. // Бел // Гроб...»). О других примерах не читывал, не слышал.

Это – та же игра, что известное, классическое:

Гол

Бес

Шел

В лес.

*Добавь в последнюю строфу по слову-строке – выйдет как раз что-то
вроде сонета: уродец такой, помесь английских катренов с итальянскими
терцетами.*

Вдруг –

Стоп:

Ну, хотя бы:

Жук	Бес	Бес	Бес	Наш
В лоб.	Днесь	Тут	Рад,	Бес
	Рад:	Рад:	Хват:	Рад:
Бес	<i>или:</i>			<i>и т. д. – до бесконечности.</i>
Рад:	Влез	Влез,	Влез	Аж
Влез	Весь	Плут,	В ад,	Влез
В ад.	В ад.	В ад.	Гад.	В ад.

А можно изначальный текст и в строгие сонетные (английские) рамки ввести, добавляя двестише-«замок». Например: «Смех– // Грех!» или «Лих // Стих?»

Забавки эти, в сущности, просты, как мычание, не требуют ничего, кроме некоторой свободы фантазии. И печь шедевры можно дюжинами, было б желание и усердие. И ловить кайф.

Вот – как раз дюжина. Почему-то большинством – пошли рождаться пародии, эпиграммы, стилизации.

Начнем с нашей базовой двоицы. Итак, а ля молодой конструктивист, улялаевский аэд, казачий Гомер.

Сечь.	<i>Вот такое драматическое недоразумение</i>	Лик –
Шлях.	<i>случилось на шляху возле Запорожской Сечи:</i>	Яд.
Лях –	<i>друг друга не познаша... Надеюсь, тень Ильи</i>	Язв
Встречь.	<i>Львовича простит мне запоздалую шутку.</i>	Тик.
Меч –	<i>А вот что-то вроде портрета-эпиграммы</i>	Шик –
Мах!	<i>на Владислава Фелициановича. Ну, он-то мне</i>	Ямб:
Страх!	<i>не простит, не та натура была...</i>	Яств
Бечь?	<i>Получился как бы «французский» сонет, в</i>	Миг.
	<i>самый раз по адресату:</i>	
– Ляг,		Креп.
Враг!		Склеп.
Хук!		
Ан		...В горсть –
«Пан» –		Жар.
Друг...		Дар.
		Злость.

Разохотился, – и понеслось... Кто из нас в стихомолодости прошел мимо раннего Тихонова с его балладами, где мужество говорило с кипплинговским акцентом! Помянем молодого «серапиона» таким, каким он был, пока не стал тем, чем стал. Правда, он сонетов, вроде, не писал, зато мы свой попробуем настроить на суровый лад его героико-баллад...

...Хлад.		...Шаг
Орт –	<i>Не уверен в слове «орт» – в турпоходы не</i>	Груб:
Норд.	<i>хаживал. Но в кроссвордах он фигурирует</i>	Хруп,
Глад.	<i>как «единичный вектор».</i>	Крак...
	<i>А тем временем – в параллель сочинялось</i>	
Ад,	<i>некто на помин Саши, что ли, Черного, ну,</i>	Мрак.
Чёрт!	<i>вообще «сатириконецев», а то – обэриутов.</i>	Вдруг –
Морт,	<i>Такой фарс-ужастик, иронико-гиньоль.</i>	Труп,
Брат.	<i>Можно назвать: «Как я встретил зомби»:</i>	Наг.
Лёд.		– Шер!
Лёг –		– Ням!
Твердь...		– Хам!

Скотт.
Бог.
Смерть.

Шер-
Ше
Ль'Фам!

Вдруг – забрезжил Северянин. Вообще-то я его весьма и весьма уважаю, именно – как сонетиста. Сонетиста-портретиста – за его замечательные «Медальоны». Но подшучивать над его «поэзами» – у русских стихотворцев рефлекс вековой... Так что отдадим дань традиции. Правда, в результате получился как бы не совсем Северянин: не то молодой Жорж Иванов, не то Вертинский...

Строк	<i>Заодно – ёрзало жальце на любимого моего</i>	Зев:
Сцеп	<i>Гумилева (тот-то не в Европы езживал – в</i>	Лев!
Слеп:	<i>Африку). Или – на Бальмонта? Тож же славный</i>	Счёт
Скок!..	<i>путешественник, еще и покруче. Оба к канону</i>	Пуль.
...Смог,	<i>сонета относились с пиететом. У меня же –</i>	
Кэб.	<i>вышел «модерн» (см. катрены), с «прививкой»</i>	Рык:
Кэп.	<i>не то «футуро-», не то «имажино-», не то</i>	Прыг!
Грог...	<i>просто молодой Рюрик Ивнев, озоровавший с</i>	В лёт!
	<i>сонетами. Так что адрес шутики размытый...</i>	Нуль...
– Кросс,		Транс.
Гросс		Маг –
Герр?		Кафр.
– Кисс		Данс
Мисс,		Ма-
Сэр!		Кабр...

Иные «личности» (как говаривали в журналах времен Пушкина) еще дергали за полу: а я! А про меня? Но тут – пошло уже что-то другое. Сначала неожиданно возникло элегическое чудище – о «бывших», то бишь о классической нашей эмиграции «первой волны»: тут и а ля младая совлитература о них (и «Черная пятница», и «Ханский огонь» – типичны), да и собственные их тогдашние настроения...

Клад –		...День –
Прах.	<i>А потом – вообще непонятно что. Да и</i>	Хлам.
Крах.	<i>откуда бы? Ворохнулась память о наших</i>	Храм.
Чад.	<i>богоискателях, родимых «храмовниках»,</i>	Звень!
	<i>ключевцах? Не пойму исток посыла...</i>	
В зад,	<i>Ну, да иже писах – писах...</i>	«Трень!
В пах –		Вам –
Шах,		К нам.
Мат.		Брень!»
		<i>Вот варианты</i>
		<i>терцетов, меняющие</i>
		<i>и мысль сонета:</i>
Эх,		Верь: Дай Дай
Мил		В рай В рай Рай!
Граф!		Дверь Дверь! Спас:
Э-		Спас «Спас – «Суд –
ми-		Даст. В нас, Тут,
грант...		Дай! Верь...» В нас!»

А теперь, под занавес, – хотите нечто апокалипсическое?

...Гроздь
Свеч.
Лечь –
Гвоздь.

*Вообще-то – не худо. Валерий Яковлевич – тот, еще
не отрекшийся от символизма, не отказался бы. Хотя,
судя по всему, ближе ко «кларистам»...*

Смерч!
Гость:
Кость,
Меч.

*А мне – больше всего по душе этот генитив: «свеч».
(Рано радовался: «в художественной речи возм. род. мн.
«свеч» – Орфоэпический словарь русского языка, М.,
1989, стр. 507. Ну, не дают неологизнуть!)*

Бронь!
Конь
Блед!

...Плен
Стен.
Бред.

Наконец, какой уважающий себя иронист, рефлексующая личность, не попробовал бы поупражняться в собственном само-зеркальце, в авто-эпиграмме? Ну-ка, в этот сверхпунктир – уложатся ли мои полвека сознательного труда? А получившееся спонтанно – вдумчиво прокомментируем...

...Вуз. *То есть 60-е годы века 20-го? Как точка отсчета – годится.*
Вник: *Да уж, по брови! Видать, филологический вирус сидел в крови.*
Груз *Еще бы: сколько лишнего читано за годы! Скарб, который всегда с тобой.*
Книг. *От него и все кайфы, и все беды, все бесконечные фальстартики – с крылышками и гирями на шиповках...*

Вкус –

Дик. *Не льстишь ли себе, умник? Может, все-таки – как у средне-образованца?*
Туз *«Туз» – сказался шизо-комплекс самооценки. Но масть – моя, увы! И вовсе в*
Пик. *масть – как символ биографии, метафора-магистрал...*

Муз *«Шутка ли – выучить птичий язык, а вымучить – пыточный мык!» Из моих*
Мык. *песенок, мой репертуар домашнего самоанализа. Рыданье аонид, в общем.*
Взбрык! *Так и идет: очередная пляска святого Витта, – а вдруг рекордик?*

Блюз? *...И загадываешь, трепеща и надеясь: что выйдет-то? Лирический сумрак?*
Блик? *...Солнечный лучик?*
Пшик... *А получается – как всегда. «Нуль и в конце судьба оставит» (из сонетов)...*

Боги мои! Ведь и вправду – горстки слов хватило на полстолетие! Такая долгая жизнь – в четырнадцать слогов! «Безумная рыдает Эвменида» (была у нас такая прелестная пародия XIX века: славянские страсти – языком горней трагедии...). Словом, гробная лазурь, как говаривал Андрей Белый. Или – как он же любил цитировать другого из четырех «великих Б»: «так медленно гроб забивают...»

«Я не сотворен для людей теперешнего века и нашей страны; ...я везде одинаков – и потому нигде не гожусь». Надо бы добавить – «и никогда»: уже давно мне ясен мой фатум: оказываться «не своим», чужаком и маргиналом для всех времен, в которые довелось жить, – любых, как бы ни менялись они. Боги мои, а ведь драматургу, давшему эти слова герою своей ребячьей трагедии, было 17 лет! Сто́ит же дотягивать до ровно «наоборотного» срока (те же цифры – в обратном порядке!), чтобы примерять к себе, старику, мудрость мальчишки из XIX века! Как рано и жутко выросли люди в лермонтовские времена... И как бескровно и непоправимо поздно – мы. Да и вообще – вырастеем ли? А ведь у него это не эмбрион несчастного позера Грушницкого говорит – нет, как раз альтер эго автора... Кстати, всю

жизнь остаюсь с подозрением, что явившийся через десяток лет Грушницкий – при всей полярности «биографий»! – не кто иной, как лучший друг Мишеля Столыпина Алексей Аркадьич (очень похож – судя по абрисам натуры Монго, оставленным кое-кем из современников), однокашник и наперсник, загадочный секундант при убийстве, за долгую потом жизнь ни словом, ни устно, ни пером, не обмолвившийся ни об убитом «друге», ни о странной дуэли, ни о своей в ней роли... Маячит за всем этим какая-то темень, драма, навсегда оставшаяся для нас тайной... Почему вспоминается мрачная тень эрзац-демона другого поэта – гиньольный, но ядовитый бес-«друг» Пушкина, Александр Раевский?..

Но на такой минорной ноте заканчивать игры не хоцца. А нафталиновых передразниваний – достаточно. Что-нибудь – съёрничать! Ну-ка, благослови, любезный сердцу А. С., резвец, дерзец и матершинник!

Вот Вам, мадам, этакая изячная дуля. Стёб – так уж стёб!

Знать.

Зал.

Бал,

Гладь.

Глядь, – *Безобразие, конечно, хулиганство. Но ведь – всё соблюдено! И внутренняя*
Фалл *диалектика (теза, антитеза, синтез-разрешение), и вся структура, и*
Встал: *«философизм медитации при реальности деталей» (прямо как у моих*
Блядь! *излюбленных акмеистов)! И заодно, заметьте, – архивиртуозность,*
игра-то щегольская стихографики, не уступит мэтру И. Анненскому!
Вра- *Одним словом – «chef-d’oeuvre» и «tour de force», как сказывал и сам А. С.,*
г – реф- *ба-а-альшой знаток балов и знати. Он же и перевел однажды*
лекс. *шедевральную евротерминологию на язык родных осин: знаменитое*
автоприменение «сукиного сына».

Пра-

грех:

Секс...

И совсем уж в финале – экзерсис-модерн на тему: «Когда потребует поэт к священной жертве...»

Бзик:

«Слышь?

Крик!

Феб?»

«Фиг!

Лишь –

Сдвиг

Скреп.

Шиз –

Близ,

Мэтр».

Ну, тут все прозрачно. No comment.

Хмель.

Бель-

Летр?

Эрго: финита ли комедия?

Кстати, отличная реплика на финал. Жаль только, что ее уже придумал покойный драматург Рошин...

Как бы то ни было, а отныне список российских суперкоротышек вырос минимум вшестеро. Вы, Альберы де, ну-тка! Чем мы, с нашим исконным-посконным, великим-могучим, хуже утонченного иноземья? А ничем. Еще и помастеровитей будем.

Впрочем, истины ради – надо бы заметить: тут «чистая» схема – только одна. «Французская», кстати, – «Ходасевич» (а кому бы еще!). Остальные – «нечистые» итальянцы, метисы. Хотя в русской практике такая «смазь» началась еще с того же А. С. Терцеты, правда, – по канонической парности: «треугольные» или параллельные. И – батюшки, только сейчас заметил! – всего один «крестовый»! Что бы сон сей значил, что сказалось, без воли автора, вышними силами? Нет на мне креста? Как-то неуютно вдруг стало...

Но ведь один-то – есть! И ведь не где-нибудь возник – а именно в первом «храмовом»! Случайность, скажете? Слишком уж «снайперски» – для случайности. А что ненамеренно, – клянусь!

Ладно, вся эта древняя семантика сонетной формы – силлогизмы, «кресты», «треугольники» («божье око», «троица») и т. п. – ныне архаика, схоластика, пыльные радости сонетознатцев с перышками перержавленными... Простите, друг мой, гуманитарный зуд (вот еще хорошее слово есть: «филологопедический», а?).

А вообще-то – утирать сегодня нос Европам бессмысленно: там с XX века правят бал иные «нормы» и моды...

У нас нечто похожее (не по причинным импульсам – по культурным результатам) было в конце XIX столетия. Когда сознательно-«продвинутые» наследники «золотого века» словно разучились классно писать стихи. Упадок поэтослова с блеском преодолели те самые, из века серебряного (а началось-то – как раз с «упадочников», «декадентов»!). И разгон дали – хватило аж на столетие (что бы ни происходило с поэтами и поэзией в десятилетия социализма с нечеловеческим лицом, – хватило!). А на Западах – их серебряного века как не было, так и нет. Зато и «упадком» нынешнюю стихокультуру их франций-англий-америк они, гордые, конечно, не считают. Наоборот – ощущают себя впереди прогресса. И мир уже приучили на них оглядываться. И у нас – есть такие мнения. У больших специалистов и у поколений младых.

Что ж, во всем есть свои плюсы. То есть – сумма накоплений. К XXI веку бель-летр освоила массу новых пространств – до отхожих мест, тонны новых идей и слов – до всех заборных и стёбных. Хватает на то талантов и в наших краях. Исполать им! А мы, отдельные динозавры, – уж по старинке, как-нибудь... Для нашего уха («менталитета» тож) и стих – не стих, коли без рифм и внятных мысле-слово-ритмо-звуко-волнительностей.

...А дюжинка тутошняя – сочинена, знаете ли, подряд, в один день, часа за два-три. Заготовок – в том числе макаронических, каламбурных – по ходу дела насыпалось еще на столько же виршей, но – бросил: уже пошло в разнос, это ж – как семечки, зараза, – не остановиться...

О да, я понимаю: этот пир мастеровитости, бряцание умениями – сегодня, может, и отменно тонко, и умно, но – несколько смешно, мягко говоря. Ладно, оставим до века следующего – «бронзового» хотя бы. Я-то в когдатошний очередной ренессанс русского «золотосеребряного» стиха – верю безусловно. Вот только жить в эту пору прекрасную...

В итоге опять выходит: тот еще из меня забавник-затейник. Уж больно они специфические, мои маленькие радости.

И перед Вами, милая Постумия, виновен я непоправимо: сотворил себе – из живого существа – Галатею наоборот, фигуру без лица, имени и дыхания. Собственно, все такие письма мои – не к Вам, выходит, а к некоему идеальному читателю. А модель такового читателя – не что иное, как альер-эго пишущего. То есть изначально спецпочта эта – замкнута на адресанта. Потому и не жду ответного эха, не мучаюсь безответностью моего

адресата. Да иное и непредставимо для меня, – как если бы отражение в зеркале вдруг стало производить собственные жесты...

Вот такая любовь, мой друг. Каждый любит – как умеет. Или – как не умеет. Впрочем, где-то я это уже говорил... Между прочим, есть у Набокова в одном из стихов удивительная фразочка, даже как-то на него не похоже – трепетная, обольстительно-уповательная, проговорился, открылся застегнувший душу в тугой сюртук: «Мы – гусеницы ангелов»...

Осталось в качестве заключения – привести стих упомянутого много выше славного француза Агриппы. Вот он – в хорошем русском переводе (не моем!). Читайте – каждый столбец отдельно, а потом – строчки подряд. Вариант пунктуации – только в последней «малой» строке, остальное – равно годится на все три стиха, здесь имеющие быть.

Чей здравый смысл угас,	Бежит любовных нег,
Тот не боится мук,	Кого прельщает воля.
Мой друг, любовь для нас	Завиднейшая доля, –
Несчастье и недуг:	Любви не знать вовек.
Отрада всех отрад –	Лелеять чаровницу...
Свобода и покой...	Ну это ль не напасть?
Удел стократ благой –	В любовный плен попасть,
Хранить сердечный хлад (.) –	Что лечь живым в гробницу.

В конце письма – поставить: *Vale!*

К ВЕНКУ-9

(Из писем, унесенных вороном.

Под письмом та же дата, что под венком-9)

ТВОЙ САМЫЙ БЛИЗКИЙ ДАЛЬНИЙ...

Здравствуй, немая женщина,
здравствуй, моя избранница.
Что-то слова из жести мне
пóд руку нынче ладятся.
Что-то не гладко пишется,
что-то не сладко словится.
Строчке – почти не дышится.
Ручка – вот-вот и сломится:
трещина в тельце ручкином,
пальцы – в чернильных кляксинах...

Сложим-ка строчки кучкою, как не велось у классиков: может, в бесстрофном ворохе будет дышаться проще мне...

Знаешь, как были б дóроги строчки, что в спешке брошены доброй рукой на листики писем твоих несбывшихся...

Я записался в мистики: видится нынче, слышится, что на роду мне – выдюжить, смочь, дописать заветное, если ты стерпишь, выдержишь вязь мою несусветную всех бормотаний любящих, всех причитаний ноющих... Ну, вздохни: «Потерплю еще!», ну, улыбнись со мной еще: ах, нудновато, приторно (и уже – деликатно ли?) – вечнозеленой придурью чибис на темя капает. Пенье хоть безобидное, да уже поднаскучило...

С рожей, морально битой, лягу на ложе лучше я – на диванчик обшарпанный, что на двоих не делится... Век уж не пахло жареным в логове моем девственном.

Что-то сегодня странно мне, и настрой легкомысленный. Был в молодых – из ранних я, стал я в поздних – безлиственным. Ветки сухие – ломкие, только коряво колются... За пустословье ловкое – что-то глупцу обломится? Да ничего, пожалуй что, – годы впустую трачены. Мающемуся жаждою – родники не назначены.

Что-то на мелком месте мне мелочно философится... Ах ты, жисть моя, жесть моя, в грош ценой по пословице! Странного рыбе хочется, а чего там – хотеться уж! Прелестям одиночества предан я – не отец, не муж, чей-то – порой – любовничек, издали – друг семей... Быть бы мне уголовником, будь я чуть посмелей.

Чтой-то шибает ёрничать – прямо на мостовой. Да ведь начни серьезничать, – вдруг не удержишь вой? Время сочится кровкою из-под ногтей в обгрыз. Время божьей коровкою село на мой карниз.

Солнышко греет лоджию. Пусто. Легко. Нелепо.

Время, коровка божия, ну-ка – лети на небо. Там твои детки-годики доедают котлетки.

...Жаль, что часики-ходики стали теперь так редки. Были они уютны и наивно-домашни. Стискивались минуты в годы совсем нестрашно. Стикивались мгновенья лихо в десятилетия...

Времени дуновение тихо пело о лете, о нескончаемом лете руладил мелос без киксов, о том, что на нашем свете нет харонов и стиксов... Время лечило ссадины, утоляло печали.

Ходики, киса усатая!.. Слышу теперь ночами с другого берега оклик...

Когда же он вдруг возник, твой полновесный облик, Время, Господень Бык?

Виснешь, грубое, зримое, дамокловым кирпичом...

Чудо мое, любимая, знаешь, штука-то в чем? Время, Господня сводня, чёрту на угождение, сводит меня сегодня с днем моего рождения...

Это я, Господи! Господи, это – я.

Слева – моя любимая, справа – моя семья.

Правда, они – у краешка, за рамой они почти.

Зато посередке, Господи, – я это, уж прости.

Весь под Твоею руцею, наг, убог, хром.

(Прости заодно, тень Слуцкого, за стёб над твоим стихом!)

С каким я тщился старанием предстать собой самим!

Думалось – фотография. Выходят – маски и грим?

Господи, по comment! Прошлое – впереди?

Собаку, спящую в коме, Господи, не буди!

Тем более, когда спит – лев. Если и дряхлый. Пусть и игрушечный. Пудель сиречь. По Зодиаку я – Лев. Щедрый царь живущих.

И слово «ты» раскрыло свой новый смысл и означало – «царь»... Ты – царь? Живи – один.

...И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг.

Не могу, не хочу, не получится, друг мой, – прощаться. Ни на век, ни на миг.

Третья осень на дворе – третья наша осень...

...Приустал ли художник, или вытерлись кисти? На скамейку под топодем захочешь присесть – и услышишь: скрипят пожелтеть не успевшие листья, заживо обращенные в жисть. Есть обидная ложь в дисгармонии звука и цвета. И неловко вдруг станет – кого за промашку винить? Словно после финала бравурной симфонии «Лето» декорации забыли сменить. Но уже, летним фугам на смену, под шорох льдистой пленки на пятнах от вымерзших луж, зазвучало адажио с легкой руки дирижера, и приходит пора очищенья природы и душ. И – недавние боги, герои, шуты и повесы, о случайном, суётном, слетевшем с души не скорбя, как в щемящую мудрость прозрачной чеховской пьесы, входим в осень. И в ней обретаем – себя. Ею лечимся мы, от гостей и страстей отрешенные, как

рентгеном, себя проверяем до самых глухих уголков. Мы у осени учимся строгой ее обнаженности. И диктует октябрь неклассический метр для стихов...

Что ж, хочется – в крашеный парус верь, хочешь – вином непокой залей. Грустная осень стучится в дверь пальцами вянущих тополей. Хочешь – ищи ясноглазых людей, в небо летящее окунись, в горсть набери перламутр дождей, к ветру неспящему прислонись. Хочешь – знобящий воздух глотай, учись смиряться, терпеть, прощать. Хочешь – запришь и стихи читай. Но Бог упаси тебя – их писать!.. Нет хвори безумней – слоги низать, ласкать, мозоля строчкой глаза, щенячью надежду: связать, сказать такое, чего никто не сказал. Плутаешь и кружишь, годá дробя, а к несказáнному – нет пути... И снится: вот-вот – слова вострубят, и мнится: еще разбег – и лети...

Но сыну, коль будет он у тебя, стихи писать – запрети.

...Не доверяй воображенью: обманет, – будешь нищ и наг. Не обрекай на поражение свой разум в четырех стенах. Нет, не откроется она тебе, несбывшийся колумб, сквозь пленку мутного окна – небес пронзительная глубь. И сквозь бессонниц маету – не разглядишь на дне стакана предгрозовую густоту ультрамарина океана. В твои плоды ночного бдения из недр чернильниц не вольется заемной кровью слово гениев, пророков и первопроходцев.

О, эта вера дилетантская в бездонность собственного лба, в неисчерпаемость фантазии, возросшей на чужих хлебах!

И – логика самообманов: ты даже тут признать готов – в своей трагедии карманной – сестру вселенских катастроф...

...Когда разламывался мир, рычал огонь из жерл вулканов, миг обновления, страшный миг рождал из пламени – титанов. Они вставали в дыме серном, кипел гранит, от жара бел... И век великих потрясений несли колоссы – на себе.

Эпохи зольные, вам – горе. Герои, в миф уйдя, истлели. С натугой мышь рожая, горы знать не хотят, что – одряхлели. И ждут, что дряблая утроба вот-вот палящей треснет лавой. Всяк шорох ветра, вял и робок, им – рокот бури, ропот славы. Их капля точит, время рушит, но мнится трепет им родильный, в больной трясучке недр старушских – предвестье корчей молодильных...

Столений ледяная призма, музейный трупик дивной геммы... Полвечности – до катаклизма, чтоб из горнил исторгся – гений.

Осень, осень, третья наша с тобой осень, нескончаемая моя осенняя песенка...

Три марева, три рубежа за спиной,
Три темных серебряных лета...
А всё не привыкну, что ЭТО – со мной,
Безумье горячее это.

Приметы недуга – потеря лица
И горькая немочь в крови.
Как страшно ночами с чужого крыльца
Смотреть на окошки твои...

А после – сырым факелком на ветру
Вползать в свои хмурые стены,
Косясь от порога в немую дыру,
Где тени беды и измены.

И все же, и все же – в тех странных ночах
Безумца врачам не спасти.
Бездомные лары, храните очаг,
Что нами затеплен в горсти!

Мой ангел безумный, мой горестный друг!
Преклоним колени, попросим, –
И, может, нам снова спасительный круг

Очертит добрейшая осень,
Возложит на язвы златые персты,
Где слева в груди напекло...
Я снова надеюсь – надейся и ты! –
Что время чудес – не прошло...

Но сыну – коль будет он к тебя – стихи писать запрети...

Друг мой, друг мой, пора. Зурбаган наш с рассветом растает. Светлячок мой, Несбывшаяся, прости. Я открою тебе и смешную, и грустную тайну: знаешь, Синяя Птица – не прилетит. Не поймает её. Как ручного скворца, не подманишь. Не ослепнешь от перьев пронзительной голубизны. Не бывает её. Не бывает совсем, понимаешь? Не становятся явью красивые сказки и сны.

...Тает призрачный город. Тебе я придумывал это. И тебя я придумывал тоже, мою Фрэзи Грант. Вот сквозь зыбкую тень маяка над проливом Каскета серой башней возник настоящий земной телеграф...

Ты поплачь обо мне, хорошо? Хоть немножко, для виду, за ненужность прощаний, за позднюю нежность коря. Потому что иным уходящим бывает обидно – знать, что плакать по ним предназначено лишь матерям... До свиданья, Гринландия. Сказка моя, до свиданья.

...Всё ясней проступают привычных домов этажи...

А закон одиноких дорог – неизменен в любой из Гринландий. Да, и в сказочных странах. Я знаю теперь. Я там жил....

...командор
ну зачем тебе анна
с темной кровью лукавка дикарка

украшеньем заштатного парка
станет гипс твоего истукана

на лжепастырей траченный паствой
мрамор стал дефицитен и дорог
фарс на тему шагов командора
обанален нью-грандовой кастой

впрочем желчь нам сегодня не стоит
отречений и терний на темя
так что тень обличенья пустого
извини

возвращаемся к теме

Так зачем тебе все-таки Анна?
Честь? Гордыня? Обида? Любовь ли?
Умирать – иногда и не больно.
Умереть – вот что зыбко и странно.

А страннее всего – жить как нежить,
Ждать рассвета – глазами на запад.

Командор,
Удивительно нежен
Безнадежности призрачный запах.

Наш спектакль – нами он и оплачен.
Наш ли бархат кулис – бумазея?

...Командор,
Отчего же я плачу,
Что лепажи и шпаги –
В музеях?..

К ВЕНКУ-14

ЕЕ ЛИЦО – НАЧАЛО ВСЕХ КОНЦОВ...

(Из писем, найденных на чердаке)

...Госпожа Удача, луна в пруду,
Пыль горячих снов, волчья сыть...
Чем сманю тебя? В чем сыщу-найду?
Что такое – с удачей быть?
Обрести друзей? Одолеть врага?
В свой единственный час – расцвести?
По заслугам – честь? По трудам – деньгá?
По любви – любовь? Кто ты есть?
Протечет почет, как в горсти́ вода,
Расточится росой клад,
Что свершил – забудется без следа,
Даже рукописи – сгорят.
Завивает муть оловянный век,
Крутит душами и костями.
И восплачешь безднам ты, человек:
«Кто-нибудь, приди – и пойми!
Я хочу быть по́нят своей страной...»
Ну, зачем уж так – в необхват?
Хоть бы – тем, одним,
Хоть бы – той, одной...
И одна бы душа – да в лад...
С чем ты, бос и гол, в этот мир вступил,
С тем уйдешь ты в тень, сир и наг.
Но коль соль делил с тем, кем по́нят был, –
Царь удачников ты, бедняк.

...Сегодня суббота. На улице – солнце. Проснулся свежим и радостным.

Почему – не знаю. Вроде, и тебя во сне не видел (кстати – не вижу никогда. Думаешь ли ты обо мне, дружок? Думай, пожалуйста, хоть немножко, – то есть не думай – чего тут думать! – а просто: помни, ладно?).

Я ликую сейчас, дружок, мне петь хочется, хохотать во всю глотку.: НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИТСЯ! Я это окончательно понял. И – всё хорошо будет, я знаю: ты – со мной, верю – я нужен тебе.

Ну, вот, выкарабкался кое-как из винегрета мыслей – и легко стало. Всё, что я тебе за это время длинно и туманно плёл, укладывается в очень простые слова: я тебя люблю и прекратить это – не могу. И не хочу.

Вот – написал-таки эти слова, которые так не хотелось доверять бумаге. НИЧТО НЕ МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬСЯ!

Извини – я сейчас брошу писать. Пойду на улицу. На воздух хочу, на солнышко. Там хорошо. Там – люди. Всякие. Все – хорошие. Я их люблю, дружок. Смешно: разве можно ныть, хмуриться, горевать кому-то – в такой день? Бросьте, глупые. Разве можно быть дураками, алкоголиками, пошляками, завистниками, убийцами? Вы ведь все – умницы, все – добрые, славные вы мордашки. Слышите? Ку – ку!..

...Дружок, я – бездарь. Не могу связать двух строчек. Забыл – как это делается. Или – всегда не умел? Словом, стихи, кажется, не получились. Вот – какие-то обрывки.

Наверное, каждый графоман рано или поздно должен попытаться соорудить свой гимн женщине. Не просто, понимаешь ли, Нине-Гале-Тане-Наташе-Любе-Люде-Лиле-Тоне-Лиде-Ане-Свете-Ирине-Лене-Оле, а – Женщине.

У меня, может быть, вышла мура. Но, все-таки, вот они, эти обрывки. Я их даже хотел – «Сотворение мира» назвать... Вот – семь микро-главок.

– I –

Что же было –
Дело или Слово?
Как возник
из света и тепла
мир, в котором дышим мы?
Ab ovo,
прежде мира –
Женщина была.

– II –

...Когда, как будто, всё измерено,
Всё узнано и всё проверено,
И в душу холодком – безверие:
Всё суета, в конце концов, –
В тебя
внезапным откровением
Вплывает –
женское лицо.

– III –

Она в тебя войдет –
пронзительна,
как нож.
И ты за ней пойдешь –
на крест, на эшафот.
Её – как казни, ждешь,
как воскресенья, ждешь.
Ликуешь и клянешь,
и знаешь наперед:
она в тебя войдет
мучением.
И все ж –
за нею ты пойдешь,
лишь только позовет.
А счастье?
Счастье... Что ж,
безумец – кто пойдет,
кто все-таки пойдет
сквозь хохот и скулëж,

на зов ее пойдет,
забыв и дом, и род, —
тот счастлив.
Только тот.
Всё остальное — ложь.

— IV —

...И вскипят рассветы и ночи,
Неожиданно поновевшие.
И огромной зеленой почкой
Мир раскроется —
для прозревшего.

— V —

Душа, конечно, —
дело большое:
Идеи там, и раздумья,
И всё такое...
Я сам — с душою.
И все же —
гореть в аду мне.
Я грешник.
Я руки твои ловлю.
Я губы твои ловлю.
Как влагу пустыня —
тебя я пью.
Я тело твоё
люблю.
Пусть ханжи
благопристойно
морщатся, —
Женщину люблю.
И это — главное.
Не святую.
Бестелесным — молятся.
Теплых и родных зовут —
Ж е л а н н а я.

-VI-

...Не иконный сусальный лик –
Я целую

твои колени.

Да пребудут они нетленны –
Колыбель и нива

земли.

Ты собой одаряешь –
как вечностью.

Да святится
женская

та

Очищающая доверчивость,
Беспощадная доброта.

– VII –

Ты – проста.
А – разложи поди на атомы,
формулу твою – найди попробуй-ка.
Кто же ты –
исчадь ада дантова,
или божество золотобровое?
Истину искать – занятие праздное.
Но –

да здравствуют ее нашедшие!

Вот она:

до ужаса прекрасное,
страшное до счастья

Слово –

Ж Е Н Щ И Н А!

Да нет, очевидно, это всё недорого стоит, дружок. И тебя – не стоит. Много пафоса и на грамм *живого*. Всё, вроде бы, и правильно, и истинно, так чувствуешь, так думаешь... И всё – ли-те-ра-ту-ра. Бель-летр. Вот те нате, хрен в томате, Бёлль, читая, говорит. Разве что – текстовка для дуэта а ля Кобзон с Пугачевой. Еще и стёб этакий стыдливый киксанул...

Лучше я тебе еще одну песенку сочиню. О той рассыпающейся старой книжице аж 1918-го годка издания, помнишь – ты мне дала ее когда-то полистать? Откуда у тебя этот раритет, кстати? Как мало мы – всё друг о друге чувствующие, – знаем друг о друге...

Вот – опять намурлыкивается что-то вроде вальса. Почему тянет меня именно к этим ритмам? Потому ли, что вальсы – теперь тоже раритет, или – просто мета возраста, годков моих? Где-то у Эдички Лимонова рассказ был: о том, как он побывал в Париже в гостях у престарелой Саломеи, волшебной Соломинки, героини прелестных стихов Мандельштама. И старуха, попивая коньяк (или что-то поавантажнее? – не помню), ему сказала: самое страшное в старости – пропасть между духом и телом. Вот где ад – когда телу на погост пора, ветхо оно и бессильно, а ощущаешь-то ты себя, внутри этой неумолимой оболочки, – двадцатилетним, со всеми вытекающими... Между прочим, вот что у него там еще было сказано: она, двадцатилетняя женщина в девяностолетнем теле, только тут, от гостей, узнала, что не оставивший следа в ее чувствах и памяти, забытый ею смешной и уродливый еврейчик Ося, оказывается, ей стихи посвящал, ставшие знаменитыми... Если автор, негодяй, этот штришок и придумал сам, – деталь-то, черт его возьми, почти гениальная...

А к песенке я и эпиграф дам – из той самой твоей книжечки... И еще один – по памяти... Вот тебе – ВАЛЬС О НЕЛЕПОМ МАЛЬЧИКЕ.

*...И хочется долго, до самой могилы
(И, пожалуй, даже дальше!)
О моей настоящей любви
Думать без строк, без размера, особенно без рифм,
До мудреного просто, другим непонятно,
И завидовать,
Что не я выдумал это единственное слово:
– Любовь.*

В. Шершеневич
май 1918

*Женищина, пишущая стихи, смотрит на мужчину.
Мужчина, пишущий стихи, смотрит на Бога.
Кажется, Блок*

Смешной мальчик,
С шершавым еврейским именем,
В Москве, революцией выстуженной,
Гордой, голодной, горестной, –
Кричит смешные стихи.
Цветными мелкáми и инеем
Их чертит по стеклам высаженным,
Кидает по ветру горстками
Цветочной сухой трухи.

Блажной мальчик.
Россия – в пене и в лозунгах.
Всё ближе июль эсеровский.
Еще не блáзнится Ленину
Деникинский грозный год.
А мальчик, нелепо-розовый,
По-гимназически дерзкий,
В щенячьих своих томлениях –
О женских губах поет.

Да наш ли мальчик?
Как страсти его манеры,
Изысканны неуклюжести,
Признания – так ребячливы,
Бубенчики – так пусты...
Как в рифмы свои фанерные
Душу он вдунуть тужится,
Пигмалион незадачливый
Игрушечной красоты!

Дурашка мальчик.
Он чуть помоложе Лермонтова,
Понюхавший запах века,
Запах вина и ржавчины,
Иприта и кумача.
Так что ж никак не взрослеете вы,
Смешной черновик человека?
На елочный блеск растрочена
Малая ваша свеча...

Бедняжка мальчик.

Пропишут поэту ижицу
Страна и эпоха-мачеха.
Затянется в небе трещина...
А через семьдесят лет
Полуистлевшую книжицу
Давно истлевшего мальчика
Даст полистать мне женщина,
Богов для которой нет.

Эта женщина...

О ней говорить не хочется.
Любовь не украл я эту –
Я сам себе ее сделал,
Все песни тут – шелуха...
Но книжка мертвая корчится...
Он все-таки – был поэтом,
Рано почуяв пределы
Расчисленного стиха.

Эта женщина...

Ей страстные и печальные
Стихи бормотать я бросил –
Любовей ли мир не видывал...
Ах, мальчик кукольных снов!
Что ж ты вдруг так отчаянно,
Так попросту всхлипнул по прозе,
На миг до тоски позавидовав
Единственному из слов?

Эта женщина...

Мальчик, я старше втрое.
Стихов перечёл я больше,
Чем было в России провещано
К твоим двадцати пяти.
И я не смеюсь над тобою.
Простите мне, Блок и Боже:
Тому, кто смотрит на женщину,
С Богом – не по пути...

Эта женщина...

Прописана будет ижица
Стареющим графomanам.
А небо – оно не треснет,
Земля – не споткнет свой бег...
История мимо движется.
Страна не видна за дымами.
Придет – и растает песня.
И встретит – другой человек

Другую женщину...

Как там у Михаила Афанасьевича было – о Маргарите, ставшей счастливой
ведьмочкой?

«...И вслед ей полетел совершенно обезумевший вальс.»

К ВЕНКУ-15

ПОСЛЕДНИЙ ВАЛЬС

Из письма, найденного на чердаке

– Я приду. Приду. Ведь у меня есть песня – моя песня.

...Винтовой вихрь забирал и крутил пыль, тряпки, крашенные щепки, мелкие обломки позлащенного гипса, картонные кирпичи, афиши; летела сухая мгла.

И он пошел, посылая улыбку северу, – среди пыли, и падших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему, – тронулся к *тем* заселенным местам, напевая вполголоса. Песню «Летучего Голландца».

Счастье дьявол воровал
лишь у тех,
кто боялся, что его – украдут.
Пусть
забудешь ты
мой голос и смех,
не написана ты мне на роду,
ты прости, –
опустит скрипки зима,
и когда,
как в том забытом году,
вступит черными свирелями март,
я во сне к тебе, забытый,
приду.

Близко-близко я в тебя
загляну,
промолчу, чтоб не встревожить твой сон.
Ты прости, –
напомнит мне
ту весну
рей, вантов и облаков перезвон.
То ли парус
тенью встанет в окне,
то ли просто темной тучкою грусть...
Подожду –
а вдруг окликнешь во сне,
и, конечно же,
опять не дождусь.

И уйду – и повторю
этот путь
через год штормов и мертвых зыбей.
Пусть
тебя не суждено
мне вернуть –
суждено мне возвращаться к тебе.

Плачут камни
на твоём берегу,
и пустынен, и далек окоем...
Ты прости,
что я в тебе
берегу
одинокое бессмертье мое.

Счастье тот лишь навсегда
потерял,
кто сумел его, глупец, обрести.
Ты прости,
что я оставил
причал,
чтоб искать к нему веками пути.
В этом лучшем
из нелепых миров
выбрал лучшую себе я судьбу:
счастлив тот,
кому дано вновь и вновь
возвращаться к своему
Мысу Бурь...

Он ушел.

Умирая, одинокий, он скажет всё те же, полные нежной веры и грусти, твердые большие слова:

– Я – приду!..

Он счастлив – не мы.

И тогда она – где бы ни была в такую минуту, по *эту* или *ту* сторону, – вдруг услышит, сквозь музыкальную ли фразу, с которой мы заснули, или сквозь стук, дребезг и холод нашего пробуждения, – услышит: *последний вальс*.

Когда замолчу,
ты молчанью, родная, не верь.
Затеплю свечу,
отомкну на шаги твои дверь.
Ни в сон и ни в чох я
 не верю
 и клятв не твержу, –
на милую челку
 я тихо ладонь положу.
Ни Богу, ни Чёрту
 не верю,
 святым не кажу, –
на гордую челку
 я молча ладонь положу.

Когда я устану,
в усталость, родная, не верь.
Мы жизнь пролистали,
где меньше даров, чем потеря.
Ни в крестную муку
 не верю,

ни в темную лжу, –
а тонкую руку
я просто к губам приложу.
Полночному стуку
не верю,
теней не бужу, –
а светлую руку
я молча к губам приложу.

Когда усмехнусь
над тобой, ты усмешке не верь.
Ночами молюсь,
чтоб любили нас птица и зверь.
Ни силе, ни власти
не верю,
но зла не держу, –
за бедное счастье
я тихо спасибо скажу.
В коней бледной масти
не верю,
Трубы не дрожу, –
за грешное счастье
я молча спасибо скажу.

Когда я обижу
тебя, ты обиде не верь.
Поближе, поближе!
Ну, вот, мы и вместе теперь...
Судьбе и молве я
не верю,
гадать погожу, –
любить – не умею,
а ласку и свет – отслужу.
Лукавому змею
не верю,
за грех – не сужу,
лечить – не умею,
а боль – отмолю, отслужу.

Когда я умру,
разговорам о смерти – не верь.
На Судном ветру
стала небом нам – скудная твердь.
Ни бездне, ни краю
не верю,
назад не гляжу, –
т е б я выбираю,
с тобою одной – ухожу.
Ни аду, ни раю
не верю,
шагнув за межу, –
тебя выбираю.
С тобой – от тебя – ухожу...

Простим жизни, мой друг. Она – нищая перед нами.

Прости меня – за то, что мне так трудно бывало найти слова. Правильные и недлинные.

Прости себя – как я прощаю тебя, – за то, что тебе показалось: я порой говорил словами – чужими (вот и в этом письме: без кавычек и сплавляя, не стыдясь, в единое слово вокруг *моих* песен – сказанное, вроде бы, в разных временах, краях и книгах, разными Мастерами – из моих вечных ночных гостей, друзей-собеседников в домике с венецианским окном, виноградом до крыши и свечой на столе). Ты ошиблась, нечаянно, нестрашно и поправимо: это тоже есть – и всегда были – МОИ слова.

Мы – гусеницы ангелов.

